

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**ВОСТОЧНЫЕ ВЕТВИ
РОССИЙСКОЙ ДИАСПОРЫ
В ПРОШЛОМ
И НАСТОЯЩЕМ**

Коллективная монография

Москва
2019

УДК 93/94

ББК 63.3(0)6-284.6 + 63.3(2)6-362

В 78



К 200-летию

Института востоковедения РАН

Ответственный редактор:

к.культ.н. Д. С. Панарина

Рецензенты:

д.и.н. В. И. Дятлов, к.и.н. А. А. Соколов

Руководитель проекта:

к.и.н. В. П. Николаев

В 78 **Восточные** ветви российской диаспоры в прошлом и настоящем (Коллективная монография) / отв. ред. Д.С. Панарина; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2019. – 312 с.

ISBN 978-5-89282-911-3

Диаспора - это феномен, изучение которого не теряет своей актуальности. Предлагаемая читателю коллективная монография охватывает широкий круг вопросов, связанных с жизнью российской диаспоры в странах Востока (от Египта до Китая) в исторической ретроспективе, начиная с XIX по XXI вв. Наиболее широко в монографии освещены события века XX, поскольку именно в этот период миграция населения приобрела глобальный характер.

ББК 63.3(0)6-284.6 + 63.3(2)6-362

ISBN 978-5-89282-911-3

© ФГБУН ИВ РАН, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	7
-----------------------	---

От эмигрантов до специалистов: многообразие российских диаспор на Востоке

Глава 1. «Прогрессоры степей» или советские специалисты в Монголии: историческая память об одном политическом проекте	15
--	----

Глава 2. Российские соотечественники в Израиле	35
---	----

Глава 3. Эволюция морально-психологической атмосферы на кораблях Русской эскадры и в лагерях беженцев в Тунисе в начале 1920-х гг. (по материалам «Морского сборника»)	51
---	----

Глава 4. Русская эмиграция в Египте	60
--	----

Глава 5. Исход российского казачества в начале XX века.....	65
--	----

Россия и Китай как единое диаспоральное поле

Глава 6. Русские в Китае – китайцы в России: этнополитическое взаимодействие	78
---	----

Глава 7. Проблема численности российской послереволюционной эмиграции в Китае в современной отечественной историографии.....	124
---	-----

Глава 8. Языковой барьер восточной эмиграции в Китае и попытки его преодоления. Адаптация россиян в иноязычной среде.....	143
--	-----

Глава 9. Основы финансирования политики по распространению русского языка в Цинской империи (вторая половина XIX – начало XX вв.)	170
--	-----

***Российская диаспора
в самом дальнем «далеке»:
австралийско-новозеландский case***

Глава 10. Влияние Октябрьской революции и Гражданской войны в России на судьбы русских австралийцев	180
Глава 11. Россияне в общественно-политической жизни Австралийского Союза в XX в.	190
Глава 12. Особенности самоорганизации российской общины в Австралийском Союзе в XX – начале XXI в.	204
Глава 13. Из истории русской эмиграции в Новую Зеландию: Дом Нансена (1963-1984 гг.)	236

***Российская диаспора
в зеркале литературы***

Глава 14. «Соотечественник». История создания одного рассказа И.А. Бунина	257
Глава 15. Ежегодник «Россияне в Азии» о литературе русской дальневосточной эмиграции	269
<i>Abstract</i>	278
<i>Библиография</i>	288

CONTENTS

<i>Introduction</i>	7
---------------------------	---

From Migrants to Specialists: The Range of Russian Diaspora in the East

Chapter 1. Progressors of the Steppes or Soviet Experts in Mongolia: Historical Memory about One Political Project .	15
---	----

Chapter 2. Russian Fellow Citizens in Israel	35
---	----

Chapter 3. The Evolution of the Mental Atmosphere on Board the Ships of the Russian Squadron and in Refugees' Camps in Tunis in the Early 1920s (based on the materials of the "Morskoy sbornik")	51
--	----

Chapter 4. Russian Emigration in Egypt	60
---	----

Chapter 5. Emigration of the Russian Cossacks at the Beginning of the 20 th Century	65
---	----

Russia and China as a Merged Diasporal Field

Chapter 6. Russians in China and the Chinese in Russia: Ethnopolitical Interaction	78
---	----

Chapter 7. The Problem of the Number of Russian Post-Revolutionary Emigration in China in Modern Domestic Historiography	124
---	-----

Chapter 8. Language Barrier of East Emigration in China and Attempts of its Overcoming. Adaptation of Russians in the Other Environment	143
--	-----

Chapter 9. Financing of the Policy on Russian Language Propagation in Qing Empire (late 19 th - early 20 th cent.)	170
---	-----

*Russian Diaspora
in the Very Furthest:
New Zealand-Australia Case*

Chapter 10. The Influence of the October Revolution and the Russian Civil War on the Fate of Russian Australians	180
Chapter 11. Russians in Public-Political Reality of the Australian Union in the 20 th Century	190
Chapter 12. Special Aspects of Self-Management among the Russians in the Australian Union in the 20 th - early of the 21 st Century	204
Chapter 13. To the History of Russians in New Zealand: Nansen Home (1963-1984)	236

*Russian Diaspora
as Reflected in Literature*

Chapter 14. "Compatriot". The History of Creation of One of the Short-Stories by A.I. Bunin	257
Chapter 15. Annual "Russians in Asia" on the Literature of the Russian Far Eastern Emigration	269
<i>Abstract</i>	278
<i>Bibliography</i>	288

Введение

Дiaspora - это феномен, изучение которого не теряет своей актуальности. Предлагаемая читателю коллективная монография охватывает широкий круг вопросов, связанных с жизнью российской диаспоры в странах Востока (от Египта до Китая) в исторической ретроспективе, начиная с XIX по XXI вв. Наиболее широко в монографии освещены события века XX, поскольку именно в этот период миграция населения приобрела глобальный характер.

Глава первая (А.В. Михалев) посвящена анализу основных политических концептов в исторической памяти советских граждан, работавших в Монголии во второй половине XX в. На тысячах из них сказался опыт жизни в Монголии, т.к. именно эту страну посетило самое большое количество советских специалистов. МНР на протяжении длительного времени была самой доступной за границей, как тогда говорили, 16 республикой СССР. Такое восприятие страны влияло на повседневные практики тогда и на отношение к Монголии сейчас. В центре исследовательского внимания – концепт «прогресс» как основная идеология того времени. Именно «прогресс» являлся фундаментом идеи перехода Монголии от феодализма к капитализму. Элементы этой идеологии встречаются и в современной исторической и политической литературе о Монголии. Кроме того, анализ концепции советского присутствия в этой части Азии важен для рефлексии по поводу «советского колониализма». Автор считает, что советская идея «прогресса» кардинально противоположна практике колониализма.

Во второй главе (Н.А. Семенченко) рассматриваются основные этнические общины, которые объединяют те или другие группы российских и бывших советских со-

отечественников в Израиле. Основываясь на научных определениях понятий «российская диаспора» и «соотечественники», автором приводится характеристика особенности «еврейской эмиграции» из РФ и постсоветских республик. Уделяется внимание развитию отношений между израильскими общинами и соответствующими республиками. К соотечественникам автор относит и представителей ряда кавказских народов, в частности черкесов, которые исторически оказались на территории Израиля. В работе приводится анализ ряда аспектов образа жизни черкесов, который помог им в чужой среде сохранить свою этническую самобытность.

Третья глава (А.В. Антошин) знакомит читателя с эволюцией настроений офицеров и матросов кораблей Русской эскадры, находившихся в Бизерте в начале 1920-х гг. Исследование основано на материалах «Морского сборника» – журнала, издававшегося капитаном 2-го ранга Н.А. Монастыревым. Изучение материалов журнала позволило выделить три этапа в истории пребывания Русской эскадры в Тунисе. На первом этапе (лето – ранняя осень 1921 г.) господствовало представление о том, что пребывание за границей будет носить временный характер, русские офицеры вскоре смогут продолжить антибольшевистскую борьбу на территории России. Поэтому основное внимание уделялось сохранению материально-технической базы эскадры, укреплению боевого духа личного состава и т. д. Однако вскоре стало очевидно, что эти надежды были иллюзорными. Поэтому на втором этапе (осень 1921 – весна 1922 гг.) основная масса офицеров и матросов превращаются в беженцев, предпринимаются попытки наладить их жизнь в Тунисе. Именно мероприятиям внутри русской колонии в арабской стране, общественной и культурной жизни беженцев посвящены основные публикации «Морского сборника» в этот период. Наконец, на заключительном этапе (с весны 1922 г.) основная масса русских эмигрантов стремится покинуть Тунис,

переехать в другие страны (прежде всего, в Европу). Многие из них воспользовались «Русской акцией», которая проводилась в это время правительством Чехословакии, и поехали получать образование в эту европейскую страну. В результате к середине 1920-х гг. Тунис перестал являться крупным центром Русского зарубежья. Таким образом, «Морской сборник» является важным источником для характеристики морально-психологической атмосферы в русской эмиграции в Тунисе.

Четвертая глава (*В.В. Беляков*) посвящена вышедшей в начале 2018 г. книге В.В. Белякова «Русская эмиграция в Египте. 1920-е–1980-е гг. История. Документ. Некрополь». В нем рассказывается о структуре книги, состоящей из истории русской общины Египта и наиболее известных ее представителях. В книгу включены также документы и материалы о русской эмиграции в Египте и описание российского православного некрополя в Египте.

В пятой, заключительной главе первого раздела (*Л.Б. Аристова, Н.К. Семенова*), анализируется историческая трансформация казачьего сословья, связанного с известными трагическими событиями в России в начале XX в. В начале авторы рассматривают истоки образования феномена казачества и историческую ретроспективу формирования уникального сословья. Далее авторами исследуются сложная и трагическая судьба казачества после революции 1917 г. и Гражданской войны, а так же социально-экономическое расслоение в рядах казачества: часть казаков влилась в белогвардейскую армию, часть – не определилась по отношению к Советам и выжидала, часть примкнула к «красным». Описывается борьба казачества за свои права и образ жизни с советской властью и влияние на жизнь казачества белого движения. Политика советского государства привела к гибели значительной части казачества и большому исходу казаков за границу.

Глава шестая, открывающая второй раздел монографии, посвященна зарождению и развитию российско-китайских этнополитических взаимоотношений в период с XVII в. до начала нового времени (*Н.К. Семенова*). Автор рассматривает вопросы исторических и политических причин и следствий возникновения и угасания русской диаспоры в Китае, особенности ее социального состава, анализирует численный состав во взаимосвязи с историческими событиями. Во второй части главы внимание уделяется присутствию китайской диаспоры в России, особенностям взаимодействия с местными администрациями и населением, анализу знаковых исторических событий в истории России и активному участию в них граждан Китая.

Седьмая глава (*Е.Н. Наземцева*) посвящена рассмотрению проблемы численности российской постреволюционной эмиграции в Китае в работах современных российских исследователей. Автором проанализированы данные о численности русских в Китае из трудов как советских, так и современных исследователей. Выявлены основные проблемы определения численности русских беженцев, в частности, отсутствие необходимых источников, постоянные миграционные процессы на советско-китайской границе, вызванные политическими и экономическими причинами, фрагментарность и недостоверность документальных данных, ошибки исследователей. Кроме того, автором приводятся ранее неизвестные архивные источники с новыми данными о численности русских эмигрантов в различных центрах расселения в Китае.

В восьмой главе автор (*Л.П. Черникова*) обращается к проблеме языкового барьера, который затруднял общение между двумя народами. Однако, по мнению автора, именно языковой барьер стал тем фактором, который помог адаптации русских эмигрантов в иноязычной, инописьменной стране (иероглифов), поскольку разность культур из-за барьера языков была осознана не так быст-

ро, как если бы это происходило в любых других странах европейской культуры. Именно уникальность Китая (его зависимое от европейцев положение) и его культуры привели русских чужаков к тому, что они трудно, но со всё возрастающим успехом смогли адаптироваться в этой восточной стране. Более того, они сделали это гораздо успешнее, чем в ходе подобной адаптации осуществили это российские эмигранты в европейских странах.

Девятая глава (*П.А. Лапин*) посвящена рассмотрению основ финансирования политики по распространению русского языка в Цинской империи. Во второй половине XIX – начале XX вв. Российская империя поддерживала с Китаем активные связи, продвигая в регионе свои военно-политические и торгово-экономические интересы. По мере развития контактов китайские власти учреждали в разных городах учебные заведения по подготовке специалистов со знанием русского языка, способных обеспечить развитие межгосударственных отношений.

Несмотря на благоприятные условия, которые сложились в Цинской империи для пропаганды там русского языка и знаний о России, наши власти не смогли в полной мере ими воспользоваться – обеспечить создание дополнительной образовательной инфраструктуры, приглашение российских преподавателей, разработку и адаптацию для местных учащихся учебных пособий. Главной причиной стало неудовлетворительное финансирование российскими властями гуманитарной политики на китайском направлении, что в итоге привело к ограничению наших возможностей по установлению контроля над подготовкой современных кадров для новых китайских производств, вовлечению формировавшейся китайской интеллигенции в орбиту российского влияния.

Третий раздел монографии открывается десятой главой (*И.К. Канран*), посвященной судьбам русских эмигрантов, вследствие Октябрьской революции и Гражданской войны в России оказавшихся в Китае и прибывших в

1950-60-е гг. в Австралию. На основе жизненных историй прослеживается значение деятельности русских эмигрантов этого периода для сохранения в русской общине Сиднея национальной идентичности своих потомков, воспитания их в любви к своей исторической родине – России.

Одиннадцатая глава (*Н.С. Скоробогатых*) посвящена анализу проблемы участия представителей российской диаспоры в политической жизни Австралийского Союза в период от начала массовых миграций россиян до настоящего времени. Приводятся сведения о наиболее ярких фигурах, достигших высоких постов в государственном аппарате страны.

В двенадцатой главе (*Н.С. Скоробогатых*) анализируются тенденции в развитии российской иммиграции в Австралию и специфике работы диаспоральных организаций. Особое внимание уделено деятельности Совета российских соотечественников в Австралии (СРСА) и его связям с государственными учреждениями Российской Федерации.

Тринадцатая глава (*Е.В. Рудникова*) посвящена малоизвестному сюжету в истории русской диаспоры в Новой Зеландии. На основе разнообразных материалов создается объективная картина присутствия специфической группы русских иммигрантов в этой стране. Это были престарелые, больные и бедствующие люди, ввезенные сюда в рамках гуманитарной помощи через активистов Всемирного Совета церквей из Китая и Филиппин в период 1963-1975 гг. Большинство из них покинуло Россию после Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны. Специально для этих эмигрантов недалеко от столицы страны г. Веллингтона был создан Дом престарелых, в котором они провели последние годы своей жизни. По инициативе организатора приюта – новозеландского священника Яна Фрэзера Дом получил имя Фритьофа Нансена – знаменитого норвежского полярного исследователя и первого Верховного комиссара по делам беженцев при ООН.

Приют просуществовал до смерти своего последнего обитателя в 1984 г. За это время в нем проживали 35 человек, большинство из которых были этническими русскими. Несмотря на общие для них всех причины исхода из России, это были совершенно разные по социальному происхождению и уровню образования люди. Автор рассматривает деятельность организаторов приюта, численность и социально-профессиональный состав его обитателей; анализирует личные истории русских иммигрантов и особенности их культурно-языковой адаптации в новых условиях; освещает взаимоотношения обитателей Дома Нансена и русской колонии в г. Веллингтоне.

Глава четырнадцатая (*Т.Н. Загородникова*) посвящена истории создания одного рассказа И.А. Бунина. Иван Алексеевич Бунин побывал на Цейлоне в 1911 г., и остров показался ему раем на земле. Почти месячное пребывание там, природа и люди, дарили писателю вдохновение и впоследствии давали сюжеты для рассказов вплоть до 1944 г. В одном из таких рассказов «Соотечественник» (1916 г.) он описал встречи с русским чаеоторговцем и предпринимателем Трифоном Кирилловичем Чокowym, главой русской колонии на острове. Будучи человеком деятельным и энергичным, Чокow старался расширить торговлю России с Цейлоном, стремился стать нашим вице-консулом в Коломбо, но все его инициативы не были поддержаны Петербургом. В рассказе писатель сумел не только ярко, достоверно и точно описать характер этого человека, но и предсказать его трагическую судьбу.

В пятнадцатой, заключительной главе (*Г.И. Каневская*), отмечается, что в последние десятилетия культурная жизнь русского зарубежья неизменно находилась в центре внимания отечественной историографии. Но интерес исследователей сосредотачивался, главным образом, на русской послереволюционной эмиграции в европейских странах, где оказался цвет русской литературной и научной мысли. Культура дальневосточной ветви русской эми-

графии долгое время оставалась малоизученной проблемой российского эмигрантоведения.

Одним из первых с литературным творчеством представителей дальневосточного зарубежья познакомил читателей ежегодник «Россияне в Азии». Ежегодник выходил в 1994 – 2000 гг. при Центре по изучению России и Восточной Европы в Торонтском университете под редакцией профессора университета О.М. Бакич и собрал на своих страницах не только произведения русских поэтов и писателей, но и исследования об их жизни и творчестве. Издание вернуло в копилку русской литературы многие имена, остававшиеся неизвестными на родине.

Д.С. Панарина

От эмигрантов до специалистов: многообразие российских диаспор на Востоке

Глава 1. «ПРОГРЕССОРЫ СТЕПЕЙ» ИЛИ СОВЕТСКИЕ СПЕЦИАЛИСТЫ В МОНГОЛИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ ОБ ОДНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЕКТЕ¹

На протяжении почти 80 лет XX века в Монголию из СССР приезжало большое количество высококвалифицированных специалистов: геологов, инженеров, врачей и учителей [Подробнее см. Ганжуров 1997]. Они руководствовались различными соображениями, но вместе обеспечивали экономическое и технологическое развитие Монголии. Долговременность существования данного вектора миграции и особенность социального состава мигрантов сформировали для них особое отношение к принимающему сообществу и собственное представление о значимости их миссии в этой стране. Изучению стереотипов коллективной памяти сообщества советских специалистов и ее значения в истории отдельно взятой страны посвящено данное исследование.

Феномен специалистов из СССР, сначала создававших «промышленную базу социализма», а потом обеспечивавших кадрами социально значимые отрасли в Монголии, постоянно обсуждается на межгосударственном уровне. Тональность этого обсуждения колеблется от однозначно позитивной до крайне негативной. Представителей изучаемого нами сообщества именуют «колонизаторами» [Knutsen 1959], разрушавшими ареал традиционного скотоводства Монголии, и в то же время «братьями по оружию и братьями по труду» [Улымжиев 1961]. Боль-

¹ Сведения об авторе: Михалев Алексей Викторович, доктор политических наук, директор Центра изучения политических трансформаций, Бурятский госуниверситет, Улан-Удэ. E-mail: mihalew80@mail.ru.

шое значение данная проблема приобретала в период обсуждения государственного долга Монголии перед СССР и его преемницей – Россией. В это время с особой остротой возникал вопрос об ущербе экологии и традиционному укладу жизни монголов, якобы нанесенном советскими специалистами в период больших строек и социальных преобразований [Лиштованный 2007].

Число работавших в Монголии специалистов из СССР и России достаточно велико. По данным статистики во второй половине XX века по объемам получаемой помощи из СССР и стран СЭВ Монголия занимала 1 место среди стран социалистического лагеря [Ганжуров 1997]. Логика данной политики объяснялась обострением советско-китайских отношений, в контексте которых Монголия рассматривалась как основной плацдарм Советского Союза в Северо-Восточной Азии [Лузянин 2007: 384]. В этот период советские идеологи писали о необходимости формирования промышленности, рабочего класса и городского населения в этой скотоводческой стране. Планировалось, что при поддержке из СССР Монголия (МНР, Монгольская Народная Республика) совершит резкий скачок в социально-экономическом развитии и перейдет от одного экономического уклада к другому [Гатаулина 1978]. В связи с этим в заглавие представленной статьи вынесен термин «прогрессоры», принадлежащий творчеству братьев Стругацких и выполняющий функцию метафоры, объясняющей значение советского присутствия в стране. «Прогресс» как идея в своем историческом многообразии неоднократно был предметом исследовательской рефлексии. Его анализу, деконструкции и апологии посвящены десятки научных исследований [Нисбет 2007; Baillie 1950; Burgess 1994]. В контексте выбранного нами исторического среза «прогресс» представляет собой не столько теорию, сколько практику и историческую память о ней. Марксизм как идеология поступательного развития на длительное время стал теоретическим фундаментом, оправ-

дывавшим все: начиная с политических репрессий, заканчивая грандиозными по своим масштабам промышленными стройками в степи. В частности, В.И. Ленин, характеризуя диалектико-материалистическое понимание исторического прогресса писал: «Представлять себе всемирную историю, идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно» [Ленин 1973]. Одним из таких «скачков» являлся революционный переход Монголии к социализму при поддержке СССР.

Изучением истории советской экономической помощи Монголии, а также положения советских специалистов в Монголии занимались преимущественно отечественные ученые. Исключением являются лишь работы К. Каплонски, который, анализируя проблемы национализма и исторической памяти, рассматривал отдельные аспекты положения советских граждан в этой стране через призму постколониальной теории [Kaplonski 2004]. Работ российских исследователей по данной тематике достаточно мало. В ряду ученых, так или иначе занимавшихся изучением данной проблемы, нужно упомянуть Н.В. Дьяченко [Дьяченко 2012], Е.И. Лиштованного [Лиштованный 2007], С.А. Панарина [Панарин 2014]. В Монголии подобные исследования не велись, поэтому дискуссия переместилась в плоскость публичной политики. Научная дискуссия по изучаемой теме, представляет собой спор между сторонниками теории «советского колониализма» в Азии [Knutsen 1959, Kaplonski 2004] и их противниками [Лиштованный 2007]. На наш взгляд, этот достаточно скромный набор аналитического инструментария существенно ограничивает возможности для более непредвзятого взгляда на проблему.

Источниковая база исследования ограничена опубликованными историческими материалами. Подобная выборка обусловлена целью данного исследования – изучением исторической саморепрезентации советской мис-

сии в Монголии в публичном пространстве. Первый блок источников составили материалы теории некапиталистического развития. Второй блок представлен опубликованными материалами воспоминаний советских специалистов, работавших в Монголии. Сюда же относятся материалы интернет-форумов и групп в социальных сетях, выполняющих коммеморативные функции. Изменения в источниковой базе стали происходить в 2000-е гг. под влиянием политических трансформаций. Возникновение восточного вектора российской политики обусловило появление большого количества меморативных материалов о советской миссии в Монголии. Зачастую это интернет-ресурсы, публикующие как личные воспоминания, так и фотоматериалы о современном состоянии советских объектов на территории Монголии.

Хронологические рамки представленного исследования мы ограничим периодом с 1966 по 1990 гг. Верхняя граница выбора хронологии обусловлена тем, что именно с 1966 г. советское присутствие в Монголии было наиболее масштабным в связи с вводом войск и необходимостью строительства военной и гражданской инфраструктуры [Лиштованный 2007]. Дело в том, что наряду с вводом войск в это время в Монголию, МНР начала более масштабно привлекать гражданских специалистов из СССР. Здесь же нужно отметить, что подобная практика существовала с 1920-х гг., но своего максимума численность советских специалистов достигла в 1960-е гг. Нижним пределом хронологии выбран 1990 г. – время победы демократической революции, положившей начало десоветизации в этой стране.

В методологическом плане мы опираемся на теорию коллективной памяти М. Хальбвакса [Хальбвакс 2007]. Мы разделяем предложенное А. Ассман деление концепта памяти на индивидуальную, социальную, политическую и культурную [Ассман 2014: 33]. В выбранной нами исследовательской ситуации наиболее приемлем формат полити-

ческой памяти, поэтому в центре нашего внимания процесс создания памяти и его институционализация на уровне коммеморативных текстов, знаков, таких как памятники и мемориальные церемонии. Формат политической памяти позволяет более полно раскрыть проблему «прогресса» как политического проекта и его последствий в условиях отдельно взятой страны в Азии. Советские специалисты в Монголии были политическим коллективом, являясь представителями «старшего брата» – советского народа. На уровне дискурса это предполагало определенную модель поведения с опорой на моральный кодекс строителей коммунизма и соответствующие культуртрегерские практики, поэтому для нас важно отметить ключевую черту политической памяти: то, что она не фрагментарна и разрознена, а сюжетно вписана в нарратив – эмоционально заряженный и несущий однозначное и духоподъемное сообщение [Ассман 2014: с.58]. Так, в советский период помощь СССР Монголии была частью всемирно-исторического процесса перехода к социализму.

В данной работе мы попытаемся проанализировать как непосредственное содержание коллективной памяти советских специалистов, работавших в Монголии, так и институциональные рамки данных воспоминаний. Последнее также имеет большое значение в силу того, что определяло ценностные установки представителей изучаемой группы и зачастую основу мировосприятия. В качестве институциональных рамок мы понимаем идеологические установки, определяющие характер советской миссии в Монголии. Прежде всего это адаптированные к условиям этой страны догмы марксистско-ленинской теории. В данной исследовательской ситуации представляет интерес то, что стало частью коллективных воспоминаний, что сформировало категориальный аппарат этих воспоминаний. Здесь же важно акцентировать внимание

на «национальном» аспекте ² памяти изучаемой нами группы, т.е. саморефлексии себя как представителей нации «старшего брата» по отношению к монголам – «младшим братьям». Содержание же политической памяти представляет собой сочетание культуртрегерства с идеей трансляции формационного прогресса.

Советская миссия в Монголии 1960-1990 годов

Советская интернациональная миссия помощи «отсталым странам Востока» на пути к «освобождению от колониального гнета» в первую очередь апробировалась на Монголии. По выражению В.И. Ленина, наиболее остро стояла задача: «...оказать этим отсталым и угнетенным, более чем мы народам «бескорыстную культурную помощь» [Ленин 1973: 120]. Затем к ней присоединилась потребность в формировании промышленной базы социализма. Основой советско-монгольского сотрудничества стала идеология пролетарского интернационализма. Сущность риторики пролетарского интернационализма заключалась в братской дружбе всех народов, в которой доминировал «старший брат» – русский народ. В советско-монгольском эквиваленте старший и младший братья – ах и дуу соответственно. Как отмечает монгольский историк К. Дэмбрэл: «СССР был своеобразным Западом для Монголии, то есть западная цивилизация проникала в Монголию в XX в. при помощи СССР» [Дэмбрэл 2002: 5]. Все это приходило вместе с марксистской идеологией и советской культурой.

Идея ускоренного «прогресса», перехода от феодализма к социализму, минуя капитализм, стала основой всего комплекса преобразований, исходивших из СССР на всем протяжении существования МНР. Прогресс виделся в создании новой системы образования и здравоохранения, в индустриализации и в полете в космос. Последнее было

² Речь идет о концепте советский народ.

особенно важно, т.к. *de facto* было кульминацией проекта по преобразованию монгольского общества. Одновременно с этим рассматривались проекты по предотвращению расширения пустыни Гоби, по рациональному использованию рек и другие проекты «покорения природы». Идея «прогресса» виделась достаточно жизнеспособной, т.к. происходившие в Монголии социальные и технологические изменения лишь подтверждали ее право на существование. Индустриализация привела к возникновению монгольских городов советского типа с развитой инфраструктурой и современными средствами сообщения. Сотрудничество между СССР и МНР в области науки и образования сформировало класс городских интеллектуалов и социалистических служащих. Существенно увеличилось количество рабочих-монголов на заводах и шахтах этой страны [Ширендыб 1967: 104-124].

Данные изменения являлись наглядным свидетельством успешности советской идеологии. В некотором смысле Монголия являлась социальной лабораторией, на территории которой ставились масштабные социальные эксперименты по преобразованию кочевого скотоводческого общества. Проводником этого эксперимента, согласно идеологическим установкам того времени, должен был стать союз советского рабочего класса и монгольского трудового аратства [Ширендыб 1967: 41]. Этот союз также представлялся как основа для воплощения идей социального прогресса и формирования нового общества.

Однако, пролетарский интернационализм, несмотря на эгалитаристские риторики, формировал особую систему культурного и материального неравенства в монгольском обществе. Статус советского специалиста предполагал его большую компетентность в вопросах идеологии. Учитывая то, что расширение советского присутствия в Монголии приходилось на 1960-е гг., когда эпоха масштабных коммунистических строек была уже в прошлом, основной формой мотивации для советских специалистов

была мотивация материальная. Это формировало специфику советской миссии в Монголии. Декларируемые идеалы, заимствованные из господствующей идеологии, уступали место прагматике доступа к чекам, престижным товарам, дефицитным на территории Советского Союза. Все это сочеталось с культуртрегерскими настроениями в среде советских граждан. Именно в тот период советские и партийные органы в Монголии масштабно выпускают инструкции и директивы о недопустимости дискриминации монголов по принципу идеологической или технологической отсталости.

Ухудшение советско-китайских отношений в 1960-е гг. привело к тому, что Монголия окончательно отказалась от китайской рабочей силы, заменив ее на советскую. В этом контексте интересна динамика роста советских рабочих в Монголии. В 1960 г. их было 502 человека, в 1965 г. – уже 3 379 человек, а в конце 1980-х гг. – 50 тыс. человек. Помимо этого, в Монголии постоянно находилось 30 тыс. советских военных. Начиная с 1962 г. строительством в Монголии занимались три советских компании: СОТ-1, СОТ-2 и СОТ-3. Аббревиатура СОТ расшифровывается как «Советский общестроительный трест». СОТ-1 занимался строительством промышленных объектов города Дархана; СОТ-2 – строительством жилых зданий и объектов культуры; СОТ-3 – строительством в сельской местности [Ганжуров 1997: 17]. В 1959 г. было заключено соглашение между СССР и МНР о сотрудничестве в области геологии и разведки природных ископаемых Монголии. Согласно этому договору сотни советских геологов были отправлены на работу в эту страну. Они разведали залежи золота, урана, угля, меди, нефти.

В 1960-1980 гг. количество гражданских специалистов из СССР в Монгольской народной республике достигло максимума. В целом всех советских граждан в Монголии (военных, гражданских специалистов, строителей, врачей, потомков колонистов царской России) насчитыва-

лось около 100 тыс. человек при населении страны 2,2 миллиона [Ганжуров]. Ежегодно в Монголию командировали и продлевали пребывание почти пяти тысячам человек, по данным на 1985 г. – 5 827 человек, поэтому в 1960-е гг. была сформирована отдельная инфраструктура, направленная на обслуживание советских граждан, работавших в МНР: магазины, школы, больницы, детские сады. В этот период монгольская политическая элита массово получала советское образование, а 90% населения страны в той или иной степени понимало русский язык. За весь период с 1922 по 1990 гг. высшее образование в СССР получило более 15 тысяч монгольских граждан. Советские же специалисты после нескольких лет работы в дружественной стране по-монгольски не знали ничего, кроме приветствия Сайн байна уу! (Здравствуйте!) и несложного набора из 5-10 фраз [Лиштованный 2007]. К началу 1980-х гг., качественный состав приезжавших из СССР в Монголию снизился, что вызвало нарекания принимающей стороны: «Лет пятнадцать назад советские специалисты, с которыми я работал, были гораздо доброжелательнее и трудолюбивее, чем те, кто приезжает к нам сейчас» [Лиштованный 2007: 72]. В условиях кризиса системы социализма в 1980-е гг. именно советские специалисты вызвали наибольшее раздражение в среде местного населения. Представление о роли «старшего брата» вступало в противоречие с политическими реалиями того времени. Идеологические установки об интернациональной миссии и социальном прогрессе к началу 1990-х г. перестали обеспечивать особый статус советским гражданам. Однако внутригрупповые представления о советском присутствии в Монголии по сей день опираются на указанные политические шаблоны. Что же служит основой для воспроизводства данных идей? Ответ на этот вопрос, по нашему мнению, лежит в плоскости формирования мемориального канона.

Формирование мемориального канона

Политическая память, согласно А. Ассман, достаточно избирательна и предполагает собой ограниченный набор образов и сюжетов для воспоминаний [Ассман 2014]. Особенно это касается периода формирования канона этой памяти. При этом в качестве последнего важного содержательного блока целесообразно выделить аспект индивидуализированных универсалий. Так, на протяжении всего периода советского присутствия важными мемориальными датами были открытия крупных объектов или начало их строительства. Данные события касались практически каждого советского специалиста, т.к. это были заводы, научные центры, школы, больницы. При этом все эти события в каждом отдельном случае были достаточно индивидуальными и обеспечивали сопричастность отдельного носителя воспоминаний к проекту «интернациональной помощи братскому монгольскому народу на пути к прогрессу».

Начиная с середины 1960-х гг. вместе с колоссальными по масштабам промышленными стройками в Монголии начала формироваться система мемориальных политических символов. В первую очередь это были многочисленные памятники В.И. Ленину и музей В.И. Ленина. День рождения Ленина, 22 апреля, отмечался в Монголии с местной спецификой. Она выражалась в привязке мемориальных мероприятий к локальному политическому контексту. В советском союзе данные мероприятия ставили задачу подчеркнуть всемирно-историческое значение идей Ленина. В Монголии же на первый план выходили антиколониальные значения и проблемы социализма с «монгольской спецификой». В сущности, В.И. Ленин в официальных нарративах, выступал как наставник лидера монгольской революции Д. Сухэ-Батора и идеолог масштабных преобразований в Монголии. Историческая мифология эпохи социализма превратила В.И. Ленина в

главного прогрессора того времени. Именно ему приписывалась теория некапиталистического развития, т.е. некоего «буферного» периода между феодализмом и капитализмом с особым экономическим укладом [Гатауллина 1978: 20].

Другим аспектом мемориального канона являлись памятники советско-монгольской дружбе с явно выраженной дихотомией старшего и младшего брата. Содержательно эти памятники демонстрировали достижения на пути «прогресса», например, полет в космос, наличие тяжелой индустрии и современной армии. Большое значение имело изобразительное искусство, в частности, картина Н. Чултэма «Встреча В.И. Ленина с монгольской делегацией». Эта картина воспроизводилась на открытках, плакатах, в книгах и ряде учебников. Такое же большое символическое значение имела картина Д. Амгалана «Минуя капитализм», на которой всадник с красным знаменем, символизирующий Монголию, стремительно мчался из «темного прошлого в светлое будущее». Идея противопоставления негативно окрашенного прошлого благополучным современности и будущему характеризовала объекты меморации того времени.

Создание данных объектов закреплялось политическими ритуалами в виде митингов и программных речей. Так, выступая на XV съезде Монгольской народно-революционной партии Ю. Цэдэнбал отметил: «Присланный Советским союзом многотысячный коллектив высококвалифицированных специалистов и строителей рука об руку с монгольскими рабочими воздвигает в нашей стране важные народнохозяйственные объекты и жилые дома. В мирном созидательном труде он кует стальную вечную монголо-советскую дружбу» [Цит. по Ширендыб 1967]. Идея советско-монгольской дружбы как основы большинства преобразований останется и в индивидуальной памяти специалистов. Озвученные в 1960-1980-е гг. лозунги и пропагандистские шаблоны по сей день встреча-

ются в литературе о российско-монгольских отношениях. Устойчивость подобных представлений о прошлом обусловлена активной меморативной политикой времен строительства социализма.

Если же говорить об умолчаниях в данной модели политической памяти, то здесь в первую очередь необходимо отметить то, что вне риторики продвижения социализма и прогресса остались внешнеполитические интересы СССР. Обострение советско-китайских отношений, закончившееся конфликтом 1969 г. и новым противостоянием в период китайско-вьетнамской войны, делали Монголию стратегически важным плацдармом в случае более крупного конфликта. В условиях напряженности на монголо-китайской границе Советский Союз систематически увеличивал свое присутствие в Монголии. На уровне советских СМИ об этом говорилось достаточно часто, но прямой взаимосвязи между геополитикой и колоссальными стройками в МНР не проводилось. В связи с этим в более поздних воспоминаниях и мемуарах присутствует идея социализма, прогресса и старшего брата, но практически не прослеживается линия «южной угрозы».

В итоге была мобилизована группа бывших советских граждан, вовлеченных в политический мегапроект по строительству социализма в Монголии. На наш взгляд, это не столько профессиональное, сколько политическое сообщество, возникшее под влиянием позднесоветских идеологических установок. Сегодня их представления о Внутренней Азии, ее обществе, культуре, политике по сей день определяют отношение к Монголии. Именно их политическое воображение на массовом уровне воспроизводит пропозицию «старший брат – младший брат». Сформированные в 1960-1980-е гг. представления о целях советского правительства в Монголии до сих пор сказываются на оценках роли советского присутствия в МНР. Здесь же нужно отметить, что в самой Монголии ультраправые политики ставят вопросы о долге СССР перед их страной за

долговременное военное присутствие и разрушение традиционного уклада жизни. Однако сформированный канон политической памяти формирует не менее радикальные реакции на подобные заявления. Так, в воспоминаниях советских специалистов наиболее значимым является исход из страны. Этот травматический сюжет памяти тесно связан с идеей политического давления в условиях нараставших антисоветских настроений. Основные категории, маркирующие личные воспоминания: бегство, страх, национализм, унижение. Все это существенно диссонирует с официальной идеологией «эпохи социализма», основные концепты которой легли в основу современных представлений о советской миссии в МНР.

Революция 1989 года или вперед к прошлому?

В 1989 г. произошел цикл демократических революций на громадной территории, начиная с Восточной Европы, заканчивая Монголией. Он символизировал окончание эпохи советского доминирования на этой территории. Именно в это время начался процесс десоветизации – разрушения ключевых символов советского присутствия и деконструкции идеологических смыслов. Все это сопровождалось выводом советских войск, а в Монголии еще и огромного корпуса гражданских специалистов. Революция 1989 г. в Монголии наряду с демократическими смыслами имела еще и националистические артикуляции [Kaplonski]. Национальные смыслы и традиционные ценности приходили на смену деклариовавшейся идеологии интернационализма. Советские военные и советские специалисты на тот момент рассматривались как колонизаторы. Этот дискурс воспроизводился монгольскими демократами как шаблон с взглядов западных аналитиков. В свою очередь, это послужило причиной алармистских настроений в среде советских граждан. Начиная с 1989 г. вокруг советских объектов в Монголии начинают массово

возводиться ограждения [Лиштованный 2007: 74], что еще больше подчеркивало их экстерриториальный статус. К концу 1991 г. число советских специалистов было сведено до минимума. События зимы 1989-1990 гг. послужили основой для коллективной травмы, связанной с распадом социалистического лагеря, а вслед за этим и СССР.

Наряду с демократическими ценностями революция конца XX в. привела к масштабному обращению к образам прошлого и к истории. Идеологический ракурс радикально сменил направленность с будущего в прошлое. В качестве основного исторического сюжета была выбрана средневековая история времен империи Чингисхана. Именно этому времени сегодня приписывается большинство достижений монголов [Baabar 1999]. В условиях экономических сложностей 1990-х гг. идея имперского прошлого компенсировала экономические трудности.

В 1990-е гг. в Монголии было снесено большинство памятников В.И. Ленину, один из последних снесен зимой 2012 г. Значительная часть советских мемориалов, за исключением воинских, были ликвидированы. Был переименован район монгольской столицы Найрамдал (Дружба), названный в честь советско-монгольского сотрудничества, сегодня он называется Баянзурх. На смену мемориальным образам времен соцреализма (рабочему, космонавту, врачу) пришел основной символ современной монгольской нации – Чингисхан – в виде памятников, названия площади, аэропорта и большого мемориального комплекса с колоссальной статуей высотой более 40 метров. Тогда же была предпринята попытка отказа от кириллического алфавита и возврата к т.н. старомонгольскому вертикальному письму (монгол бичиг). Однако реформа закончилась решением дублировать все тексты государственного значения на двух алфавитах. Это было связано с тем, что монгольская политическая элита, получившая образование в СССР и странах СЭВ, вертикальным письмом практически не владела. Вторая попытка возврата

«монгол бичиг» была предпринята в 2017 г. на уровне обсуждения в парламенте этой страны. В 2000-е гг. Монголия перестает именоваться Народной Республикой и возвращает название времен Чингисхана – Монгол улс (Монгольское государство). Название конституции страны также дается по аналогии со средневековым законом Их Засаг (Великая Яса). Все эти решения принимаются по итогам всенародного референдума. В ходе пропагандистской кампании по его подготовке агрессивно ставился вопрос о национальной идентичности: «Если ты монгол, голосуй за Их Засаг» [Bulag 1998: 24]. Это символизировало конец советской модели правовой системы Монголии (т.н. «народных конституций»). Национализм как основа демократических преобразований обусловил романтизацию образов прошлого, ставших основой идеологии постсоциалистических преобразований.

Идея авторитарного ускоренного «прогресса» подверглась критике и осуждению. На первый план выступила концепция кочевой цивилизации, обладающей такими атрибутами как уникальность и экологичность [Baabar 1999]. Все то, что в период «строительства социализма» считалось реакционным и архаичным, стало основой новой национальной идеи. На наш взгляд, это обусловлено тем, что «прогресс» и ускоренная модернизация по советскому образцу привели к многочисленным жертвам в результате политических репрессий. Эти репрессии осуществлялись при поддержке из СССР, что негативно сказывалось на отношении как к этой стране, так и к идеям из нее экспортировавшимся. Демократическая революция в Монголии была тесно связана с процессом актуализации политической памяти о негативных аспектах советско-монгольских отношений. Наиболее полно эту ситуацию иллюстрирует брошюра 1989 г. монгольского публициста Баабара «Не забудь. Иначе погибеть». Именно в ней наиболее явно и предвзято интерпретировались трагические факты из истории двусторонних отношений. Цена

концепции «прогресса» как авторитарной идеологии стала основным вопросом общественных дискуссий в Монголии начала 1990-х гг. [Лиштованный 2007: 66-67].

Несостоявшееся будущее как современный мемориальный нарратив

Первые книги и статьи о советских специалистах в Монголии, равно как и переосмысление социалистического проекта, появляются в 2000-е гг. С политической точки зрения это обусловлено процессом, названным С.Г. Лузяниным «возвращение России на Большой Восток» [Лузянин 2007]. Именно в 2000-е гг. Монголия стала страной, открытой для иностранных инвесторов и массового туризма. Увеличился поток туристов и из России, и из стран СНГ. Политика России, направленная на поддержание проектов «Русский мир» и «Соотечественники», открыла финансовые возможности для публикации воспоминаний и актуализации исторической памяти. На наш взгляд, начиная с 2000-х гг. воспоминания о советском присутствии в Монголии окончательно политизируются и оформляются в систему политической памяти. В данный период создается пространство памяти, воспроизводятся ритуалы, существенно расширяется набор геополитических смыслов, приписываемых событиям данного периода.

Первые личные воспоминания военных и гражданских специалистов стали транслироваться через социальные сети www.mongol.su и www.ulaanbaatar.ru. На этих интернет ресурсах появились первые личные, зачастую противоречивые и эмоционально окрашенные, воспоминания о работе или службе в Монголии. Именно через интернет-порталы началась трансляция личного опыта адаптации в инокультурной среде и воспроизводство мифов о Монголии времен социализма. Содержательно опубликованные материалы несут в себе оценки, устоявшиеся в период «советско-монгольской дружбы». Соб-

ственно, сам проект строительства социализма рассматривается либо положительно (идея прогресса в отстающие страны Азии), либо отрицательно (бессмысленная трата средств в угоду идеологии). Оба нарратива воспроизводят идею экспорта «прогресса» и отмечают его положительную роль для монгольского общества.

Основной нарратив современных воспоминаний тесно связан с рефлексией о провале советского проекта в Монголии. Этот травматический аспект разрушения веры в миссию государства представляется в совершенно разных форматах. Однако в его основе лежит повествование о разрушении созданного советскими специалистами мира. При этом речь идет не только о промышленных, социальных или военных объектах, но и о системе иерархий и коммуникаций. Политическая память в данной ситуации выступает способом сохранения «останков» данного проекта.

Большой интерес представляет воспроизводство повседневного лексикона эпохи социализма. В современных воспоминаниях достаточно часто можно встретить термин «кампан» – этим словом преимущественно называли монголов [Панарин 2014]. Этимологию данного термина восстановить практически невозможно, т.к. оно не является монгольским. Это слово определяется в значении «товарищ» и содержит выраженные ориенталистские коннотации. «Кампан» может интерпретироваться в системе значений того времени как товарищ в ироничном смысле с поправкой на специфику социализма в МНР. Данный термин сохраняет четкую локально-хронологическую привязку и в современной Монголии уже не употребляется. Слово «кампан» характерно именно для периода строительства социализма, сегодня же оно выступает в качестве идентификационного пароля, позволяющего определить причастность или непричастность к знаково-символической системе ушедшей эпохи. Сейчас термин «кампан» – это способ определения «свой-чужой»

в системе коммуникаций среды бывших советских специалистов. Он встречается в индивидуальных воспоминаниях, стихах, текстах профессионального фольклора.

Первые работы, посвященные советскому присутствию в Монголии, были изданы под патронажем объединения ветеранов работников МИД СССР. Наиболее интересной представляется книга «Россия и Монголия вечные соседи» [Монголия 2009], в которой подробно на материалах личных воспоминаний освещаются события, связанные с помощью СССР Монголии. В книге подчеркивается большое значение данной помощи в деле достижения экономического и научно-технического прогресса в этой стране. Основной акцент сделан на положительной роли советского вмешательства в развитие Монголии в XX в. Так, в 2017 г. в монгольском городе Эрдэнэт немногочисленными русскими активистами была проведена акция «Бессмертный полк». Ее проведение является отсылкой к периоду советского присутствия, когда празднование 9 мая было масштабным.

Большое значение в воспоминаниях о преобразованиях в Монголии имеет современное состояние объектов, создававшихся советскими строителями. В частности, сегодня небольшие военные городки, строившиеся для советских частей, превратились в пустующие города-призраки в степи. На фоне этих процессов достаточно контрастно выглядит эпоха масштабного строительства времен советского присутствия. Подобное сравнение формирует основу для дискурса о демодернизации общества, при этом упускается из внимания увеличение количества более современных построек. В качестве иллюстрации к сказанному можно привести пример с шахтерским городком Налайхе в пригороде Улан-Батора. Он был построен в 1962 г. Там же располагался 68 вертолётный полк советской армии. Сегодня в этом городе жилые дома и многие шахты находятся в аварийном состоянии. Данный пример достаточно часто фигурирует в воспоминаниях

как пример демодернизации. Хотя, например, на военном аэродроме, построенном для советских войск, по-прежнему проводятся учения монгольской авиации. Схожая ситуация в воспоминаниях о процветании военного городка Чойр и его упадка в постсоветский период. Чойр также представлял собой базу ВВС СССР, здесь были построены жилые дома, школа и больница. Сегодня уровень разрушения объектов в Чойре существенно выше, чем в Налайхе: фотографии из Чойра являются свидетельством деградации инфраструктуры этого поселения. Воспроизводство подобных контрастных сюжетов определяется необходимостью оправдания целесообразности советского присутствия в этой стране.

Все это формирует политическую идентичность, основанную на советском патриотизме и уверенности в положительной роли советских преобразований в Азии. Советские идеологические концепты отсталости и догоняющего развития по-прежнему остаются актуальными, особенно в индивидуальных нарративах, размещенных в социальных сетях. Официальный мемориальный нарратив акцентирует внимание на советских специалистах как гражданских интернационалистах (в противовес воинам-интернационалистам), т.е. людям, по идеологическим соображениям оказывавшим помощь «дружественной Монголии». При этом из исторических материалов полностью исключена тема дефицита, «блата» и чеков [Монголия 2009].

В современных условиях как на уровне академического российского монголоведения, так и в условиях повседневности многие политические установки советского периода остаются востребованными. По-прежнему можно прочесть о социально-экономической отсталости, о революционном переходе к индустриальному обществу. Составные элементы, формировавшие т.н. «комплекс старшего брата», все еще поддерживают данный концепт и позволяют ему воспроизводиться в современных условиях.

Советское представление о прогрессе как об индустриальном развитии с соответствующей данному типу общества военно-мобилизационной инфраструктурой оказалось весьма устойчивым. Миссия по строительству социализма в Монголии стала для большой группы людей важной частью политической идентичности себя как представителя «великой державы на азиатской окраине». При этом рефлексия по поводу данного прошлого на уровне коллективной памяти по-прежнему не критична.

Проблема умолчаний в данном историческом дискурсе требует особого исследовательского внимания. Проблемы бытового расизма, сегрегация пространства и селтльменты – это все то, что оказалось за пределами повествований о производственных, научных и военных победах того времени. С другой стороны, пристальное внимание к указанным негативным явлениям также искажает аналитическую оптику, формируя очередной постколониальный мир. В этой связи понимание изначальной идеи «прогресса», пришедшей через советский марксизм, позволяет частично избежать аналогий с постколониальными обществами. На наш взгляд, идея прогресса была особой идеологией в азиатском регионе, позволявшей преодолеть т.н. классический колониализм.

Память о советском прогрессе носит травматический характер, т.к. распад СССР в разной степени оказал негативное влияние на сообщества по обе стороны границы. Свертывание данного проекта в Монголии сделало на длительное время невостребованными большую группу монгольских профессионалов: обученных и компетентных технократов. С советской стороны травма прослеживается еще более явно, она связана не только с потерей социального статуса, доступа к престижному потреблению, но также и с неопределенностью будущего. Последнее особенно важно, т.к. представление о будущем в социалисти-

ческой «эсхатологии» было достаточно хорошо сформулировано как на макро, так и на микроуровнях. Особенно это касалось советских граждан, работавших за границей, так или иначе, после возвращения в СССР, планировавших более благополучное будущее. Однако после распада СССР данные социальные стратегии оказались обесцененными, в итоге в качестве основного результата, остается память о сверхдержаве и прогрессистское понимание ее миссии в Азии.

Глава 2. РОССИЙСКИЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ В ИЗРАИЛЕ³

В последние десятилетия, и особенно после распада СССР, понятия Русское / Российское зарубежье, русская / российская эмиграция, русская / российская диаспора, соотечественники, Русский мир стали широко изучаться в отечественной науке. Все эти понятия близки, но не идентичны. Тем не менее, нередко они используются как взаимозаменяемые, поскольку охватывают широкий пласт россиян, покинувших Россию в разное время и по разным причинам.

Если в недалеком прошлом эмиграция носила исключительно негативный характер и не являлась предметом изучения, то, как отмечает российский историк, проф. Пронин А.А., объем и характер исследований, осуществлённых в последние 10 лет, позволяет говорить о появлении эмигрантоведения как нового направления в отечественной гуманитаристике [Пронин 2001].

Термин диаспора был введён в научный оборот в 1933 г. для обозначения «рассеяния»⁴ евреев после разрушения Первого и Второго храмов. Вскоре понятие диаспо-

³ Сведения об авторе: Семенченко Нина Абрамовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Израиля и еврейских общин, ИВ РАН. E-mail: semnina2008@yandex.ru.

⁴ Именно так переводится греческое слово диаспора.

ра экстраполировалось и на другие народы, судьба которых была схожа с евреями, а затем распространилось и на все нации и все виды эмиграционных потоков ⁵ [Диаспора].

Дискуссии вокруг определения понятия диаспоры ведутся специалистами в разных областях гуманитарного знания. В научной литературе существует ряд определений диаспоры. В современном мире, когда миграционные процессы постоянно претерпевают изменения, наряду с классическими диаспорами (армянской, еврейской, греческой и т. д.), появились новые диаспоры (этнические – китайская, украинская; религиозные – мусульманская; трудовые – вьетнамская, китайская, индийская и т. д.). Термин «диаспора» не редко применяют ко всем национальным и религиозным группам, живущим вне своей этнической колыбели в других регионах мира, на положении национального меньшинства, сохраняя особенности своей культуры и прежде всего языка, религии, быта, образа жизни» [Фрейкман-Хрусталева, Новиков 1995: 16].

Под диаспорами подразумевают порой и любые группы мигрантов, будь то беженцы, перемещённые лица, трудовые мигранты, вынужденные переселенцы, т.е. объединяют под этим названием весьма разнородные группы.

Диаспору иногда рассматривают как некий отделившийся «кусок» «этнического материка» (нации, этнической, реже религиозной общности), сохраняющий его основные характеристики (язык, религию, бытовую и поведенческую культуру и пр.) [Носенко-Штейн 2017].

Дискуссии о внутреннем содержании диаспоры не утихают. Иногда диаспору трактуют не просто как «расселение», не любое обитание людей вне национального или этнического очага, но как особый тип человеческих взаимоотношений и систему информационных связей, осно-

⁵ «Диаспора». См. Советская энциклопедия 1935 г., 1952 г., 1972 г.

ванных на общности судеб с «исторической родиной» и мифе об исходе [Дятлов 2004: 126-138].

Академик В.А. Тишков предложил своё определение внутреннего содержания диаспоры как «культурно-отличительной общности на основе представления об общей родине и выстраиваемых на этой основе коллективной связи, групповой солидарности и демонстрируемого отношения к родине. Если нет подобных характеристик, значит, нет и диаспоры. Другими словами, диаспора – это стиль жизненного поведения, а не жёсткая демографическая и тем более этническая реальность и, тем самым, это явление отличается от остальной рутинной миграции» [Тишков 2001: 9, 22].

Российский историк, востоковед проф. З.И. Левин предлагает свое понимание диаспоры. Он видит диаспору, как «часть этноса, проживающую вне своей исторической родины или территории обитания этнического массива, сохраняющую представление о единстве происхождения и не желающую потерять стабильные групповые характеристики, заметно отличающуюся от остального населения страны пребывания, вынужденную (осознанно или неосознанно) подчиняться принятому в ней порядку» [Левин 2001].

Основываясь на своём сложном определении диаспоры, проф. З. Левин предлагает и свою структуру ментальности диаспор.

Распространённые словосочетания «русская эмиграция» и «русская диаспора», часто применяются практически ко всем без исключения выходцам из бывшей царской России, из Советской России и из СССР. Хотя, по мнению современных исследователей, понятия «русская эмиграция» и «русская диаспора», более точно характеризуют состав выходцев из России – СССР – РФ, ставших эмигрантами в зарубежных странах.

Под «русской эмиграцией» или русской диаспорой понимаются «все подданные России, покинув-

шие свою родину (вне зависимости от национальности, вероисповедания и причин, побудивших к отъезду)» [Федотов 1993: 5].

Рассматривая российскую диаспору, мы часто имеем в виду еще ряд близких и сочетающихся с диаспорой понятий, как например, русская диаспора, русский мир, соотечественники и т. д.

В эмиграционных потоках из России, определённую долю составляет «Еврейская эмиграция», в частности в Палестину и Израиль. С конца 90-х годов прошлого века она направлялась в основном в Израиль. Эта эмиграция имеет свою особенность. По сути, не зависимо от периода, она была частью «российской эмиграции», однако по прибытию на Землю Израилева, евреи, бывшие россияне, не становились диаспорой. Они переезжали на свою историческую родину и «вливались» в свою этно-религиозную среду. Вместе с тем, не образуя диаспору, они остаются нашими соотечественниками.

Автором была сделана попытка проанализировать, в общих чертах, как объединяются новые израильтяне, истоки которых остались в России, СССР, СНГ, те, кого мы считаем своими соотечественниками.

В настоящее время в Израиле проживает около миллиона наших соотечественников, которые эмигрировали из СССР и стран СНГ в последние десятилетия. Их условно можно разделить на две группы: евреи и не евреи.

Большинство из них – это евреи ашкензы, уехавшие из европейской части СССР и РСФСР в целом. Они жили среди русских, получили советское/российское образование, были причастны к русской культуре и, приехав в новую страну, естественно, они сохраняют русский язык и русскую культуру, образуя новое явление «русскоязычный Израиль».

Наряду с ними, в Израиле проживают также и бывшие наши соотечественники, т.е. – евреи, уехавшие из других бывших советских республик, Прибалтийских,

Среднеазиатских и Кавказских. Выходцы из разных республик постепенно формировали разные объединения, землячества, ассоциации, общества. Как, например, белорусское, башкирское, казахстанское землячества; ассоциация выходцев из Кавказа; общество «Украинцы в Израиле» и т. д. Все они входят во Всеизраильское объединение российских землячеств (ВОРЗ) – крупнейшее израильское объединение, в которое входят многочисленные организации выходцев из СССР–СНГ. ВОРЗ имеет более 20 региональных и городских отделений во всех уголках Израиля. ВОРЗ тесно сотрудничает с Российским культурным центром в Израиле.

Приоритетные направления деятельности российских землячеств Израиля: помощь ветеранам и инвалидам Второй мировой войны, ликвидаторам-чернобыльцам, экономическое и научно-техническое сотрудничество с российскими организациями, осуществление образовательных проектов по сохранению русского языка⁶.

Помимо землячеств, были созданы и общины – Горско-еврейская община, Еврейская община выходцев из Республики Молдова, Грузинская, Бухарская, Азербайджанская общины.

Бухарская община одна из старейших общин Израиля. В 90-х гг. прошлого века её дополнили бывшие наши соотечественники из Бухары и её окрестностей. Община, живёт обособлено, сохраняя свои традиции и обычаи.

Обособленный образ жизни ведут Горско-еврейская община выходцев из Кавказа и Грузинская община.

В Грузии исторически образовались три еврейские общины, которые объединяли местных грузинских евреев, горных евреев и переселившихся евреев из России в Грузию на рубеже XIX и XX вв. Начиная с 1863 г. грузинские

⁶ Из выступления председателя ВОРЗ М.Е. Райфа на конференции актива ВОРЗ 15.10.2009. URL: https://www.russkiymir.ru/fund/nam_pishut/157415/ (дата обращения: 08.06.2018).

евреи начали переселяться в Палестину. В 1920-1921 гг. их насчитывалось около 1 700 человек. Однако заметный эмиграционный поток из Грузии относится к 70-м гг. прошлого века⁷. В рамках эмиграционной волны 90-х гг. большая часть грузинских евреев переехала в Израиль и другие страны. В Израиле в настоящее время существуют две отдельные грузинские общины Горско-еврейская община выходцев из Кавказа и Грузинская община. Обе общины сохраняют связь со своими соплеменниками, оставшимися в Грузии.

Грузинская община вносит свой вклад в развитие отношений между Израилем и Грузией, развитие туризма между двумя странами. Так, постоянно растёт число коренных израильтян среди туристов, посещающих Грузию.

Одной из наиболее активных общин бывших россиян является Азербайджанская община, объединяющая выходцев из Азербайджана. Совместно с Азербайджанским культурным центром в Израиле она образует одну большую структуру, которая называется Международная ассоциация Азербайджан-Израиль "АзИз. По разным данным, в Израиле проживает не менее, чем 50-60 тыс. выходцев из Азербайджана.

Несмотря на то, что "АзИз" не является политической организацией, она уделяет особое внимание освещению в позитивном свете позиции Азербайджана по нагорно-карабахскому конфликту, с целью повлиять на израильское общественное мнение по этому вопросу⁸.

Несмотря на то, что Азербайджан является мусульманской страной, между ним и Израилем развиваются

⁷ Грузинская эмиграция 70-х годов стала первой еврейской эмиграцией советского периода.

⁸ Интервью агентства Report с директором Азербайджанского культурного центра в израильском городе Афула при ассоциации "АзИз", членом Координационного совета азербайджанцев мира Егяной Сальман. 16 августа 2017. URL: <https://report.az/ru/kulturnaya-politika/egyana-sal-man-vy-vsegda-mozhete-uslyshat-azerbajdzhanskuyu-rech-gulyaya-pogorodam-izrailya/> (дата обращения: 08.06.2018)

многосторонние отношения. Основную роль в развитии и укреплении этих отношений играют политические и экономические интересы. Вместе с тем, немаловажен тот факт, что еврейская община в этой мусульманской стране играла и играет неоценимую роль в научно-интеллектуальной, экономической и политической жизни республики. Более того, евреи в Азербайджане никогда не подвергались преследованиям, оскорблениям, унижениям, погромам и антисемитским действиям.

Именно поэтому израильтяне с азербайджанскими корнями, продолжают сохранять теплые чувства к Азербайджану, отмечают все праздники и памятные дни Азербайджана и способствуют формированию геополитического, экономического и гуманитарного сотрудничества между Израилем и Азербайджаном⁹.

Общины выходцев из Молдовы также пытаются способствовать развитию отношений между Израилем и Молдовой. Естественно, что многие выходцы из Молдовы заинтересованы в сохранении духовных, культурных связей со страной своих предков, поэтому молдавское Посольство проводит многочисленные совместные мероприятия с выходцами из Молдовы, которые объединены в эти две ассоциации. Так, в 2015 г. совместно отпраздновали 24-летие независимости Республики Молдова, в рамках которого люди пели молдавские песни и исполняли молдавские танцы.

Однако не всегда общине удаётся установить и развить отношения со страной исхода. Так, например, татарская община сталкивается с большими трудностями в этом направлении.

В Израиле проживает приблизительно 15 тысяч татар и представителей других мусульманских народов из

⁹ Почему Израиль остановил выбор на Азербайджане / The Jerusalem Post. 07.09.2017. URL:

https://azertag.az/ru/xeber/Pochemu_Izrail_ostanovil_vybor_na_Azerbaidzhane-1091596 (дата обращения: 08.06.2018).

бывшего СССР¹⁰. Татары переселились в Израиль в составе смешанных семей, в основном это женщины, которые проживали в разных советских республиках или регионах СССР. Будучи татарами-мусульманками, они не готовы принять иудаизм и ассимилироваться, хотя их дети учатся в еврейских школах и служат в израильской армии.

В 90-е гг. было создано казанское землячество, сплотившее на определенное время татар и выходцев из Татарстана, которые переехали в Израиль. Однако это объединение не стало консолидирующим для организационной институализации татарской диаспоры Израиля. Причина заключалась в том, что татары, прибывшие на постоянное место жительства в Израиль как члены семей евреев, приехали из разных частей бывшего СССР. Географический принцип землячества не являлся для них столь определяющим [Зарипова 2010].

В январе 2006 г. в Израиле возникла ассоциация «Татары за Израиль». Само название организации говорит о конкретной политической позиции татар Израиля. Татары Израиля выступают не только как граждане-мусульмане этой страны, но и как резкие противники нагнетания антиизраильской истерии и международного терроризма, который прикрываясь исламом, направлен против Израиля. Татары Израиля, как мусульмане, выступают за необходимость признания мусульманским миром Израиля [Зарипова 2010]. Подобная позиция вызвала резкое неприятие у определенной части мусульманского населения России, которое стало воспринимать татарскую диаспору в лице Ассоциации «Татары за Израиль» как предателей и изменников ислама [Ежова]¹¹.

¹⁰ Вагизова В. Татары за Израиль. URL: <http://maof.rjews.net/actual/10-2009-07-22-07-05-36/12257---sp-1468003729> (дата обращения: 05.06.2018).

¹¹ «Татары» за «Израиль». Что за шизофреники скрываются под этими лозунгами? / Голос Ислама: информационно-аналитический портал. 11.08.2012. URL: <https://golosislama.com/news.php?id=10703> (дата обращения: 10.05.2018).

Задача, которая стоит перед ассоциацией это наладить отношения между Татарстаном и Израилем. Задача не из легких. Пока лишь открылось авиасообщение между Казанью и Тель-Авивом.

В Израиле открылся татарский культурный центр «Тормыш», который установил контакты с Исполнительным комитетом Всемирного конгресса татар.

Особое место среди этнических общин в Израиле занимает армянская община. Армяне – одно из древнейших национальных меньшинств, проживающих на территории Израиля. Практически все этнические армяне, населяющие Армянский квартал Иерусалима, проживают там с I века до н. э. Армянский квартал в Иерусалиме имеет уникальную историю, он не пострадал в годы римской, византийской, персидской, арабской оккупации, в то время как остальная часть города подвергалась разрушениям. Квартал уцелел и при крестоносцах, мамлюках, османах. Армянская Апостольская Церковь контролирует полностью или частично многие христианские святыни в этом городе (включая часть Храма Гроба Господня). К тому же армянский квартал находится в самом сердце Старого города. В настоящее время Армянский квартал Иерусалима является центром израильского армянства. Существуют также небольшие общины в Хайфе, Тель-Авиве, Яффе, Рамле.

Подавляющее число армян являются прихожанами Армянской апостольской церкви. Как и в предыдущие века, жизнь местной армянской общины до сих пор тесно связана с церковью, и христианскими святынями, расположенными в самом центре израильской столицы. Среди выходцев из Армении много смешанных семей, и поэтому есть крепкая связь с духовенством.

«Коренные» представители армян в Израиле и новые иммигранты 90-х гг. поддерживают друг с другом постоянную связь, совместно отмечают национальные

праздники, устраивают общественно-политические мероприятия (в основном антитурецкой направленности).

Первая общественная организация «Союз армян Израиля Арарат» была создана в 2004 г. в центре страны. Целями «Арарата» были заявлены сохранение и развитие культурно-исторических традиций армянской общины, как неотъемлемой части израильского общества; укрепление взаимопонимания и дружбы между армянами, евреями и представителями других народов, населяющих Государство Израиль; содействие упрочению связей общины с Арменией, Армянской церковью и диаспорой в других странах. Год спустя была зарегистрирована еще одна организация – «Союз израильских армян города Петах-Тиква»¹².

Хотя Израиль и Армения имеют дипотношения, в Израиле нет армянского посольства, в Армении – израильского. Между двумя странами нет прямого авиасообщения. В Израиле слишком мало желающих летать в Армению. В свою очередь, тяжелое экономическое положение в этой республике препятствует развитию массового религиозного туризма¹³.

Положение этнически русских, которые эмигрировали в Израиль в составе смешанных семей, во многом отличается от положения других соотечественников. Некоторые из них постепенно растворяются в израильском обществе, но многие стараются сохранять свою идентичность, русский язык и русскую культуру, образуя русскую диаспору.

Наши соотечественники в Израиле, которые не являются евреями, сталкиваются с целым рядом трудностей

¹² Влияние армянской общины на статус Иерусалима. URL: <https://israelortodoxyrussia.wordpress.com/category/%D0%B0%D1%80%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F/> (дата обращения: 24.06.2018).

¹³ Влияние армянской общины на статус Иерусалима / Символ веры. URL: <http://simvol-veri.ru/xp/vliyanie-armyanskoie-obshini-na-status-ierusalima.html> (дата обращения: 24.06.2018).

помимо тех, которые связаны с эмиграционным процессом. Но, по объективным и субъективным причинам, эта диаспора не формируется в организованную общину. Объединяющими центрами для верующих среди этих соотечественников являются русские православные храмы в Иерусалиме и Тель-Авиве, где они собираются по воскресеньям и праздникам.

Вместе с тем, в Израиле проживают и представители ряда народов Российской Федерации, которых можно отнести к нашим соотечественникам. На Ближнем Востоке, да и в Израиле они известны под собирательным названием черкесы.

Черкесы родом с Кавказа, а точнее с Северного Кавказа. На Ближний Восток они прибыли дважды в разные периоды.

Первый раз, задолго до воцарения ислама на Кавказе. В средние века на Ближний Восток черкесы попадали двумя путями: в качестве рабов, продаваемых кочевниками, и, в частности, монголо-татарами, арабским правителям, и в виде наёмников, используемых этими же правителями в борьбе со своими внешними и внутренними врагами¹⁴. В любом случае, черкесские воины ценились необычайно высоко за выносливость, силу, а главное – преданность. Из них формировали личную гвардию, они служили телохранителями султанов и эмиров. Постепенно черкесы были омусульманены. При дворах мусульманских правителей их положение постепенно укреплялось и достигло особой высоты в Египте в середине XIII в. С образованием мамлюкского султаната в стране Нила, черкесы переселялись на территорию Сирии и Палестины. С присоединением Египта к Османской империи в 1517 г. начинается период ассимиляции черкесов среди местного

¹⁴ Элитный спецназ султана. 07.12.2010. URL: <http://archive.is/20120707082815/adygi.ru/diaspora/izrail/4443-yelitnyj-specnaz-sultana.html> (дата обращения: 22.06.2018).

населения [Штендель 2000: 17]. И как принято считать, черкесы исчезли бесследно.

Черкесы, проживающие в настоящее время на Ближнем Востоке и в Израиле, не являются потомками мамлюков. Их принесла другая волна. История современных черкесов связана непосредственно с войнами между Россией и Турцией в XIX в. Так, в результате Крымской войны (1853-1856 гг.) Османская Турция сдала свои позиции на Кавказе, способствуя этим завоеванию Россией Кавказа. В сложившейся ситуации, при покровительстве Турецкой империи, черкесы в период 1858-1864 гг., группами покидали свои земли и были рассеяны по различным частям Османской империи. Почти все население (80%) насильно покинуло свою историческую родину [Семенченко 2011: 456].

Выходцы с Северного Кавказа были представлены сразу несколькими народами, но получили на БВ собирательное название – черкесы. Объединение черкесов в одну общую этническую группу весьма условно, поскольку в их число входят представители адыгов (которые составляют большинство), кабардинцев, чеченцев, осетин, карачаевцев, абхазов, абазин и других народов. По сути дела, единственным фактором, объединяющим представителей этих разных народов, является историческая память об общей родине – Кавказе, где в настоящее время проживает большая часть вышеуказанных этносов [Балашов, Камраков, Рыжов 2007: 79].

В настоящее время черкесская диаспора в мире, пожалуй, самая большая диаспора после еврейской и армянской. В Израиле черкесы сосредоточены на севере страны в двух населённых пунктах – Кфар Кама и Рейхания. В селении Кфар-Кама, которое было основано в 1876 г., проживает около 2 200 человек, в основном шапсуги и несколько семей абхазов, хатукайцев и бжедуггов. В селении Рихания, основанном за 10 лет до Кфар Кама, проживают около 1000 человек, в основном абадзехы и бо-

лее 100 арабов, турок и татар, считающих себя адыгами. Несколько черкесских семей живут в разных городах и посёлках по месту работы [Семенченко 2011: 457].

Села черкесов благоустроены, имеются хорошо оборудованные школы, больницы и стадион. Дети начинают обучение на родном языке, причём иврит, арабский и английский изучаются как иностранные.

Черкесы причисляют себя к мусульманам-суннитам несмотря на то, что не являются представителями арабского мира. Они тщательно оберегают свою обособленную этническую ветвь. Но как правоверные мусульмане, утверждают, что они, прежде всего мусульмане, только затем – адыги [Штендель 2000: 59]. Они молятся 5 раз в день и совершают хадж в Мекку.

Черкесы известны своей законопослушностью и преданностью властям.

Где бы ни жили черкесы, власти относились к ним с уважением и доверием. Они не сорились и не конфликтовали с народами, среди которых они жили. Это имело место и в Палестине, это мы видим и в Израиле. После провозглашения государства Израиль черкесы получили равные права со всеми жителями страны, за ними были сохранены все земли, которые им принадлежали до арабо-израильской войны 1948-1949 г.

В 1958 г. глава совета Кфар Камы обратился с официальным письмом к правительству Израиля с просьбой разрешить черкесской молодёжи служить в ЦАХАЛе – Армии обороны Израиля. Просьба была удовлетворена.

Пребывание небольшой общины адыгов в изоляции от основной массы своего народа в замкнутой этнической, религиозной, политической и языковой среде наложило свой отпечаток на их культуру и быт. Адыги Израиля высоко чтят свое этническое происхождение, гордятся воинской славой и мужеством своих предков, в том числе черкесами мамлюков, красивыми обычаями и традициями. В них развиты чувство национального достоинства и

самосознания, инстинкт самосохранения. Они уверены, что сохранили свой этнос, язык и культуру только благодаря мужеству и силе духа. Иначе не смогли бы противостоять нападениям окружавших их бедуинов, друзов и арабов.

Адыги бережно относятся к культурному наследию своего народа, насколько возможно было, сберегли и соблюдают применительно к новым условиям жизни национальный этикет адыгэ Кхабзэ, включающий в себя: соблюдение обычая почтения старших, почитание женщин, особенности семейно-брачных отношений (регистрация брака совершается по мусульманскому обряду), употребление пищи, обычаи, связанные с приемом гостей и с танцами. Церемонии они проводили в соответствии со своими традициями.

Многие годы адыгские женщины Израиля, даже девушки, вопреки национальным традициям, носили чадру для того, чтобы защититься от назойливых арабов. Сейчас чадру не носят, но женщины пожилого возраста, выходя на улицу, закрываются специальным темным прозрачным материалом с головы до ног, оставляя открытым только лицо [Чемсо: 10]. Замужние женщины надевают специальный платок из белого прозрачного материала, закрывая волосы и шею. Черкесские женщины держатся не то, чтобы в строгости, а в скромности. Они не работают за пределами селения. И совсем уж невероятное дело, чтобы черкесская женщина позволила себе выехать на прогулку одна – без мужа или его родственников.

Черкесы старались не ассимилироваться. Чтобы избежать кровосмешения создавали семейные узы с черкесами, проживавшими на Голанских высотах, которые входили в состав Сирии, и с черкесами из Иордании. Теперь в Рихании и Кфар-Каме можно встретить невест из Кабардино-Балкарии, Адыгеи, Шапсугии и т. д.

Ежедневно по несколько часов «Адыгское радио» вещает на адыгском языке новости и национальную музы-

ку. В Кфар Каме находится культурно-исторический музей черкесов, где экспонируются расшитые сорочки, бурка с газырями, деревянные миски, сеялки, фотографии, зеленый флаг со звездами. Традиционно в августе месяце в Рихании проводится ежегодный фестиваль черкесского искусства.

Главный редактор нальчикской газеты "Адыге псалыз" Мухаммед Хафица, посетивший Израиль обращает внимание на тот факт, что израильские горцы «выгодно отличаются» от соплеменников в других странах [Штендель 2000: 10]. С 2008 г. 21 мая – День памяти и скорби адыгского народа для черкесов Израиля стал выходным днем.

Начиная с лета 1991 г. между черкесами Израиля и Россией установились тесные отношения. Зарождению их способствовал проходивший в Нальчике Первый международный конгресс черкесов, на котором присутствовала и делегация израильских соотечественников.

Нынешнее поколение израильских черкесов получило возможность поддерживать связь со своими соплеменниками на Северном Кавказе. Первые встречи были заполнены надеждами и разочарованием. Но, тем не менее, они открыли путь к новым возможностям и перспективам.

Адыгам Израиля удалось решить, пожалуй, главную национальную проблему – сохранения своей этнической самобытности. И со всей уверенностью можно сказать: вернутся ли черкесы на свою историческую родину, останутся ли в Израиле, в любом случае они всегда будут адыгами – со знанием родного языка, традиций, обычаев¹⁵.

Как было сказано выше, в Израиле, название черкесы часто являлось собирательным названием для всех народов Северного Кавказа. В последние годы чеченцы

¹⁵ Мухамед ХАФИЦЭЗемля обетованная и адыги. / Северный Кавказ. URL: <http://www.good-article.ru/articles/1003102.html> (дата обращения: 22.06.2018).

Израиля, которые считались черкесами, стали заявлять о себе.

В Израиле чеченцы сосредоточены в селение Абу Гош. Эта деревня лежала на пути шествия христианских паломников в Иерусалим, кроме того, занимала крайне удобное положение, находясь на высотах в непосредственной близости от Иерусалима. Таким образом, черкесы могли взимать традиционную дань с паломников и одновременно контролировать близлежащую к Иерусалиму местность, отбивая набеги бедуинских банд.

Вместе с тем, жители Абу Гоша известны своей толерантностью к иудеям и христианам, к израильтянам и палестинцам.

В 2012 г. в Израиле с официальным визитом побывал министр культуры Чеченской Республики Дикалу Музыкаев. Он встречался с черкесской диаспорой, а в качестве члена правительства подписал договор с израильской стороной о сотрудничестве в сфере культуры, туризма и спорта. Договор предусматривает проведение в Чечне и в Израиле фестивалей мастеров искусств, а также обмен художественными выставками, спортивными и студенческими делегациями¹⁶ [Гельман]. По договорённости с мэром Абу Гоша Салимом Джабером одна из улиц носит имя Ахмата Кадырова. В Абу Гоше при содействии руководства чеченской республики была построена самая большая Мечеть в Израиле.

В Израиле, наши современные и бывшие соотечественники составляют часть пёстрой мозаики израильского общества, однако их история, судьба и жизнь мало ещё освещены в отечественной научной литературе.

¹⁶ Гельман Захар. "Черкес" в Израиле звучит гордо / Адыге Хэку. 10.08.2012. URL: <https://aheku.net/news/diaspora/3144> (дата обращения: 05.06.2018).

Глава 3. ЭВОЛЮЦИЯ МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АТМОСФЕРЫ НА КОРАБЛЯХ РУССКОЙ ЭСКАДРЫ И В ЛАГЕРЯХ БЕЖЕНЦЕВ В ТУНИСЕ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГГ. (по материалам «Морского сборника»)¹⁷

История пребывания Русской эскадры в Бизерте в начале 1920-х гг. давно привлекает внимание исследователей. Эта тема была «открыта» для постсоветских читателей во многом благодаря усилиям мемуаристов, прежде всего, А.А. Ширинской [Ширинская 1999]. Большой вклад в изучение данного сюжета истории Русского зарубежья внес родившийся в Тунисе К.В. Махров, подготовивший сборник мемуаров и документов [Русская колония в Тунисе 2008]. В 1990-2000-е гг. вышел ряд исследований современных российских историков, посвященных различным аспектам истории русской эмиграции в Тунисе [Хренков 1997; Баранчук 1998; Луконин, Новиков 2001; Рябова 2004; Рябова 2005 и др.]. Появились и отдельные труды по истории русской эмигрантской прессы Туниса [Хохлова 2010]. Практически ни один исследователь темы не игнорирует такой интересный исторический источник как «Морской сборник», начавший выходить в 1921 г. в Бизерте. Однако чаще всего он используется специалистами по истории русского флота, теми, кто занимается судьбами русских морских офицеров в эмиграции. Между тем, «Морской сборник» является важным историческим источником, позволяющим охарактеризовать морально-психологическую атмосферу на кораблях Русской эскадры в разные периоды ее истории. Страницы данного издания, печатавшегося на подводной лодке «Утка», помогают нам понять, как менялись настроения авторов и читателей «Морского сборника» – офицеров русского флота, чьих судьба забросила в Северную Африку.

¹⁷ Сведения об авторе: Антошин Алексей Валерьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Уральского федерального университета, Екатеринбург. E-mail: alex_antoshin@mail.ru.

Именно командир подводной лодки «Утка» капитан 2-го ранга Н.А. Монастырев¹⁸ был основателем данного издания и его редактором. Очевидно, именно он был и автором концепции «Морского сборника», изложенной в первом номере журнала. Начиная летом 1921 г. издание «Морского сборника», редакционная коллегия планировала, что журнал будет «связующим звеном» для русских морских офицеров в один из наиболее тяжелых периодов истории отечественного флота [От редакции 1921 № 1: 1]. К моменту выхода в свет первого номера журнала прошло лишь полгода с момента эвакуации Русской эскадры из Крыма. Шел первый, начальный период в истории пребывания русских морских офицеров в Северной Африке. Н.А. Монастырев и его товарищи полагали, что они лишь ненадолго оказались вдали от родной земли: они верили в скорое начало нового похода Белой армии с целью освобождения России от большевизма. Бизерта рассматривалась ими лишь как временная стоянка Русской эскадры.

Именно этими настроениями проникнуты публикации первых номеров «Морского сборника», вышедших летом – ранней осенью 1921 г. Среди них следует выделить опубликованную в июле 1921 г. не имевшую названия заметку, автором которой был лейтенант С.Л. Бугаев¹⁹. В ней прямо говорилось о том, что дисциплина и уровень военной подготовки рядового состава на кораблях Русской эс-

¹⁸ Монастырев Нестор Александрович (1887-1957) – капитан 2-го ранга, офицер-подводник. Выпускник Морского корпуса (1912). Служил на Черноморском флоте. В годы Первой мировой войны служил на минном заградителе «Краб» и участвовал на нем в минировании Босфора, затем командовал подлодками «Нерпа» и «Скат». В годы Гражданской войны служил минным офицером на подлодке «Тюлень». В составе Русской эскадры привел в Бизерту подлодку «Утка», с 1922 г. – начальник дивизиона подводных лодок в Бизерте. Автор книг, посвященных истории русского морского флота.

¹⁹ Бугаев Сергей Леонтьевич (1895? – 1926) – лейтенант флота. Служил на Черноморском флоте. Прибыл в Бизерту старшим офицером на транспорте «Добыча». Умер от туберкулеза.

кадры оставляли желать лучшего. «Военная выправка» матросов «безнадежно упала», личный состав совершенно не владел морской терминологией и зачастую слабо знал свои корабли [Бугаев 1921: 19] – скрывать эти факты от читателей, которыми являлись такие же, как С.Л. Бугаев, офицеры эскадры, было со стороны автора бессмысленно. Однако он подчеркивал, что именно в этих условиях насущной необходимостью становилось совершенствование боевой подготовки, проведение занятий с личным составом для того, чтобы подготовить «настоящего матроса в военно-морском смысле» из той «разношерстной публики», которая оказалась на кораблях в ходе Гражданской войны. Лейтенант С.Л. Бугаев высказывал мысль, которую, очевидно, разделяли летом 1921 г. многие его товарищи: «Если морская практика не нужна здесь, в Тунисе, то вряд ли найдется морской офицер, который бы сказал, что это не пригодится там – в России, когда мы вернемся» [Бугаев 1921: 20]. А в то, что это возвращение произойдет достаточно скоро, верили в тот момент многие русские офицеры в Бизерте.

Укреплению этой веры, боевого духа среди офицеров служила и редакционная статья, опубликованная в третьем номере «Морского сборника» за 1921 г. Она предваряла начало публикации на страницах журнала «морского календаря» – перечня памятных дат из истории русского флота. Обосновывая необходимость этого, редакция подчеркивала: «Это мы делаем для того, чтобы офицеры не забывали, что в прошлом мы имели образцы, которыми можем гордиться и поныне... Ныне, находясь далеко от Родины, мы должны приложить все усилия к тому, чтобы в этой трудной обстановке сохранить дисциплину и любовь к своему делу... В Россию мы должны вернуться окрепшими в этой борьбе» [От редакции 1921 № 3: 148].

Как свидетельствуют публикации «Морского сборника», укреплять боевой дух оказавшихся в Тунисе офицеров и матросов действительно было необходимо. Уже к

началу июня 1921 г. в Бизерте покончили с собой мичман А. Юзefович, матрос П. Задунайский, ротмистр Бабин, лейтенант В. Шнейерт [Список умерших русских...1921: 146]. На кораблях Русской эскадры гибли от ран, полученных еще на фронтах Гражданской войны, умирали от брюшного тифа и бубонной чумы...В этих условиях особенно важно было бороться с атмосферой уныния, поддерживать среди офицеров веру в скорое возвращение на Родину.

Однако «Морской сборник» должен был не только укреплять боевой дух его читателей. Н.А. Монастырев видел миссию журнала и в том, чтобы способствовать повышению военной квалификации русских морских офицеров, вынужденно оказавшихся в Тунисе. Именно поэтому в начальный период истории данного издания на его страницах преобладали материалы военно-технического характера. Так, сам Н.А. Монастырев выступил с рядом статей, посвященных тактике подводных лодок и минных заградителей [Монастырев 1921 № 1; Монастырев 1921 № 2 и др]. Специфику действий флота в северных морях проанализировал в своей публикации старший лейтенант Духович [Духович 1921]. О новых измерительных приборах, применявшихся на кораблях, рассказал в своей заметке старший лейтенант А.Г. Рыбин²⁰ [Рыбин 1921]. Этот список можно продолжить.

Впрочем, пока корабли стояли в Бизерте, их личному составу необходимо было как-то выживать. неизбежно возникали и контакты офицеров с местным населением. Так, оркестр крейсера «Генерал Корнилов» под управлением И.М. Шадрина²¹ играл в городе, и его кон-

²⁰ Рыбин Александр Гаврилович (1889-1927) – старший лейтенант флота. Окончил Штурманский офицерский класс (1916). Служил на линкорах «Императрица Мария» и «Екатерина Великая». Прибыл в Бизерту с Русской эскадрой. В 1922 г. работал на строительстве дороги. Покончил жизнь самоубийством в Париже.

²¹ Шадрин Иван Михайлович (1878-1970) – композитор и музыкант. Окончил Санкт-Петербургскую консерваторию. Накануне Первой ми-

церты пользовались немалым успехом. Приветствуя эту инициативу, редакция «Морского сборника», однако, замечала: «Мы можем только пожелать, чтобы было больше русской музыки и преимущественно из нашей оперы. Во-первых, потому, что нам приятнее слушать свое, а во-вторых, потому, что наша музыка, как и вообще русское искусство в Европе и Америке, начинает занимать выдающееся место» [Из жизни эскадры и лагерей 1921 № 6: 72].

Однако постепенно атмосфера на судах Русской эскадры начинает меняться. Очевидно, большую роль в этом сыграл приказ Морского министерства Франции от 7 ноября 1921 г., в соответствии с которым большая часть офицеров и матросов была списана на берег в беженские лагеря. Как отмечала редакция «Морского сборника», «нужно ли говорить о том, что это удар для эскадры... Нужно ли говорить о том, что чувства невыразимой горечи и глубокого сожаления будут на сердце у каждого остающегося и уходящего» [От редакции 1921 № 6: 73]. Фактически этот приказ означал, что флот начинает превращаться в беженцев. Стало очевидно, что надежды на скорое продолжение антибольшевистской борьбы и возвращение домой оказались иллюзорными. Тунис становился для русских офицеров и членов их семей не просто местом временной стоянки кораблей, а домом, где необходимо обустриваться на какой-то достаточно продолжительный срок. Началось формирование русской диаспоры в этой североафриканской стране.

Это сразу же сказалось на содержании публикаций «Морского сборника». Характерно, что именно в том номере журнала, где сообщалось об упомянутом выше при-

ровой войны преподавал в Императорской придворной капелле. В годы войны служил в армии, в Гражданскую войну в чине капитана был руководителем военного духового оркестра в Новороссийске. Прибыл в Бизерту с Русской эскадрой на крейсере «Генерал Корнилов». В январе 1922 г. списался с эскадры на берег, в 1920-1930-е гг. преподавал музыку в частной женской гимназии, организовал хор. С 1947 г. жил во Франции.

казе французского Морского министерства, впервые появилась и рубрика «Из жизни эскадры и лагерей». С № 6 за 1921 г. новости о жизни русских в Тунисе стали занимать значительное место на страницах «Морского сборника». Эта жизнь была достаточно разнообразной. Важное место в ней занимали лекции для личного состава эскадры, которые читались на корабле «Георгий Победоносец». Большой интерес вызывали лекции отца Георгия Спасского²² на нравственно-религиозные темы. Многим русским изгнанникам именно вера помогала выжить в тех условиях. Неслучайно, как свидетельствовали публикации «Морского сборника», послушать отца Георгия приезжали даже те, кто жил в отдаленных лагерях. Однако симптоматично выглядит и тематика других лекций, читавшихся для русских офицеров в Тунисе в 1921 г. Так, капитан 1-го ранга С.Л. Трухачев²³ рассказывал им об истории Франции, а генерал-лейтенант Л.Д. Твердый²⁴ – об истории Туниса. Это отражало начало процесса интеграции русских морских офицеров в новое для них общество Французской колониальной империи.

²² Спасский Георгий Александрович (отец Георгий) (1877-1934) – митрофорный протоиерей. Окончил Московскую духовную академию (1902). В 1917 г. – Главный священник Черноморского флота. В годы Гражданской войны был священником в Белой армии. Эвакуировался в Бизерту вместе с Русской эскадрой. Настоятель храма Морского корпуса в Бизерте. С 1923 г. – в Париже, священник собора Александра Невского на rue Daru.

²³ Трухачев Сергей Львович (1874-1962) – капитан 1-го ранга. Прибыл в Бизерту с Русской эскадрой. В 1922-1923 гг. – командир линкора «Георгий Победоносец». После ликвидации эскадры работал в Тунисе бухгалтером. Умер в США.

²⁴ Твердый Сергей Львович (1872-1968) – генерал-лейтенант Военно-морского судебного ведомства. Окончил Военно-юридическую академию (1900). Участник обороны Порт-Артура. В Первую мировую войну – прокурор Севастопольского военно-морского суда, в Гражданскую войну – в судебном отделении Морского ведомства Белой армии. В Бизерту прибыл с Русской эскадрой. С 1925 г. жил в Париже.

Помимо прослушивания лекций, русские морские офицеры занимались в Тунисе и спортом. В сентябре 1921 г. были проведены две парусные гонки – офицерская и матросская. Как отмечала редакция «Морского сборника», «оба раза был хороший свежий ветер, и гонки прошли весьма удачно, вызвав большой интерес у всего личного состава» [Из жизни эскадры и лагерей 1921 № 6: 72]. Кроме того, дважды футбольная команда эскадры выигрывала матчи у французских клубов Бизерты. Планировалось организовать и соревнования по борьбе. Все это делалось, безусловно, в том числе и для того, чтобы находившиеся в Тунисе уже почти год морские офицеры сохраняли бодрость духа, находили в себе силы для того, чтобы не опустить руки, продолжать жить и бороться.

После сокращения штатов оркестр Шадрина уже не мог выступать столь часто, как раньше. Тем не менее, Русская эскадра продолжала оставлять свой след в культурной жизни Бизерты. В городском театре были поставлены сцены из «Фауста» и «Аиды». И вновь журнал Н.А. Монастырева выражал желание «увидеть на сцене наши оперы», упоминая при этом «Евгения Онегина», «Князя Игоря» и др. [Из жизни эскадры и лагерей 1921 № 7: 68]. Уже в первые месяцы пребывания русских эмигрантов на чужой земле проявилось то качество, которое будет отличать многих из них до конца жизни: преданность национальной культуре, стремление сохранить ее духовное наследие и пропагандировать его по всему миру.

Однако важно и то, что прибывшие, казалось, ненадолго в Бизерту офицеры и матросы русского флота постепенно превращались в эмигрантов. За год из Туниса уехало 600-700 человек. Многие же из тех, кто остались, к 1922 г. уже жили в лагерях для беженцев. Паек там был значительно скуднее, чем на кораблях, табак вообще не выдавался. Однако, как подчеркивал старший лейтенант

В.А. Борисов²⁵, по режиму беженские лагеря «никак не напоминают концентрационные» [Борисов 1922: 14].

Но к началу 1922 г. обстановка в Русском Тунисе существенно изменилась. Эти изменения особенно заметны при внимательном изучении содержания «Морского сборника». К этому времени из журнала практически исчезли статьи военно-технического плана, доминировавшие в начальный период истории данного издания. Очевидно, в условиях, когда флот превращался в беженцев, заниматься повышением квалификации командного состава было уже бессмысленно. Кардинально изменилось и содержание рубрики «Из жизни эскадры и лагерей». Практически вся она теперь была посвящена отъезду групп русских из Туниса в другие страны. В рамках «Русской акции» правительство Чехословакии согласилось принять в вузы страны офицеров, гардемарин и студентов. Характерно замечание «Морского сборника» по этому поводу: «Всем выдано штатское платье» [Из жизни эскадры и лагерей 1922 № 3: 98]. Такое переодевание во многом символизировало превращение морских офицеров в гражданских беженцев, пытавшихся найти свое место в послевоенной Европе. Они уже не надеялись на новый поход Белой армии и стремительно разъезжались по Европе: Чехословакия, Сербия, Франция... Шли переговоры о переводе существовавшего в Бизерте Морского корпуса во Владивосток, однако, вскоре и Приморье было захвачено красными.

В апреле 1922 г. рубрика «Из жизни эскадры и лагерей» исчезла из структуры номеров «Морского сборника». Очевидно, что к этому времени писать в ней стало по-

²⁵ Борисов Владимир Александрович (1887-1965) – старший лейтенант флота. Окончил Морской корпус (1908). В Первую мировую войну принимал участие в установке минных заграждений в Финском заливе и на Балтийском море, в Гражданскую войну служил на подводных лодках Черноморского флота. Прибыл в Бизерту в качестве офицера штаба командующего эскадрой. После Второй мировой войны переехал во Францию, в Ниццу.

чти не о чем. С весны 1922 г. «Морской сборник» фактически превращается в исторический журнал, где основную массу статей составляют материалы по истории флота в годы Первой мировой войны. Таковы рассказ о подводной лодке «Волк» старшего лейтенанта А.В. Зернина²⁶ [Зернин 1922], о гибели крейсера «Паллада» в 1914 г. старшего лейтенанта Р. фон Вирена²⁷ [Фон Вирен 1922] и др. Подобным будет содержание многих военно-исторических журналов Русского зарубежья.

Н.А. Монастырев перестанет выпускать «Морской сборник» в 1923 г. В 1925 г. прекратит свое существование Морской корпус, разъедутся по миру русские морские офицеры и гардемарины. Спустя сто лет отечественные исследователи продолжают изучать историю русской диаспоры в Тунисе, пытаясь понять психологию, внутренний мир этих людей, заброшенных судьбой в Северную Африку. Как было показано в данной статье, важным подспорьем в этом могут служить публикации «Морского сборника».

²⁶ Зернин Александр Владимирович (1891-1962) – старший лейтенант флота. Окончил Морской корпус (1911). В Первую мировую войну служил штурманом на кораблях Балтийского флота, в 1917 г. – командир миноносца «Послушный». В Бизерту прибыл старшим штурманом на плавучей мастерской «Кронштадт». В январе 1921 г. списан на берег, работал землемером-топографом. Был сбит насмерть автомашиной в Ницце.

²⁷ Фон Вирен Роберт Эдуардович (1891-1953) – старший лейтенант флота. Окончил Морской корпус (1912). Служил на кораблях Черноморского флота. В Гражданскую войну воевал на бронепоездах и кораблях Белой армии. Привел в Бизерту канонерскую лодку «Грозный». В 1920-1930-е гг. жил во Франции и Эстонии. В годы Второй мировой войны – в немецкой армии, капитан порта оккупированного Ростова-на-Дону. Был под подозрением Гестапо за «неподобающее отношение к русским».

Глава 4. РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ЕГИПТЕ²⁸

В начале 2018 г. вышла из печати моя монография «Русская эмиграция в Египте. 1920-е–1980-е гг. История. Документы. Некрополь». Эта книга была закончена еще в начале 2010 г., но напечатать ее никак не удавалось.

Исследовать российскую эмигрантскую диаспору в Египте оказалось не просто. Наибольшее количество материалов приходилось на ее первые годы. Российское дипломатическое представительство в этой стране функционировало до 1923 г., так что в его архиве есть документы и о прибытии беженцев в Александрию, и о пребывании их в лагерях в Аббасии, Телль аль-Кебире, Сиди Бишре и Исмаилии в 1920-1922 гг. После закрытия царского дипломатического представительства документы хранились у С.П. Разумовского (1874-1947), одного из его сотрудников, и после установления дипломатических отношений между СССР и Египтом были переданы им на родину. С другой стороны, несколько пассажиров парохода «Саратов», на котором перевозили беженцев из Новороссийска в Александрию, оставили воспоминания и о самом путешествии, и о жизни в лагерях. Так что первоначальный период пребывания в Египте русских беженцев исследовать было вполне возможно.

Значительно сложнее оказался поиск материалов о русской общине в межвоенный период. Поскольку она была немногочисленна (2 410 человек в 1927 г.), то собственных газет и журналов не издавала. Информация о жизни наших соотечественников в Египте иной раз попа-

²⁸ Сведения об авторе: Беляков Владимир Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник в Отделе истории Востока, Институт востоковедения РАН. E-mail: beliakov2007@yandex.ru.

дала в европейские издания русских эмигрантов, что и было использовано в монографии.

Начиная с 1943 г., когда в Каире открылось дипломатическое представительство СССР, документы о русских эмигрантах были обнаружены и в его переписке с Москвой. Но советские дипломаты держались отстраненно, не входя в контакт с эмигрантами без особой надобности. Так что документы этого периода немногочисленны.

Следует отметить, что немало и документов, и знаний я получил, длительное время работая в Египте в конце XX в. Особенно нужно упомянуть давнюю дружбу с живущей в Александрии дочерью русских эмигрантов Татьяной Николаевной Монти (Сериковой, родилась в 1932 г.). От нее я получил и картины генерала Ф.П. Рерберга (1868-1928), написанные в Телль аль-Кебире в 1920 г., и журнал «На чужбине», издававшийся в лагере беженцев Сиди Бишр, и список умерших в Египте россиян. Все они были использованы в монографии.

Указанные источники дополнила разрозненная информация из российских и египетских книг и журналов. К сожалению, найти в Национальном архиве Египта материалы о русских эмигрантах не удалось, как не удалось и ознакомиться с архивами «Русских бюро» – органов, созданных в Каире, Александрии и Порт-Саиде после закрытия царских дипломатических представительств. Тем не менее история русской общины в Египте предстает достаточно конкретно.

Вторая часть монографии посвящена рассказу о наиболее видных представителях русской общины. В Египте остались в основном хорошо образованные люди – дипломаты и офицеры, аристократы и деятели культуры, ученые, врачи, инженеры. В их числе были и такие известные на родине люди, как художник И.Я. Билибин (1876-1942), египтолог В.С. Голенищев (1856-1947), врач-физиолог Г.В. фон Анреп (1889-1955), артистка Императорских театров графиня Надежда Ланская (1892-1937).

Они оставили заметный след и в египетской, и в отечественной науке и культуре.

В монографии рассказывается о более чем 50 персонах, их заслугах и достижениях. Собранная о них информация по своему объему неравномерна. Больше всего материалов о знаменитых людях, вроде последнего царского посланника А.А. Смирнова (1857-1924), который провел в Египте свыше 15 лет и скончался в Каире. После Октябрьской революции он сыграл немалую роль в поддержке эмигрировавших соотечественников. Значительны разделы о И.Я. Билибине, скульпторе Б.О. Фредмане-Клюзеле (1878-1959), египтологах В.С. Голенищеве, В.М. Викентьеве (1882-1960), А.Н. Пьянкове (1897-1966).

Историю русской эмиграции в Египте дополняют документы первого раздела приложений. Первые три его части посвящены отъезду эмигрантов из России и их пребыванию в лагерях беженцев в Телль аль-Кебире и Сиди Бишре. Они основаны на архивных документах и дополнены воспоминаниями генерала Ф.П. Рерберга и Александра Яблоновского. Четвертую часть составляют воспоминания кадет Донского корпуса, опубликованные полвека спустя в Мадриде. Пятая часть, «Судьбы», рассказывает об истории двух семей эмигрантов – Татьяны Николаевны Монти и Лидии Валентиновны Дашкевич. Образцы литературного творчества эмигрантов приведены в шестой части. Это прежде всего рассказ Анатолия Маркова (1894-1961) «Джерри. История одной собаки». Он вошел в изданную после кончины автора в Сан-Франциско книгу «Родные гнезда». Другим известным литератором был Иван Павлович Умов (1883-1961). Он писал стихи – и по-русски, и по-французски. В монографии приведены четыре русскоязычных стихотворения Умова о России. Седьмая часть – это некрологи выдающихся русских деятелей, живших в Египте. Они посвящены египтологам В.С. Голенищеву и А.Н. Пьянкову, а также скульптору Б.О. Фредману-Клюзелю. И, наконец, последняя восьмая

часть отдана обзору жизни русских в Египте. Она состоит из двух текстов. Первый из них – это очерк эмигранта Дмитрия Фламбуриани «Русские на египетской земле», дважды выходивший в Александрии на французском языке в 1930-е гг. Его дополняет текст «Жизнь русских в Египте», вошедший в известную книгу П.Е. Ковалевского «Зарубежная Россия» (Париж, 1971). Автор – В.В. Беллин (1920-1988), сын известного в Египте врача Виктора Эмильевича Беллина (1888-1953), много лет возглавлявшего русскую поликлинику в Каире.

Последний раздел монографии посвящен исследованию российского православного некрополя в Египте. К сожалению, составить всеобъемлющий некрополь не представляется возможным. Среди эмигрантов из России были люди разных национальностей и различных вероисповеданий. Найти могилы россиян на еврейских и тем более мусульманских кладбищах Египта – задача невыполнимая. Другое дело – могилы православных русских. Их хоронили преимущественно на греческих православных кладбищах. В столице – в монастыре Св. Георгия в Старом Каире, в Александрии – на кладбище Шетби. Православное кладбище имеется также в Порт-Саиде.

Поскольку русские эмигранты были, как правило, бедны и одиноки, местом последнего приюта для них стали не персональные могилы, а общие склепы. Таковые имеются на кладбищах и в Каире, и в Александрии. Над ними возведены небольшие часовни в русском стиле. В склепах похоронено примерно три четверти скончавшихся эмигрантов.

Автор тщательно изучил регистрационные книги греческих православных кладбищ в Каире и Александрии. К сожалению, в Каире книги сохранились лишь с 1947 г. Тем не менее удалось восстановить имена 176 россиян, похороненных в Египте, даты смерти многих людей. На общих мемориальных досках они отсутствуют.

Чрезвычайно полезным оказался список умерших россиян, который с начала 1920-х гг. до 1979 г. вела Ольга Дмитриевна Серикова (1903-1987), мать Т.Н. Монти. К сожалению, в этом списке нет указаний на место захоронения, практически отсутствует информация о дате и месте рождения, а зачастую нет и имени с отчеством – одни инициалы.

Вернувшись после многолетнего пребывания в Египте на родину, автор продолжил работу по составлению некрополя по архивным и литературным источникам. Это дало возможность установить еще около ста имен соотечественников, скончавшихся и погребенных в Египте.

В общей сложности в опубликованных во втором разделе книги списках содержатся данные о более чем 800 персонах.

Следует отметить, что данная работа потребовала использования многообразных источников на различных языках. Основу составили около 130 архивных документов. Они были дополнены примерно сотней пунктов разнообразной литературы на русском языке. Чрезвычайно полезными были два десятка интервью с людьми, живущими в Египте. Столько же использовано и англоязычных изданий. И, наконец, издания на арабском языке и русская периодика. Столь разнообразное сочетание многочисленных источников и позволило написать данную монографию.

В отсутствие до 1943 г. дипломатических отношений между СССР и Египтом русская эмиграция заполнила вакуум, образовавшийся в связях между народами двух стран. Поскольку в нашей стране уровень социально-экономического развития был выше, чем в Египте, эмигранты, несмотря на их малочисленность, внесли заметный вклад и в культуру Египта, и в подготовку национальных кадров египтян. Они были хоть и небольшой, но неотъемлемой частью зарубежной России.

Глава 5. ИСХОД РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА В НАЧАЛЕ XX В.²⁹

Истоки уральского казачества (как и других) уходят в глубину средних веков. Военные походы в районы Волги и Каспия, против турок, персов, ногайцев казаки называли «промыслом». Это были столкновения за свою территорию, места постоянного проживания, ведения хозяйства. Уральские (яицкие) казаки занимались рыболовством, охотой, сеяли хлеб, разводили плодовые сады, держали скот, были среди них врачи, юристы, но основу составляли воины [Трегубов 2007]. Более 200 лет уральские казаки жили рядом с кочевыми казахами, башкирами. В XIX в. их отношения сложились во взаимной торговле. В силу обостренного чувства справедливости уральцы всегда с уважением относились к обычаям и национальным традициям казахов [Дубровин 2012].

В первоначальный период своей истории (XVII-XVIII вв.) яицкие казаки были практически независимы. Все сношения с Россией велись через Посольский приказ. Царь просил для боевых походов выставлять на службу определенное количество казаков за вознаграждение. С 1721 г. Петр I взаимоотношения с казачеством вел через Военную коллегию [Аристова 2015].

По переписи 1897 г. войсковых казаков с семьями насчитывалось 2 928 842 человек, или 2,3% всего населения. Основная масса казаков (63,6%) проживала на территории 15 губерний, где существовало 11 казачьих войск – Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Уральское,

²⁹ **Сведения об авторах:** Аристова Людмила Борисовна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра экономических исследований Института востоковедения РАН, Москва. E-mail: semenovanelli-2011@mail.ru.

Семенова Нелли Кимовна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра экономических исследований Института востоковедения РАН, Москва. E-mail: semenovanelli-2011@mail.ru.

Оренбургское, Сибирское, Забайкальское, Амурское и Уссурийское. Самым многочисленным было донское казачество (1 026 263 человек или около трети общего числа казаков страны). Оно составляло до 41% населения области. Затем шли Кубанское – 787 194 чел. (41% населения Кубанской обл.), Забайкальское – 29,1% населения области, Оренбургское – 22,8%, Терское – 17,9%, столько же Амурское, Уральское – 17,7%. На рубеже веков наблюдался ощутимый прирост населения: в период с 1894 по 1913 гг. численность населения 4-х самых крупных войск увеличилась на 52% [Иванова, Желтова 1993].

Рост национального самосознания казаков – т.н. «казачий национализм» – ощутимо наблюдался в начале XX в. Государство, заинтересованное в казачестве, как военной опоре, активно поддерживало эти настроения, гарантировало определённые привилегии. В условиях нарастающего земельного голода, поразившего крестьянство, сословная замкнутость войск оказалась удачным средством защиты земель [Сафонов 2001].

Вольные казачьи войска, городовые и сельские казаки, служившие в войсках Российской Империи, общественные и государственные казачьи организации – все это грани уникального явления российской истории – казачества, которое не может быть понято вне конкретной истории России. Все это принадлежит нашей истории XVI-XX вв. Казакам довелось сыграть яркую роль в становлении и развитии нашей страны, как великой евразийской державы, в событиях переломных эпох.

Начало XX в. века принесло огромные перемены в жизни миллионов русских людей. Был уничтожен веками формировавшийся уклад всего народа России, в т.ч. и казаков³⁰ (уральские, донские, терские, забайкальские и др. [Трегубов 2000]. «...во дни порабощения России, ее бесси-

³⁰ Казачество (от тюркского казак, козак – удалец, вольный человек), социально-этнические и исторические общности людей, сложившиеся на южных окраинах русских земель в 14 веке (прим. авт.)

лия и неустройств, на южных пределах ее, без ее участия и ведома сама собой вставала живая стена, составленная из воинов, удальством своим долго изумлявших окрестные края», – писал в 1900 г. о начале казачьей истории, горячий патриот донского казачества, тогда еще будущий атаман П.И. Краснов [Краснов 2011].

Неудивительно, что история казачества столь политизирована и содержит много мифов. Сам феномен казачества, его героическая воинская традиция, колоритная культура, самобытная история, – всегда пробуждали большой интерес (и не только в России).

Рубежным и судьбоносным для казачества стал 1917 г. События Февраля имели серьёзные последствия: отречение императора, помимо всего прочего, разрушило централизованное управление казачьими войсками. Основная масса казачества длительное время находилась в неопределённом состоянии, не принимала участия в политической жизни – сказалась привычка к повиновению, авторитет командиров, слабое понимание политических программ [История казачества... 1995: 71].

В 1918-1920 гг. части Красной Армии многократно проходили по территории казачьего уральского войска. В марте 1919 г. войсковой атаман Владимир Сергеевич Толстов (1884-1956) на некоторое время смог переломить ход военных действий в пользу казаков. С приходом «красных» начались массовые расстрелы. До 1917 г. казачество России составляло значительную часть активного населения страны (13 казачьих войсковых частей – 4,2 млн чел.). в составе казачества были донские казаки – 1,5 млн чел. кубанские – 1,3 млн чел., оренбургские – 593 тыс. чел., забайкальские – 264 тыс. чел., терские – 255 тыс. чел. [Трегубов 2007].

Положение всего казачества к концу Гражданской войны было неоднородным. По своей культуре и образу жизни казаки отличались свободомыслием, у них ценилось чувство справедливости и собственного достоинства.

Новая власть не сумела (или не хотела и опасалась) привлечь казачество на свою сторону. Острейший военно-политический конфликт между советами и казачеством проявился в стойкости казаков в верности долгу, присяге, данной царю. В условиях военно-политического кризиса в 1918-1920 гг. часть казачества влилась в ряды белогвардейцев, часть – в ряды Красной Армии, что связано с уже имевшим место социально-экономическим расслоением. Обе противоборствующие стороны активно старались перетянуть казаков к себе (или, по крайней мере, не пустить к противнику). Велась активная агитация словом и делом. Белые делали акцент на сохранении вольностей, казачьих традиций, самобытности и проч. Красные – на общность целей социалистической революции для всех трудящихся, товарищеских чувствах казаков-фронтовиков к солдатам. В.Ф. Мамонов обращал внимание на схожесть элементов религиозного сознания в агитации красных и белых, а также методов пропагандистской работы [История казачества... 1995: 72]. Вообще же, искренними не были ни те, ни другие. Всех в первую очередь интересовал боевой потенциал казачьих войск.

Казачество, как одно из самых верных национальному укладу жизни сословий Российской империи, в большинстве своем встало на сторону белого движения. По разным данным, в противоборство с большевиками вступили от 60 до 80% казаков [Ерофеева, Якимова 2016: 212-217].

Жёсткая политика большевиков, насаждавших в сельских районах коммуны, разоружение казаков, захват земель неудобных, репрессии, конфискацию имущества, хлеба оттолкнули многих. Репрессии усиливали конфликтную ситуацию. Целый ряд документов, принятых советами, ущемляли права казачества. Геноцид в отношении казаков опирался на директиву Я. Свердлова от 24.01.1919 г. [Директива...] и на секретное письмо В. Ленина № 3679 от 19.04.1920 г. председателю ВЧК

Ф. Дзержинскому о полном физическом уничтожении казачков³¹. Органам ВЧК ставилась задача, чтобы само слово «казачество» навсегда исчезло из русского языка³². Из Директивы Реввоенсовета 8-й армии № 1522 от 17 марта 1919 г. «о быстром и решительном уничтожении казачества»: «Все казаки должны быть поголовно уничтожены, уничтожены должны быть и все те, кто имеет какое-либо отношение к антисоветской агитации, не останавливаясь перед процентным уничтожением населения станиц, сжечь хутора и станицы... Всем частям приказывается пройти огнём и мечом местность...»³³. Начались невиданные в российской истории массовые убийства казачества. Было запрещено само слово – «казак», ношение фуражек, погон и лампасов [Родина 1990: 41-44].

Населенные пункты обкладывались денежной контрибуцией, за неуплату которой полагался расстрел. Станицы переименовывались в волости, хутора – в села. «Во главе станиц ставили комиссаров из числа инородцев – евреев, австрийцев и венгров, которые свирепствовали всюду. По хуторам разъезжали специальные карательные отряды, ежедневно казнившие по 40-60 чел. Расправы осуществлялись при помощи пулеметов...» [Подборка документов... 2010].

Из циркулярного письма ЦК об отношении к казакам:

Необходимо, учитывая опыт года гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества

³¹ Обращение совета старейшин Всемирного союза казачьих атаманов к казакам мира. / Казачий Курьер. № 10-11 (150-151), 3.11.2017. С. 24. URL: <https://www.pecina.cz/files/Sinagl/Kazachiy-courier-10-11-2017.pdf>. (дата обращения: 06.06.2018).

³² Там же.

³³ Директива Реввоенсовета 8-й армии о борьбе с восставшими казаками. РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 168. Л. 213-213об. Заверенная копия. Фонд А.Н. Яковлева. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1012743> (дата обращения: 07.06.2018).

путем поголовного их истребления. Никакие компромиссы, никакая половинчатость пути недопустимы. Поэтому необходимо:

1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применять все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти.

2. Конфисковать хлеб и заставить ссыпать все излишки в указанные пункты, это относится как к хлебу, так и ко всем другим сельскохозяйственным продуктам.

3. Принять все меры по оказанию помощи переселяющейся пришлой бедноте, организуя переселение, где это возможно.

4. Уравнять пришлых «иностранцев» к казакам в земельном и во всех других отношениях.

5. Провести полное разоружение, расстреливая каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи.

6. Выдавать оружие только надежным элементам из иностранцев.

7. Вооруженные отряды оставлять в казачьих станицах впредь до установления полного порядка.

8. Всем комиссарам, назначенным в те или иные казачьи поселения, предлагается проявить максимальную твердость и неуклонно проводить настоящие указания³⁴.

Уничтожалась также экономическая база казачества (ловля рыбы, лесные угодья и пастбища для скота). В первые века казачества на Урале рыболовство было главным промыслом, дававшим средства для существования. В конце XIX-XX вв. оно стало подспорьем, но в станицах ни-

³⁴ Известия ЦК КПСС, 1989, № 6. С. 177-178. URL:

<https://www.twirpx.com/file/1083219/> (дата обращения: 07.06.2018).

зовья р. Урал оставалось основным источником дохода. До 1914 г. казаки вылавливали и вывозили на продажу и за границу более 2 млн пудов рыбы. Хорошо налажены были торгово-экономические связи Уральска и городов Поволжья и центра России. По законам торговли в первую очередь обеспечивались потребности в рыбе местного населения.

После гражданской войны вывоз рыбы не разрешается. Рыбные угодья в губернии стали государственными с 1921 г., вся выловленная новыми бригадами рыба сдавалась губернскому представителю властей. Людям не разрешалось ловить под страхом наказания и ареста. В былые годы неурожаев, рыболовство спасало казаков от голода. В голод 1921-22 гг. ничего не было сделано для налаживания рыболовства.

Посевные площади в 1922 г. составили лишь 1/3 от 1916 г. Гражданская война опустошила богатейшие сельскохозяйственные земли, питавшие промысловые регионы России. Сократилось народонаселение в большей части в послевоенный период за счет голода, болезней, массовых расправ. Число русских в губернии Уральска к 1923 г. сократилось почти на 145 тыс. человек (по сравнению с 1917 г.). Более чем в 2 раза сократилось количество русских населенных пунктов, с 300-500 дворов до отдельных хуторов (2-3 дома) [Чесноков 2005]. Уменьшилось сравнительно с 1918 г. трудоспособное число мужчин, особенно на бывшей казачьей территории. В Уральском уезде мужчин стало почти в 2 раза меньше.

Потери от военных действий дополнились потерями от искусственно организованного голода в Поволжье, Украине, Северо-Кавказском крае и Северном Казахстане, где погибло от 4 до 10 млн человек. Огромные людские потери (1-2 млн чел.) произошли также и в ходе насильственных переселений в отдаленные районы северной части страны, Сибирь, дальний Восток и пустынные районы Средней Азии. По данным Николая Верта депортациям в

лагеря и спецзоны подверглось до 500 тыс. казаков [Русский Американец, 2000; The Black Book... 1999].

В итоге с 1918 по 1922 гг., по некоторым данным, только на Дону было уничтожено 5 из 6 человек в каждой казачьей семье, в Сибири – более 2 млн крестьян (многие из них имели казацкие корни) и казаков. Спасаясь от репрессий, ушли за границу большинство казаков Уральско-го, Семиреченского, Забайкальского, Амурского и Уссурийского Войск. Некоторые казаки видоизменяли или полностью меняли фамилии, как, например, семья известного в Ростове-на-Дону Мирошниченко Константина Ивановича (ныне покойного), раньше были Мирошниковы, Котовскыы стали Котовскими, Верные стали Верновыми и др. В. Ленин приказывал «расстрелять всех до единого» казаков Донского и Кубанского войск, добровольно сдавшихся и открывших войсковые границы в 1919 г. частям Красной Армии (всего в лагерях было собрано более 2 млн чел.) [Доклад Ковыкина... 1996]. Осенью 1920 г. через порты Черного моря выезжали донские казаки в Турцию, Болгарию, Сербию. В начале 1920 г. тяжелейший переход совершили уральские и оренбургские казаки в Персию, затем Китай. Из восточной Сибири и Дальнего Востока в Китай, Монголию, Персию ушло более 0,5 млн чел. Около 50 тыс. казаков с семьями ушли в период 1920-1930 гг. [Трегубов 2007].

Гражданская война, эпидемия тифа и голод унесли почти четверть казачьего населения. По данным на 1912 г. в сельской местности проживало 86 865 казаков, в 1917 г. 94,1 тыс., в 1927 г. – 23,122 чел. [Пеньковский 2006]. По данным губисполкома за 1925-26 гг. «Богатый когда-то край буквально обнищал» [Уральская губерния С. 1]. Край понес огромные людские и материальные потери. Гражданская война сократила не только казачье население, но и все население края. Были расстреляны русские и казахи, башкиры, татары, украинцы, казаки и священники, состоятельные и бедные.

Много лет длилась борьба казачества за свои права и образ жизни с советской властью. С конца 1917 г. возвратившиеся с Западного фронта казачьи части постоянно сталкивались с частями «красных». Одной из основных причин борьбы был отказ казаков (в т.ч. уральских) разоружаться. Часть казаков была уже разоружена до приезда в Уральск. Это заставило казаков со временем доставать оружие в боях с «красными». Саратовские и Оренбургские власти предъявили уральцам требование признать советскую власть, сдать оружие, пригласив для переговоров самых уважаемых старых казаков. Однако делегаты были арестованы, со стороны властей начались грабежи и насилия в казачьих районах Урала (февраль 1918 г.). С этого момента казачество открыто начинает борьбу за свои права, отстаивая желание жить и трудиться на своей земле.

Значительное влияние на жизнь казачества оказало белое движение. Во время Гражданской войны генералы и атаманы Л.Г. Корнилов, А.И. Дутов, А.М. Каледин имели в своих рядах знатные казачьи части.

В период 1918-1920 гг. военно-политическая ситуация в различных казачьих регионах России была сложной: часть казачества влилась в белогвардейскую армию, часть – не определилась по отношению к Советам и выжидала, часть примкнула к «красным». Так, в Оренбургском казачьем войске атаман А.И. Дутов с казачьими частями и белыми офицерами и юнкерами, верными Временному правительству, не смогли противостоять «красным» и ушли на территорию уральского казачества. В Уральске большая часть казаков, не ориентируясь в политической обстановке, не имея единства в своих рядах, приняла выжидательную позицию. Расслоение и неоднородность казачества привели к его расколу. Усиливала расслоение и политика Советов. Так, на одном из съездов забайкальских казаков (март 1918 г.) было озвучено постановление Советов «Казачество как сословие упразднить. Все капиталы и

имущество войска передать Советским властям». Большая часть казачьих станиц отказалась выполнять постановление. Казаки стали поддерживать «Белую армию». Белогвардейские силы провели в Забайкалье рейды и временно восстановили права казаков под руководством атамана Г.М. Семенова. Боевые действия в Забайкалье показали, что большая часть казаков стала против новой власти. С приходом «красных» многие казачьи семьи эмигрировали в Китай, Монголию. Общие для разных регионов России процессы расслоения казачества, непонимание новой власти, усиливали эмиграцию казаков. Это же отрицательно сказалось и на военных действиях белогвардейцев, способствовало их разгрому.

Военно-политическая ситуация, сложившаяся между советской властью и казачеством с начала Гражданской войны, вынудила большевиков практически сразу вести жесткую политику в отношении казачества, проводить его ликвидацию. С мая 1918 г. были сожжены станицы в Оренбургской области, Уральском районе, в Забайкалье. Проходили расстрелы инакомыслящих, массовые захваты земельных участков, расстрел каждые 5 или 10 человек взрослого мужского населения из восставших хуторов и т. д.

В политике местных советов на юге Урала, в Оренбуржье нередко принимались заранее невыполнимые казачьями решения (например, по вывозу хлеба, в 1919-1920 гг. практически весь урожай был конфискован), то же было и в других районах. Казачеству запрещали пользоваться лесными угодьями и ловлей рыбы, что с давних пор было значительной частью их хозяйственной жизни. В концлагерях Астрахани и Волгограда в 1920 г. содержалось более 2000 казаков разных войск. По указанию советского правительства репрессии коснулись в 20-30-е годы десятков тысяч казачьих семей, которые потом были высланы на Север.

Социально-политическая ситуация, сложившаяся между советской властью и казачеством России с начала Гражданской войны, привела к тому, что казаки не приняли новую власть. Большевикам пришлось сразу же определить курс на ликвидацию казачества. Однако, 9 июня 1924 г. был издан Декрет ЦИК и СНК СССР, по которому была объявлена амнистия всем рядовым солдатам белой армии и казачеству, находившимся в Монголии, Китае, позже и офицерам. С 1930 г. проходит новый этап политических и экономических репрессий. Началось массовое выселение зажиточной части сельского населения России и казаков (под предлогом раскулачивания). К началу Великой Отечественной войны насчитывалось 973 693 казака. Многие казачьи районы, их лесные угодья были разграблены и переданы другим областям (на Юге России – Чечне и Ингушетии).

Главным для казачества итогом Гражданской войны был процесс «расказачивания». В начале 1920-х гг. казачье население уже слилось с прочим земледельческим населением – в плане своего статуса, круга интересов и задач. Проводимая коммунистическими властями политика в отношении земледельцев сблизила столь различавшиеся ранее группы, уравнив всех, как граждан «Советской республики».

Казачество понесло невосполнимые потери – почти полностью было выбито офицерство, погибла значительная часть казачьей интеллигенции. Множество станиц было уничтожено. Значительное количество казаков оказалось в эмиграции. Долго сохранялись в отношении казаков подозрения в политической неблагонадежности. Причастность, хотя бы косвенная, к белому казачеству или повстанческому движению оставляла клеймо на всю оставшуюся жизнь. В ряде районов большое число казаков было лишено избирательных прав. Под запрет попало все, что напоминало о казачестве. Вплоть до начала 1930-х гг. шли методичные поиски «виновных» перед советской вла-

стью; обвинение кого-либо в причастности к «казачьей контрреволюции» оставалось самым серьезным и неизбежно влекло за собой репрессии [Сафонов 2001].

Советское государство в начале своего становления подавляло казачьи традиции, отрицало право казачества существовать как особая сущность [Cossacks in WWII]. Политика советского государства привела к гибели значительной части казачества и большому исходу казаков за границу. Массовая эмиграция казачества в разных регионах страны началась уже с 1918 г. и продолжалась вплоть до конца 1930-х гг. В начале 1920 г. казаки Оренбургской области и Приуралья совершили тяжелейший переход через Среднюю Азию в Персию. Из 150 тыс. чел. с семьями осталось лишь 30 тыс. чел. Социальные, экономические, политические перемены в России, смена места жительства, жизненного уклада, распад старых устоев, менталитета – все это привело к эмиграции многих казаков. Казачество за границей нередко испытывало серьезные трудности. Адаптируясь к новым условиям, люди старались сохранить свой национально-культурный образ жизни, патриотизм и верность России и присяге. Эмиграция в Китай и Монголию имела отличия от переселения в другие страны. Объясняется это тем, что здесь уже были дореволюционные поселения русских (в Харбине и Трехречье). Здесь новые переселенцы сумели организовать несколько поселений, сохранить язык, найти работу (особенно в районах Китайской Восточной Железной Дороги).

В 1920-1930 гг. десятки тысяч казаков Сибири и Дальнего Востока сумели выехать до коллективизации и последующих репрессий. Постепенно эмигранты стали изучать язык страны проживания, законодательство, вливаться в новую для них жизнь. Эмигранты оказали большое влияние на развитие экономики ряда стран Азии, Латинской Америки. Это был не только источник рабочей силы, но и восполнение недостатка технически грамотных людей. Казачество за границей вошло в Русское Зарубе-

жье, создав в ряде стран свои союзы, объединения социально-экономического и политического направления. В годы Второй мировой войны казаки не сразу, но принимали активное участие на стороне союзников СССР. (Вначале борьба с большевиками была приоритетной).

В настоящее время в России продолжается процесс реабилитации казачества, их войсковых обществ. Принята федеральная целевая программа господдержки казачьих центров (Закон «О государственной службе российского казачества»)³⁵. Казачество активно подключается к общей борьбе с терроризмом, перевозкой наркотиков, охраной государственных границ РФ, деятельности по ликвидации стихийных бедствий, природных ситуаций и др. Казачество с его традициями воспитания молодежи, отношением к природе, принципами по охране окружающей среды может быть полезным всему российскому обществу.

³⁵ Федеральный закон «О государственной службе российского казачества» 5 декабря 2005 г. / Российская газета – Федеральный выпуск №3945 (0). 08.12.2005. URL: <https://rg.ru/2005/12/08/kazachestvo.html>. (дата обращения: 07.06.2018).

Россия и Китай как единое диаспоральное поле

Глава 6. РУССКИЕ В КИТАЕ – КИТАЙЦЫ В РОССИИ: ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ³⁶

Зарождение русской общины в Китае относится к концу XVII в., когда во время столкновений в Приамурье по указу императора Сюань Е ³⁷ из пленных казаков, большую часть которых составляли защитники Албазина³⁸, а также из перебежчиков на северо-востоке Пекина было создано русское поселение. Пленные Албазинцы были причислены к желтому с каймой маньчжурскому знамени³⁹. Наравне с другими солдатами они получили казенные квартиры, деньги на первоначальное обзаведение хозяйством и наделы пахотной земли [Грибовский

³⁶ Сведения об авторе: Семенова Нелли Кимовна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра экономических исследований Института востоковедения РАН, г. Москва. E-mail: semenovanelli-2011@mail.ru.

³⁷ Канси – девиз эры, собственное имя Сюань Е, 1654-1722, император Китая. Четвёртый представитель маньчжурской династии Цин. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_diplomatic/606/%D0%9A%D0%90%D0%9D%D0%A1%D0%98 (дата обращения: 22.08.2019)

³⁸ Албазин – первое русское поселение на Амуре. Основано в 1651 г. Был покинут после подписания Нерчинского договора в 1689 г., по статье 3 которого русский город Албазин подлежал «разорению до основания», при «клятвенном обязательстве» Цинов не заселять «Албазинские земли» // Свободная энциклопедия Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 22.08.2019)

³⁹ Восьмизнаменные войска – элитные подразделения маньчжурской армии династии Цин, подразделялись на «восемь знамен», по числу основных и промежуточных частей света, инородцы в них поначалу не допускались. Позже образованы аналогичные «знамена» для инородцев, отличившихся на маньчжурской службе, зачисление в «восьмизнаменные войска» считалось особой честью. // Меньшиков Л.Н. «Сон в красном тереме» – вершина китайской классической литературы. Предисловие к изданию. URL: <http://kitaigorod.narod.ru/predislovie.htm> (дата обращения: 22.08.2019)

1905: 13]. Для богослужения русским была передана во владение буддийская кумирня, которую священник Максим обратил в часовню во имя святителя Николая Чудотворца [Краткая история... 1916: 1].

Указ Петра I от 18 июня 1700 г., о создании духовной миссии в Пекине [Русско-китайские отношения... 1978: 50], отмечал необходимость изучения российскими подданными местных языков, обычаев и культуры, что отвечало политическим и торговым интересам России в Китае. В 1716 г. миссия прибыла в Китай, начальнику миссии был пожалован чин мандарина пятой степени, иеромонаху и иеродьякону - седьмой, остальных причислили к сословию солдат [Бантыш-Каменский 1882: 81, 85], назначены пособия и ежемесячные жалования, отведены казенные квартиры. Этим актом маньчжурское правительство зачислило прибывших миссионеров на императорскую службу, поскольку православные священники обслуживали нужды гвардейской роты солдат цинских знаменных войск, составленной из пленных албазинцев и других русских, оказавшихся в Китае. Юридическое закрепление Русской духовной миссии оформил (5-й статьей) Кяхтинский трактат (1727 г.) [Русско-китайские отношения... 1958: 19, 20].

Основные методы и принципы деятельности членов миссии в Китае определялись общей инструкцией миссионерам (1734 г., 1840 г., 1864 г.) [Инструкция миссионерам 1905: 28-34], согласно которой выполнялись функции. Во-первых, дипломатическая. Духовная миссия, до учреждения в 1861 г. Российской дипломатической миссии, играла роль дипломатического представительства в Китае. Во-вторых, научно-исследовательская и разведывательная. С деятельностью членов миссии связаны больше успехи в отечественном китаеведении, изучении китайского маньчжурского языков. В-третьих, религиозно-пропагандистская – по распространению православия в Китае. По причине «крайней материальности восточной

души» и «национальной самозаклученности восточных людей» не позволяющей им «сливаться с другими народами в нравственный союз» деятельность миссии не давала ожидаемого эффекта» [Шубина 2001: 300-361]. Если распоряжения светских властей менялись с изменениями внешнеполитических задач, то миссионерская тактика православной церкви оставалась одинаковой на протяжении двух столетий. Деятельность православных миссионеров возводилась в ранг государственной политики и находилась под особым контролем, как России, так и Китая.

В то время как государственные люди радели о «пользе государевой» и национальных интересах России, казаки и крестьяне осваивали дальневосточные земли, движимые личными интересами, не всегда учитывая государственные договоренности держав о границах, а, следовательно, реализовывали свои интересы на тех землях, которые казались более привлекательными, даже если это впечатление было субъективным. Так начиналось освоение земельных угодий, недр и других природных ресурсов. Некоторые примеры подобного освоения носили довольно заметный характер. Например, в XVIII в. русские из Забайкалья занимались нелегальной добычей золота и угля в пределах Хулунбуира [Аблажей 2007: 248] в Маньчжурии. «Золотая лихорадка» достигла своего пика в 80-е годы XIX века. Основной район золотодобычи образовался на правом берегу Амура в местности Желтуга, расположенной в долине небольшой реки Желты (кит. назв. – Мохэ), притоке р. Албазихи. Поселения русских старателей называли Желтугинской республикой – в начале 1883 г. там обитало 120 чел., через год там было уже семь тысяч, еще через полгода – 15 тыс. жителей. Из-за многочисленных протестов китайской стороны власти Дальнего Востока были вынуждены запретить переходы границы с целью добычи золота.

Одним из значительных событий, ставшим отправной точкой массового освоения китайской территории русскими, стало начавшееся в 1898 г. строительство Китайской Восточной железной дороги (КВЖД), являвшейся южной веткой Транссибирской магистрали, которая была сооружена за 5 лет. Этот проект диктовался экономическими и стратегическими интересами России на Дальнем Востоке: предполагалось, что это ускорит заселение Приамурья, подстегнет экономический рост на Дальнем Востоке в целом и будет способствовать закреплению российского влияния в Маньчжурии. Полоса отчуждения занимала территорию площадью почти 112 тыс. га, общая протяженность западной и восточной веток составила 1,5 тыс. км. [Особый район... 1927: 10]. Массовое переселение в полосу отчуждения КВЖД началось с начала строительства и ввода дороги в эксплуатацию. В этот период из России в Маньчжурию прибыли тысячи людей: рабочие, инженеры, администраторы, купцы, предприниматели, военные и т. д. [Российская эмиграция... 1994: 4].

В южной Маньчжурии по юго-восточной оконечности КВЖД, следуя букве соглашений 1898 г.⁴⁰ о 25-летней аренде портов Далянь и Люшунь, российское правительство начало строительство порта Дальний и крепости Порт-Артур. К началу Русско-японской войны⁴¹ на сооружение Дальнего и Порт-Артура российской казной было

⁴⁰ Русско-китайская конвенция 15 (27) марта 1898 в Пекине между русским поверенным в делах А. Павловым и членом императорского Секретариата и Коллегии по иностранным делам правительства цинского Китая Ли Хунчжаном. Предусматривала предоставление России в арендное пользование Порт-Артура (Люйшуня) и Дальнего (Даляня) и разрешала прокладку к этим портам железной дороги - Южно-Маньчжурская железная дорога - от одного из пунктов Китайско-Восточной железной дороги - КВЖД.

URL: <http://istmat.info/node/27274>

⁴¹ Русско-японская война - война 8 февраля 1904 - 27 июля 1905 между Россией и Японией за контроль над Маньчжурией и Кореей, которая завершилась Портсмутским миром [Левицкий 2003].

потрачено почти 23 млн рублей. В Порт-Артуре дислоцировался крупный российский гарнизон, численность которого в 1903 г. составляла 17 тыс., а в годы Первой мировой войны достигала 40 тыс. человек. Русская община в Дайрене в 1920-1930-е гг. насчитывала около 250-350 чел., в 1937 г. – более тысячи человек [Аблажей 2007: 42].

Российские власти стимулировали аграрное переселение в Маньчжурию, в начале XX века был разработан комплекс мероприятий, содействующих заселению, полосы отчуждения русскими крестьянами и казаками. В 1901-1903 гг. Военным ведомством и Министерством финансов был разработан комплекс нормативных актов, способствующих реализации планов русской военной колонизации Маньчжурии по созданию военно-земледельческих поселений [Белоглазов Г.П. 1998: 38], которая была свернута в 1906 г. из-за финансовой необеспеченности проекта и негативной реакции китайских властей.

По приблизительным данным в 1907 г. производство сельскохозяйственной продукции в полосе отчуждения КВЖД было занято около 2-3 тыс. чел. [Белоглазов 1998: 16]. Наивысшего уровня переселенческое движение в Маньчжурию из России достигло в первые годы Столыпинской аграрной реформы.

Главными причинами колонизации Маньчжурии, как и восточных регионов России, стало аграрное перенаселение в европейской части страны. Отток в Маньчжурию русских колонистов был перекрыт мощной волной китайских переселенцев в Россию, три четверти из которых находили себе занятия в сфере сельскохозяйственного производства. В середине 1920-х гг. в сельском хозяйстве Китая было занято около 50 тыс. россиян [Аблажей 2007: 31]. В связи с нерешенностью земельного вопроса, русское земледелие в полосе отчуждения носило, как правило, сопутствующий характер. Доминирующей формой земледельческого хозяйства стали фермы и хутора. Помимо по-

лосы отчуждения сельское хозяйство развивалось в северо-западной части Маньчжурии, в районе Барги, где сформировался компактный район – Трехречье, заселенный русскими казаками.

После заключения ряда договоров и соглашений по демаркации границы [Русско-китайские отношения... 1958] китайские власти начали создавать военные поселения, призванные сдерживать русскую колонизацию приграничных районов. С 1909 г. Китай регламентирует использование сенокосных угодий и пастбищ на китайской стороне Аргуни и добычу золота [Аблажей 2007: 248].

В структуре безвозвратных миграций в Маньчжурию доминировало промышленное переселение, направленное в города и населенные пункты по линии КВЖД и тяготеющие к ним экономические районы. Строительство КВЖД оказало огромное воздействие на процесс урбанизации в регионе. К городам тяготела и обрабатывающая промышленность: строились мукомольные, лесопильные, кирпичные, металлообрабатывающие, пивоваренные и др. предприятия, развивалось коммунальное хозяйство, культурная инфраструктура, сфера быта. Почти половина городских предприятий находилась в собственности подданных России [Российская эмиграция... 1994: 5].

Численность русскоязычного населения на территории северо-востока Китая к началу Первой Мировой войны составляла около 150 тыс. человек, из которых около 15-20 тыс. (из числа трудоспособных) было занято на транспорте и русских концессионных предприятиях в лесной и добывающей промышленности, около 40 тыс. чел. – в сельском хозяйстве, остальные – в городской экономике и сфере услуг [Аблажей 2007: 30].

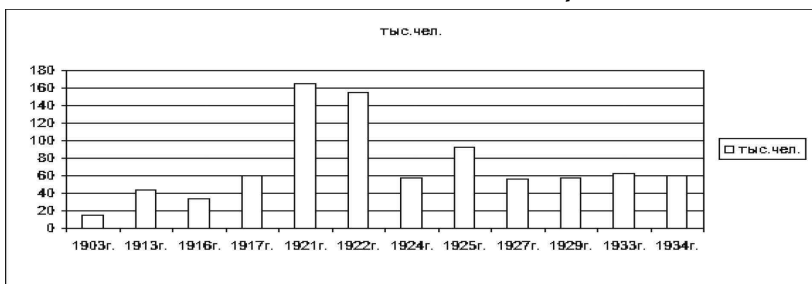
В период 1917-1924 гг. для жизни и деятельности российской эмиграции в Китае было характерным формирование в ряде городов и районов Китая основных центров проживания российских эмигрантов, которыми стали в Маньчжурии город Харбин, полоса отчуждения Китай-

ской Восточной железной дороги и район Трехречье (основной район расселения казачества), а во Внутреннем Китае – город Пекин, где в середине 1920-х проживало около 500 россиян жизнь которых была связана в первую очередь с посольством и Российской духовной миссией. В Тяньцзыне до 1917 г. проживало русских 200 чел., 1920-1930-х гг. – 2,5 тыс. чел. Эмигранты адаптировались к новым условиям жизни и быта, создавая на местах нового проживания уклад жизни, близкий к прежнему, российскому [Мелихов 1997: 201]. Достаточно большие русские общины так же находились в Шанхае, Мукдене, Мулине, Гирине, Циндао, Ханьхоу, Цинанфу, Чифу, Ханьхоу (Ухань) и др.

Харбин являлся экономическим и административным центром региона вплоть до 1934 г., оставаясь до конца 1940-х годов одним из крупнейших центров русской диаспоры. С 1907 по 1920 г. в Харбине функционировало российское консульство, с 1924 по 1935 г. – советское генеральное консульство. В городе располагались администрация КВЖД представительства российских, а затем и советских торговых фирм, и хозяйственных организаций. Два района города – Пристань и Новый Город были заселены русскими и имели собственную администрацию. До начала 20-х годов численность русских превышала численность китайского населения. На основании анализа статистических данных, полученных из разных источников, динамику численности русскоязычного населения города можно представить следующим образом: 1903 г. – 15,5 тыс. чел., 1913 г. – 43,5 тыс. (60% населения города) [Мелихов 1991: 299, 139-140], 1916 г. – 34,2 тыс. [Северная Маньчжурия... 1916], 1917 г. – 60 тыс. (45%), 1921 г. – 165 тыс., 1922 г. – 155 тыс., 1924 г. – 58 тыс. (около 21%), 1925 г. – 93 тыс., 1927 г. – 56 тыс., 1929 г. – 57 тыс., 1930 г. – 59 тыс. (19%), 1933 г. – 63 тыс., 1934 г. – 60 тыс. чел. [Жао Ланлунь 2000: 81], [Лазарева 1999: 20-21] (Рис.1). В период 1925-1935 гг. численность эмигрантов составляла 30-35 тыс.

чел., советских граждан – 25-27 тыс., русских, принявших китайское гражданство – 4-7 тыс. чел. Всплеск численности приходится на 1920-1922 гг. и связан с Гражданской войной в России, и на 1925 г. – за счет миграции из других населенных пунктов и переезда из СССР. Расцвет «русско-го» эмигрантского Харбина относится к 1920-м годам: здесь функционировало более 100 учебных заведений, как эмигрантских, так и советских, в том числе пять вузов, несколько десятков научных, общественных, политических и профессиональных организаций, издавалось до нескольких десятков эмигрантских газет и журналов [Ся Хуаньсинь 2001: 13, 17]⁴².

Рисунок 1. Динамика численности русскоязычного населения г. Харбина 1903-1934 г.



Составлено по: Мелихов 1991; Северная Маньчжурия... 1916; Жао Ланлунь 2000; Лазарева 1999.

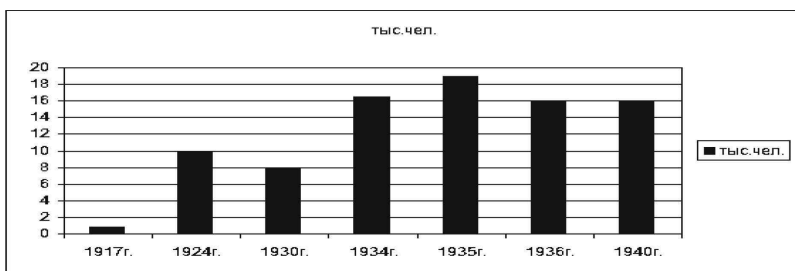
В Шанхае численность русской колонии 1917-1918 гг. не превышала 700-800 чел. (Рис.2). Основной приток населения приходится на 1920-1930-е годы. Согласно официальной статистике в 1924 г. здесь проживало почти 10 тыс. русских⁴³, 1930 г. – 8 тыс. чел, 1934 г. – 16,5 тыс. чел., 1935 г. – 19 тыс., в 1936 г. – 16 тыс. чел., эта цифра оставалась неизменной до первой половины 1940-х гг. [Ван Чжичен 1991: 84-86]. Шанхай представлял собой типичный колониальный город. Основная масса

⁴² Аварин В. «Независимая» Маньчжурия. Л., 1934. С. 13, 17.

⁴³ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 100. Оп. 8. П. 4. Д. 110. Л. 520.

русских проживала на территории французской концессии и составляя самую крупную иностранную колонию в городе. До 1940 г. этот район города считался международной территорией, которую не затронули ни гражданская война в Китае (1927-1949 гг.), ни японская агрессия (1932-1945 гг.). Здесь существовало более 70 русских общественных эмигрантских организаций [Российская эмиграция... 1994: 17-58], 10 православных церквей, несколько высших и средних учебных заведений, издавалось более 40 русских газет и журналов [Аблажей 2007: 43-44].

Рисунок 2. Динамика численности русскоязычного населения г. Шанхая 1917-1940 г.



Составлено по: *Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 100. Оп. 8. П. 4. Д. 110. Л. 520 [Ван Чжицен 1993].*

После окончания гражданской войны в России, в Китай, в основном в Маньчжурию и Синьцзян, хлынул поток разбитых белогвардейских частей и беженцев – численность эмигрантов достигла своего пика: разные авторы указывают цифры от 250 тыс. до 500 тыс. чел. [Сергеев 1993: 202], больше половины из которых находилось в Маньчжурии. В этот период русская эмиграционная среда пополнилась в значительной степени за счет выходцев из дворянских семей и интеллигенции (профессора, адвокаты, журналисты, артисты пополняли сферу образования и культуры), а также военных, которые нанимались на службу в китайские войска, полицейские структуры, в охранники и личными телохранителями, и казачества, в основном занимавшимся сельским хозяйством и рыболо-

вецким промыслом [Справочник... 1927: 39; Петров: 29-30; Балакшин 1958: 265-267]. Для большинства из них это были годы крайне бедственного материального положения и тяжелых душевых потрясений. Многие эмигранты работали на промышленных предприятиях: лесных концессиях, угольных копях, сахарных и маслобойных заводах, табачных фабриках и т. д.

Произошло расслоение миграции – на правом фланге сгруппировались силы, боровшиеся с советской властью и не смилившиеся со своим поражением, а на левом – развернула свою деятельность и поддержку Советской России Объединенная конференция профессиональных, политических и общественных организаций полосы отчуждения КВЖД (1920-1921 гг.), сильные левые профсоюзы, которыми была предпринята широкая кампания помощи голодающим Советской России. Правифланговая группировка принимала участие в деятельности различного рода военно-политических структур антисоветской направленности: Дальневосточный отдел «Русского общевоинского союза», «Союз легитимистов», «Союз младороссов», молодежные организации «Союз мушкетеров», Национальная организация русских разведчиков, филиал берлинской агрессивной террористической организации «Братство русской правды», Российская фашистская партия с женским, юношеским и даже детским филиалами, Дальневосточный корпус русских добровольцев, Дальневосточный союз казаков. Многие из этих организаций в связи с оккупацией Маньчжурии в 1932 г. были распущены [Российская эмиграция...1994: 7-9]. Но основная масса эмигрантов стремилась не принимать участия в политической деятельности, заниматься вращением в новые условия своего существования, воспитанием своих детей.

В 1920 г. в гражданском статусе российских эмигрантов в Китае произошли глубокие изменения. В течение почти трех лет после Октябрьской революции в России, китайское правительство продолжало признавать

императорскую миссию в Пекине и российские консульства по всей стране, под защитой которых находились в этот период подданные бывшей Российской Империи, пользовавшиеся в Китае правом экстерриториальности. Наступление на права русских в Китае началось в марте-апреле 1920 г., когда была ликвидирована система русской администрации полосы отчуждения КВЖД, русская полиция и Охранная стража дороги [Мелихов 1997: 202].

23 сентября 1920 г. был издан декрет президента Китайской Республики о прекращении признания Китаем полномочий Кудашева⁴⁴. Российская миссия в Пекине и консульство были закрыты, а для бывших российских граждан было отменено право консульской юрисдикции; они стали считаться лицами без гражданства, перешли под защиту пекинского правительства и должны были оформлять для себя временные китайские виды на жительство. Китайскими властями была официально закрыта деятельность русских судебных учреждений в полосе отчуждения КВЖД и полностью отменено русское судопроизводство, замененное китайским, – что было особенно болезненным для эмиграции [Справочник по Северной...1927: 201].

В 1924 г. по Пекинско-мукденским договоренностям китайская сторона в ответ на признание Советского Союза получила выгодное для себя решение вопроса о статусе КВЖД – управление на паритетных началах. Соглашение, с одной стороны обеспечивало государственные интересы СССР, с другой – подтверждало права Китая на восстановление суверенитета в зоне отчуждения дороги в полном объеме. Срок концессии был сокращен с 80 до 60 лет, после чего Китай получал возможность досрочного выкупа

⁴⁴ Кудашев – князь, дипломатический посланник царского и Временного, Временного Сибирского и Омского правительства Колчака в Пекине в 1918 г. // Хронос и Содружество литературных проектов «Русское поле». URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_k/kudashew.html. (дата обращения: 22.08.2019)

магистрала. Но договоренности, определяющие статус КВЖД, часто нарушались, что приводило к конфликтам, крупнейший из которых произошел в 1929 г.⁴⁵

В условиях отсталого, в тот период полуколониального Китая, российскую эмиграцию здесь, по сравнению с эмиграцией в Европе и США, отличал ряд особенностей. Прежде всего, русские люди здесь попали не во всем чуждую им, но совершенно иную по своему характеру языковую, религиозную, культурную и нравственную среду, что стимулировало их к образованию в массе коренного населения нескольких своих крупных анклавов, к которым они создали свою собственную среду обитания. Важную объединяющую роль в этом процессе играли Русская православная церковь, землячества. А также различные, созданные эмигрантами объединения и союзы, а также национальные общества, имевшиеся во всех пунктах расселения бывших российских подданных в Маньчжурии и Китае: тюрко-татарская национальная община, еврейская община, грузинское национальное общество, украинская национальная колония, армянское национальное общество и другие, которые вели свою работу не только для своих соотечественников, но для всей эмигрантской колонии в целом [Справочник по Северной... 1927: 201].

Компактность проживания российских объединений в Китае при глубоких языковых, культурных и социальных различиях с местным населением, стоявшем в 1920-х и 1930-х гг., как правило, на более низкой ступени

⁴⁵ В октябре 1928 г. в результате государственного переворота Чан Кайши в Китае пришла к власти партия Гоминьдан, переориентировавшаяся на Запад. Было объявлено о национализации Китаем КВЖД. Дипломатические отношения были разорваны – СССР и Китай оказались на пороге войны: были сформированы Особая Дальневосточная армия СССР (ОДВА) под командованием В.К. Блюхера и 100-тысячный контингент Мукденской армии со стороны Китая. Военный конфликт происходил 12 октября – 2 ноября 1929 г. и был урегулирован подписанием 22 декабря 1929 г. Хабаровского протокола – права СССР на КВЖД были восстановлены) [Аблажей 2007: 84-96].

общественного и культурного развития, значительно затрудняли, практически сводили на нет, возможность их ассимиляции. В результате чего группа российской эмиграции не только сохранила в чистоте свой язык, религию, все особенности русского быта, но и сумела значительно развить в условиях своего эмигрантского существования собственную национальную литературу, культуру и науку. Денационализация являлась серьезной угрозой для русских в Китае только в таких центрах с большим европейским населением, как Шанхай, Тяньцзынь и Пекин. Серьезной трудностью для русских эмигрантов в Китае, особенно в Шанхае, являлась невозможность конкурировать с дешевым китайским неквалифицированным трудом, что обрекало их в первое время на безработицу; преимуществом же являлась широчайшая потребность Китая в технических, практических знаниях и навыках, которыми как раз располагала эмиграция.

Жизнедеятельность российской эмиграции в Китае этого периода отличала важная особенность – основная масса беженцев пришла на хорошо обжитую их соотечественниками полосу отчуждения Китайской Восточной железной дороги, являвшуюся экономическим нервом всего огромного и богатейшего края, на бывшие русские концессии в городах Китая, т.е. сразу же могла опереться на сохранявшиеся здесь сильные русские экономические позиции. Эта особенность способствовала культурной консолидации дальневосточной эмиграции и сохранению своей национальной самобытности.

В структуре российской эмиграции северо-востока и севера Китая можно выделить помимо русской колонии и другие достаточно значительные этнические группы. Крупнейшими из них были: еврейская: нач. XX в. – 1 тыс. чел., 1920-е гг. – 7 тыс. чел. Еврейские общины существовали в Харбине, Шанхае, Циндао, Дайрене, Мукдене и Тяньцзине, их деятельность была свернута в начале 1960-х гг. с выездом еврейского населения в США, Канаду,

Австралию, Израиль. Украинская этническая группа, численностью от 2 до 20 тыс. чел. существовала в Харбине и Шанхае и в 1940-1950-е гг. большинство из них вернулись из Китая в СССР. Также в это время здесь находились многочисленные армянская, грузинская, казахская, татарская этнические группы. В целом в Маньчжурии и северном Китае численность русскоязычной колонии на вторую половину 1920-х гг. оценивалась приблизительно в 155-170 тыс. чел.⁴⁶ По данным лиги наций и Красного креста, численность эмигрантов составила в 1930 г. – 127 тыс. чел., в 1937 г. – 94 тыс. чел. [Раев 1994: 38].

Русская эмиграция значительно повлияла на развитие экономической ситуации в Китае. Российский капитал, труд десятков тысяч россиян на заводах Харбина, Мукдена, Даляня, в полосе отчуждения КВЖД, в степях Трехречья и других местах способствовали подъему экономики северо-восточного Китая [Печерица 2001: 229].

После захвата Маньчжурии японцами в 1932 г. и образования марионеточного государства Маньчжоу Го произошел особенно резкий отлив эмигрантов в другие провинции Китая, в США, Канаду, Австралию и др., за счет этого пополнилась русская диаспора в Шанхае (Рис.2). Если до японской оккупации, по данным В. Аварина, в Маньчжурии из 36 млн человек местного населения проживало 150 тыс. граждан СССР, 100 тыс. эмигрантов и около 15 тыс. бывших россиян, принявших китайское гражданство, то к началу 1934 г. осталось 110 тыс. граждан СССР, 90 тыс. эмигрантов и около 20 тыс. бывших россиян, принявших китайское гражданство [Аварин 1934: 13, 17].

1935-1945 гг. выделяются как последний и наиболее жесткий период истории российской эмиграции в Маньчжурии. В 1935 г. СССР продал КВЖД властям Маньчжоу Го, что сопровождалось, во-первых, массовой эвакуацией

⁴⁶ Русское слово. 1930 г. 14 февр.; Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 100. Оп. 15. П. 166. Д. 51.

советских граждан [Сутурин 1991: 195]; во-вторых, новым пополнением эмигрантской среды за счет отказавшихся от возвращения на Родину; в-третьих, дальнейшим оттоком эмигрантов из Маньчжурии в другие регионы Китая. Оставшиеся попали в тяжелейшие условия японского военного режима, когда вся экономическая и общественно-политическая жизнь не только направлялась и контролировалась японскими военными миссиями, но и активно использовалась в агрессивных устремлениях Японии на Дальнем Востоке. После вступления в 1945 г. советских войск в Маньчжурию российская эмигрантская колония перестала существовать: часть эмигрантов спешно выехала из Китая, оставшиеся реэмигрировали в СССР как в добровольном, так и в принудительном порядке. Многие из эмигрантов были арестованы контрразведкой «Смерш» и приговорены в Советском Союзе к различным видам уголовного наказания, вплоть до расстрела. История дальневосточной российской эмиграции показывает, что это было сложное и противоречивое явление. В нем были представлены различные социальные и национальные группы, политические течения и организации, широкий спектр активности и позиций по отношению к Советскому Союзу [Российская эмиграция... 1994: 9].

В 1937-1940 гг. в Китае работала большая группа советских военных специалистов. Численность военных советников, специалистов всех родов войск в 1938 г. составляла более 300 чел. [По дорогам Китая... 1989: 24], с 1939 по 1942 г. – от 3,5 до 5 тыс. военных специалистов [На китайской земле... 1977: 9]: военные летчики, инженеры, инструкторы по разработке военных операций и по переподготовке китайских военнослужащих; специалисты, задействованные на строительстве военных аэродромов в Хэньяне, Чанша, Гуаньчжоу, Чэнду, Чунцине, Гуйлине [Слюсарев 1977: 196]. В боевых действиях 1938-1939 гг. участвовало около 250 советских летчиков, не считая техников и работников служб обеспечения [Воспоминания

советских ... 1977: 246-247]. В 1941 г. летчики вернулись в СССР. В 1941-1942 гг. подавляющее большинство российских дипломатов и специалистов вернулись на родину. В условиях внутривойсменного кризиса, обострения противоречий между Гоминьданом и КПК в феврале 1942 г., СССР принял решение об окончательном выводе из страны советских военных советников и прекращении военных поставок [Аблажей 2007: 113-114].

Помимо Маньчжурии активно заселялся и северо-запад Китая – провинция Синьцзян. Первые известия о русских в Синьцзяне относятся к 1850 г.: томские купцы сообщали о китайских христианах в Кульдже, которые утверждали, что они являются потомками русских казаков, плененных в 1685 г. во время осады Албазина. Во второй половине XIX в. в Синьцзяне появились русские консульства, торговые представительства. В 1877 г. открылась первая русская каменная церковь в Кульдже. К концу XIX в. русская колония в Синьцзяне насчитывала около 2000 человек. Основными центрами расселения русских были Кульджа, Чугучак, Суйдун и Урумчи [Попов 2001: 194-201].

Условно в истории русской диаспоры в Синьцзяне можно выделить четыре этапа. Первый, с середины XIX в. до 1920 г. – появление русских в Синьцзяне; второй – с 1920 г. (приход в Синьцзян войск атамана Дутова) до конца 1940-х гг.; третий – с конца 1940-х гг. (начало массового выезда русских из Синьцзяна) до начала 1960-х гг.; четвертый – с начала 1960-х гг. (массовый выезд русских из Синьцзяна) по настоящее время (угасание русской диаспоры в Синьцзяне).

Период 1850-1920 гг., характеризовался тем, что в Синьцзяне существовала русская диаспора как совокупность русского православного населения, живущего в чужой стране. Основу русской диаспоры в этот период составляли сотрудники русских консульств, торговых представительств, священнослужители, обслуживающие рус-

ские храмы, и т. д. Русскую диаспору в этот период можно рассматривать как население, живущее за пределами родины в силу служебных, торговых (командировки) и других причин. Хотя именно в дореволюционный период в Синыцзяне была создана инфраструктура будущей русской колонии с храмами, школами, русскими учреждениями, сложились правила поведения, традиции жизни, механизмы адаптации в многонациональной и многоконфессиональной стране. Впоследствии это сыграло значительную роль. Послереволюционные эмигранты из России встретили русскую диаспору, занимавшую свою нишу среди других народов Синыцзяна. Процесс адаптации был значительно легче, чем в других странах и регионах, так как русским эмигрантам не пришлось быть чужаками, оказавшись в новой иноязычной среде [Попов 2001: 194-201].

Второй этап, 1920 г. – конец 1940-х гг., это уже собственно начало русской эмиграции в Синыцзяне. Главной причиной пополнения русской колонии было поражение белых в Гражданской войне в России: русские эмигранты в начале были представлены в основном военными из частей атамана А.И. Дутова. С конца 1920-х – начала 1930-х гг. здесь происходит значительное увеличение русского населения за счёт казаков, бежавших от коллективизации с территории Казахстана. Центром русского расселения в Синыцзяне с 1920 г. и вплоть до начала 1960-х гг. становится город Кульджа, в котором сосредотачивается наибольшее число русских. В 1937-1938 гг. в Кульдже были построены: каменная церковь, три главные русские школы: гимназия, средняя школа имени Сталина и так называемая Арынбакская начальная школа четырёхлетка. Одну из особенностей жизни русских в Синыцзяне на протяжении 1920-1950-х гг. составляло постоянное советское влияние, что во многом определялось близостью достаточно прозрачной в это время границы. Часто это влияние выражалось в прямолинейной форме советских интервен-

ций по просьбе того или иного наместника провинции для подавления национальных мусульманских движений или борьбы с центральным правительством Китая. В частности, в 1932 г. в китайскую армию, для подавления мусульманского восстания было мобилизовано 1 750 казаков, остатки частей белой и Красной армий – всего 3,5 тыс. [Аблажей 2007: 46] бойцов из числа эмигрантов составили Алтайскую добровольческую армию. За эти заслуги китайская администрация разработала специальную программу по расселению и наделению землей русских эмигрантов [Комисарова 2004: 69].

Вторым по численности районом расселения русских на территории провинции стал Урумчинский округ: основная масса концентрировалась в столице Синьцзяна, г. Урумчи и к югу от нее в сельских районах, а также в Кашгарии. Эмигранты работали в сфере услуг, иностранных и советских торговых организациях. Немногочисленная русская колония способствовала распространению в Синьцзяне: европейского образа жизни, образования, западных технологий и производства, появлению зернового хозяйства, молочного животноводства, отдельных ремесленных промыслов. По первой переписи населения среди русскоязычного населения провинции, которая была проведена в 1946 г. на этой территории проживало почти 19,5 тыс. русских [Петров 2003: 451].

В конце 1930-х гг., в рамках программы оказания экономической и военной помощи Китаю началось сооружение нескольких крупных промышленных объектов: автомобильной трассы Сары-Озек – Урумчи – Ланьчжоу, пересекавшей всю провинцию, протяженностью 3,7 тыс. км; самолетосборочного завода в Урумчи; нефтяного комбината в районе Шихо.

Конец 1940-х – начало 1960-х гг., характеризуется массовым выездом русских из Синьцзяна – как в СССР, в основном на целину в Казахстан, так и на Запад, в основном в Австралию и США. Как это свойственно почти всем

эмигрантским диаспорам, «синьцзянцы» тоже не избежали раскола, но проходил он по религиозной, духовной линии. До конца 1940-х гг. – это разъединение русских на православных и сектантов, в основном старообрядцев и баптистов. С 1940-х гг. этот раздел выражается в отношении перехода к юрисдикции Московской Патриархии, в чём, конечно, присутствует и элемент политики [Попов 2001: 203].

Период с начала 1960-х гг. по нач. 1980-х гг. характеризуется угасанием и исчезновением русской колонии как в Китае, так, в частности, и в Синьцзяне. Это время Культурной Революции, время репрессий против русских, уничтожения церквей и надругательства над священниками. Репрессии смягчились только с начала 1980-х гг. В 1991 г. была восстановлена церковь в Урумчи. Сейчас в Синьцзяне снова появились русские: челноки, торговцы. Они представляют начало новой истории русских в Синьцзяне.

Одной из особенностей русской диаспоры в западном Китае является то, что в её среде было крайне мало интеллигенции, представителей творческих гуманитарных профессий. Можно сказать, что их совсем не было. Основную массу русских составляли крестьяне, казаки, другие представители трудового населения. Главным духовным центром, центром притяжения, была Православная церковь. Видимо этим объясняется низкая политизация русских в Синьцзяне.

Ещё одну особенность определила многонациональная структура Синьцзяна. Фактически здесь не было национального большинства: население было примерно равным числом четырех основных этнических групп: китайцы, уйгуры, дунгане, русские, татары, казахи [Мендикулова 1997: 83]. Причём даже китайцы не были большинством. Как следствие – трёхязычие: уйгурский, китайский, русский – как главные языки межнационального общения [Сыроежкин 1994: 87].

Русские в Синьцзяне – яркий пример полной и безболезненной адаптации, органического вхождения в новую иноязычную среду при полном отсутствии ассимиляции. Также на примере русских в Синьцзяне мы видим особый тип диаспоры – диаспора как один из народов, образующих межнациональную общность, при отсутствии доминирующей нации. Конечно, это относится только к Синьцзяну, а не ко всему Китаю и в достаточно короткий временной промежуток. После прихода в Китае к власти коммунистического правительства демографическая ситуация в СУАР была искусственно изменена насильственным переселением китайцев из центральных районов.

Российскую диаспору в Китае можно рассматривать как этническую, культурную и политическую общность. Ее история наглядно доказывает, что данная общность представляла не просто совокупность мигрантов из России (СССР), но обладала специфической ментальностью и воспринималась принимающим обществом в качестве особого социокультурного феномена. Ментальность российской диаспоры базировалась на коллективной памяти об общей родине, «сопричастности» всему, что в ней происходило, популярности идеи «возвращения». Характерной чертой большинства членов диаспоры было убеждение, что они должны коллективно служить сохранению (восстановлению) родины и ее процветанию. В ряде случаев именно вера в эту миссию обеспечивала солидарность диаспоры и ее активность.

Интеграция мигрантов из России (СССР) в китайское общество происходила преимущественно в рамках своих этнических групп и характеризуется как аккультурация, т.е. частичное усвоение иммигрантами обычаев и культуры принимающего общества при сохранении собственной этнической идентичности. В силу национальных и культурных отличий русских, стремление к натурализации и ассимиляции в Азии было выражено крайне незначительно. В условиях сосуществования культур в от-

ношении русскоязычных переселенцев в Китае на протяжении нескольких десятилетий доминировали факторы, не способствующие ассимиляции диаспоры. Русские имели возможность компактно проживать в окружении представителей своей этнической группы, получать образование на родном языке, в том числе высшее, придерживаться национальных традиций, исповедовать традиционную религию, пропагандировать и развивать национальную культуру [Аблажей 2007: 246].

Для России (СССР) очевидны отрицательные последствия эмиграции: потеря страной значительных трудовых ресурсов из числа экономически активного населения; происходил масштабный вывоз капитала; утечка интеллектуальных и культурных людских ресурсов. В то же время хозяйственное освоение Маньчжурии дало существенный импульс развитию Дальнего Востока, принесла экономические и геополитические дивиденды. Культурная миссия российской эмиграции в Китае состояла в том, что она способствовала принятию и усвоению китайской культурой основ и стереотипов западной цивилизации, в том числе русской культуры.

Китайская диаспора в России

Поначалу заселение Дальнего Востока не привлекало особого внимания российского правительства и очень скудно финансировалось. Первыми кто начал осваивать земли Южно-Уссурийского края, были казаки и регулярные войска, за ними следовали крестьяне преимущественно сибирских губерний. Немногочисленные крестьяне-мигранты перемещались самовольно и не пользовались никакой поддержкой царской администрации [Кабузан 1998: 56].

Массовой группой эмигрантов на Дальнем Востоке были китайцы. Китайские власти, так же, как и корейские, долгое время проводили политику изоляционизма и всячески препятствовали проникновению своего населения

не только в Приамурье, но и в Маньчжурию. Более того до 1878 г. существовал запрет на переселение в северо-восточную часть Китая [Рыбаковский 1990].

Китайские поданные появились в Приамурье раньше русских землепроходцев. Первоначально это были беглые преступники, спасавшиеся от преследования китайских властей. Многие из них попадали в рабство к коренным жителям края – предкам современных нанайцев и удэгейцев [Завалишин 2001: 61]. Численность китайцев к началу 1860-х гг. из-за отсутствия полных сведений оценивается предположительно. В.Ф. Соловьев считает наиболее близкими к достоверным, данные, согласно которым в 1858-1860 гг. в Уссурийском крае находилось примерно 780-870 китайцев [Соловьев 1989: 38]. Е.И. Нестерова, на основании ряда источников, определила, что до 1858 г. в Уссурийский край ежегодно приходило от 3 до 25 китайцев, а их примерная общая численность в начале 1860-х гг. составляла от 2 до 5 тыс. чел. Статус этих китайцев по международным договорам определен не был. Россия объявила их своими подданными, но не провела должных мероприятий по воплощению этого решения в жизнь. Китайские пограничные власти считали их подданными Цинской империи и предпринимали попытки подчинить своему контролю [Нестерова 2000: 101,123].

До 1860 г. в край приходили в основном беглые китайцы, которые занимались таежными и морскими промыслами или земледелием. Позже стали появляться рабочие и торговцы [Арсеньев 1914: 48].

В 60-70-е гг. XIX в. в Приморье существовали деревни оседлых китайских земледельцев. Они концентрировались в нескольких районах Южно-Уссурийского округа. В 1880-е гг. в связи с политикой заселения Дальнего Востока российскими поданными и массовым притоком русских переселенцев китайские деревни стали исчезать, а китайские земледельцы, вытесненные из мест оседлости, пополняли ряды рабочих, промысловиков, прислуги. В конце

XIX в. на территории Приморья уже не было китайских крестьян, владевших землей.

По мере развития российской колонизации Уссурийского края поток китайских мигрантов стремительно растет. Если в 1860-е гг. в край ежегодно прибывало в среднем 70 чел., то в конце 1860-х и в 1870-е гг. – 440 чел. По данным В.М. Кабузана в летнее время на заработки в 1869-1870 гг. на Дальний Восток приходило 50,8 тыс. китайцев, в 1881 г. – 54,3 тыс. чел. [Кабузан 1998: 93].

Период 1868-1884 гг. характеризуется изменением оценки китайского населения как колонизационного элемента. Появляются первые проекты институционального оформления процесса взаимодействия с китайским населением. В конце 1860-х начале 1870-х русская администрация разработала и осуществила ряд мер, направленных на определение численности этой группы населения в крае, изучение социальной структуры и установление взаимодействия с китайцами, проживавшими в Приамурском крае. В этот период проведена перепись китайцев, признана власть старшин над китайскими общинами и их ответственность перед русской администрацией, спроектировано создание органов гражданского управления, в ведении которых находились бы не только русские переселенцы, но и другие этнические группы [Нестерова 2000].

После 1863 г. становится особенно заметным присутствие корейцев. Поначалу они приходили поодиночке на летние месяцы, возвращаясь осенью обратно. Затем стали переселяться семьями, самовольно занимая казенные земли. В 1869 г. после стихийных бедствий, опустошивших поля Кореи, число переселенцев измерялось уже тысячами. В основном они занимались земледелием и склонность к отходничеству постепенно теряли. К началу 80-х гг. XIX века в пограничных с Кореей и Китаем местах Приморской области корейское население насчитывало 8 768 «душ обоего пола» [Граве 1912: 128]. (Таблица 1).

Таблица 1. Динамика численности населения Приморской области 1884-1914 гг.

Год	Русские	Инородцы	Китайцы	Корейцы	Японцы	Европейцы	Всего
1884	35000	11700	8000	6800			61500
1890	46179	17105	6215	13480	419	143	83541
1891	49874	37385	7648	15050	451	129	110537
1892	81674	36227	8508	16457	617	257	143740
1893	87213	35912	8275	15219	684	244	147547
1894	91164	35800	9371	14451	1191	243	152220
1895	98440	35261	10663	17869	1665	168	164066
1896	114338	51308	13781	5196	1952	194	186769
1897	128946	44705	29284	23279	2030	580	228824
1898	137872	43100	33809	25655	2168	536	243140
1899	163960	41935	38655	27700	2133	607	274990
1900	171176	21803	31448	46383	2282	697	273789
1906	230720	34286	47390	34406	2953	5660	355415
1911	282121	15108	57447	57289	3476	1938	417379
1913	449393	14149	52239	57440	3569	1224	578014
1914	330387	24134				401991	

Источники: *Обзоры Приморской области за 1890-193 гг. Владивосток, 1891-1915; Российский Государственный исторический архив Дальнего Востока Ф. 702. Оп. 1. Д. 21. Л. 2; Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Вып. II. Примурье. Петроград, 1917. С. 14. [Нестерова 2000].*

В отличие от корейской, китайская иммиграция носила ярко-выраженный временный сезонный характер – отходничество. (Таблица 2). Среди отходников абсолютно преобладали мужчины трудоспособного возраста. Их семьи оставались на родине, куда мужчины возвращались по окончании сезона работ [Ващук 2002: 14].

Рост китайской иммиграции в Приморье и Примурье объяснялся нищетой на родине, малоземельем, отсутствием промышленности, способной привлечь избыточные трудовые ресурсы. Одной из самых многочисленных групп этой категории иммигрантов были китайские рабочие, которые занимались в основном неквалифицированным физическим трудом на строительстве, добыче угля и золота, в парусном каботаже. Особенно резко численность сезонных китайских чернорабочих в Приморье стала возрастать в 1890-е гг. в связи со строительством Ус-

сурийской железной дороги. Другая группа была занята в торговле. К концу XIX в. им принадлежала значительная часть мелкой и средней розничной торговли в Амурской и Приморской областях. Некоторые китайцы имели земельные хозяйства на юге Приморской области, где они в нарушение закона арендовали землю русских казаков и крестьян. В 1884 г. общая численность китайского населения в Приморской области достигала 8 000 чел., из них 54% приходили на летние заработки, в основном в города. Абсолютное большинство их сосредотачивалось во Владивостоке, где в 1880-е их было до 30-40%, в первой половине 1890-х – до 20-25%. К 1896 г. общее количество китайцев области, согласно официальным данным, увеличилось до 13,8 тыс. В 1897 г. – до 29,3 тыс. чел., из которых 24,5 тыс. находились в Южно-Уссурийском и Уссурийском округах [Романова 1987: 83-97].

Таблица 2. Занятия китайцев и корейцев в процентном

Род занятий	Амурская обл.		Приморская обл.	
	Китайцы	Корейцы	Китайцы	Корейцы
Земледелие	33,1	79,6	11,5	42,5
Прислуга и поденщики	13,7	1,5	28,9	8,5
Горные работы, кирпичные и известеобжигательные заводы, лесной промысел, рыболовство и охота, извоз	4,5	15,4	16,5	10
Строительные работы	5,3	...	16,0	3,4
Обработка дерева, металлов, растительных и животных продуктов, производство экипажей и деревянных судов	1,3	...	4,3	1,6
Служба на судах и железной дороге	...	...	4,3	3,3
Коммиссионерство, торговля, содержание харчевен и питейных заведений	10,3	...	10,9	1,5
Прочие ремесла и занятия	31,8	3,5	7,9	29,2

соотношении к их численности (1897г.)

Составлено по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904-1905 гг. Тетр. 2.; [Панов 1910]

Исследования Е.И. Нестеровой показали, что поначалу отношение к китайцам со стороны российской местной администрации было благодушным. Но под влиянием «манзовской войны» 1867-1868 гг. начало формироваться представление о китайцах как «чуждом и опасном элементе» [Нестерова 2000: 116]. Китайцы, вопреки запретам русских властей разрабатывавшие золотое месторождение на о. Аскольд, оказали крупное вооруженное сопротивление представителям русских властей и сожгли несколько русских поселений. После подавления сопротивления русскими властями была проведена принудительная депортация китайцев. События повлекли человечески жертвы с обеих сторон.

Признавая важность труда китайцев на Дальнем Востоке для развития края, российское правительство и общественность в то же время испытывали растущие опасения, как бы в результате «наплыва» китайцев и корейцев не утратить власть над этой отдаленной окраиной империи. Сезонный характер китайской иммиграции и унос ими заработка за границу, а также контрабандная утечка с приисков золота в Китай способствовали поддержанию этих опасений. Это т.н. «желтый вопрос». Термин «желтый», свободно употреблявшийся в демократической литературе и деловой переписке, не имел в то время никакой расистской окраски. Он просто обозначал людей одной из рас. Расистским, шовинистическим он становился только в устах шовинистов [Ларин 2000: 34].

Китайцы, нанимавшиеся на работы за любую плату, понижали цены на труд. Привычка желтых кули к крайне низкому жизненному стандарту, их способность довольствоваться мизерным заработком, какой немыслим для европейца, делали невозможной конкуренцию с ними при прочих равных условиях. Это обстоятельство служило причиной неприязни к китайцам со стороны русскоязычного населения [Любимов 1932: 22, 40].

Взаимной отчужденности живших бок о бок китайцев и русских способствовало глубокое различие цивилизаций, к которым они принадлежали, включая языковые различия. Сказывалось и свойственное носителям великих цивилизаций внутреннее чувство превосходства, которое со стороны россиян проявлялось открыто, а в китайской среде существовало в латентном виде, как психологическая компенсация за неравноправное положение. Из-за низкого культурного уровня как иммигрантов, так и значительной части их российских соседей между ними почти отсутствовали культурные контакты.

Об определенном недоверии китайцев к русским свидетельствует интересный факт: для выезжающих в Россию китайских торговцев существовала «секретная пекинская инструкция», в которой отмечалось, что «позволение торговать дано будет купцу только тогда, когда он выучится говорить и писать по-русски». Приводилось и обоснование этого: «Подобная мера необходима для устранения возможности русскими изучать китайский язык, владея которым они могут проникнуть в тайны нашей (т.е. китайской) торговли и политики нашего государства» [Шрейдер 1897: 69].

1880-е гг. стали переломными в отношении российского правительства к Приморской области и Южно-Уссурийскому краю. В значительной степени это было связано с активизацией международной политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где столкнулись интересы Китая, Кореи, Японии, России, США, Англии и Франции. Имперская власть осознала необходимость заселения российскими подданными недавно приобретенной территории.

В целях скорейшего заселения русскими Дальнего Востока, особенно Южно-Уссурийского края, для мигрантов был открыт морской путь из Одессы во Владивосток. Кроме того, в 1883-1885 гг. и 1895-1899 гг. для бедных слоев крестьянства правительство ввело переселение за казен-

ный счет [Осипов 2000: 80-89]. С 1883 г. переселенцам выдавали путевые пособия, оказывали врачебную и продовольственную помощь, устанавливался пониженный переселенческий тариф. Все это привело к резкому увеличению потока мигрантов. С 1890-х гг. приток в регион российских новоселов стал ежегодно возрастать. К факторам, влиявшим на этот процесс, добавились широкое крестьянское движения и голод, систематически повторявшийся в европейской части России [Кудяков 2000: 92].

Период 1884-1893 гг. связан с образованием Приамурского генерал-губернаторства. Большую роль в законодательном оформлении условий проживания китайцев и корейцев сыграл приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф. Во время его службы на этом посту (1884-1893 гг.) был определен правовой статус китайцев в крае, введена билетная система учета и регулирования миграционного потока, улучшена охрана в приграничных районах, легализованы и поставлены под русский контроль органы китайского самоуправления в городах и т. д. Иностранцам не разрешалась покупка земли, а выходцам из Китая и Кореи, даже принявшим русское подданство, запрещалось селиться вблизи границы. По ходатайству А.Н. Корфа уголовные дела китайцев, ранее наделенные правом экстерриториальности, стали рассматриваться в русских судах.

Приамурский генерал-губернатор получил право принимать китайцев и корейцев в русское подданство. Однако в отношении китайцев по политическим мотивам это считалось нежелательным. Согласно переписи 1897 г. только 266 китайцев, проживавших в Уссурийском и Южно-Уссурийском краях, имели русское подданство.⁴⁷

В целом, не смотря на значительные подвижки в деле регулирования и правового обеспечения, китайская иммиграция продолжала порождать проблему для рус-

⁴⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904-1905. Тетр. 2. С. 58-67.

ской стороны – неспособность наладить удовлетворительный учет численности китайцев, закрыть доступ нелегальным потокам мигрантов, добиться полной подконтрольности российским властям деятельности китайских общин в крае и т.п. Причем многочисленные злоупотребления наблюдались как со стороны иммигрантов, так и со стороны русских чиновников.

Период 1893-1914 гг. связан с назначением на должность Приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского. Взяв курс на свертывание китайского самоуправления, китайцы подчиняются общему надзору и судопроизводству. Происходит дальнейшее ограничение их прав, принимаются новые меры по ограничению миграционного потока. К началу XX в. наблюдается переход к систематической политике ограничения китайской иммиграции и сокращения сферы применения их труда, что наиболее ярко проявилось в период генерал-губернаторства Н.Л. Гондатти.

Некоторый спад численности китайцев в отдельные годы наблюдался и по другим причинам. В 1900 г. это было связано с восстанием ихэтуаней и возвращением китайцев на родину. Ихэтуаньское или «боксёрское восстание» – восстание против иностранного вмешательства в экономику, внутреннюю политику и религиозную жизнь Китая. Началось в ноябре 1899 г., пользовалось поддержкой со стороны официальных властей и было разгромлено коалицией 8 держав, включая Россию. Завершилось подписанием 7 сентября 1901 г. «Заключительного (боксёрского) протокола»⁴⁸. Во время революции 1905-1906 гг. и в последующие годы из-за отмены порто-франко⁴⁹, произо-

⁴⁸ См.: Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока, 1895-1905. Спб. 1906. С. 459-526.

⁴⁹ Порто-франко (итал. porto franco – свободный порт) – порт, пользующийся правом беспошлинного ввоза и вывоза товаров. «Порто-франко» не входит в состав таможенной территории государства. Часто создается при сооружении нового порта с целью привлечения грузов и

шел отток китайских купцов, а после принятия закона от 21 июня 1910 г. о запрете найма китайцев на казенные работы сократилась численность китайских рабочих [Дачышен 2001: 51].

Самый большой наплыв китайцев на российский Дальний Восток как в летнее, так и в зимнее время наблюдался в 1907-1910 гг. В Приморской области на 1 января каждого года в этот период регистрировалось от 47,4 до 69,3 тыс. китайцев. Затем постепенно их число сокращалось [Галлямова 2000: 211].

В 1911-1912 гг. в связи с Синьхайской революцией, ликвидировавшей династию Цин в Китае, число китайцев, устремившихся в Приамурье, возросло, но здесь уже действовал закон, запрещающий использование «желтого труда» как в сельском хозяйстве, так и на казенных работах, поэтому многим мигрантам была уготована участь безработных или хунхузов.

Первая мировая война изменила интенсивность и направления миграций, состав мигрантов. Приостановилось крестьянское переселение в регион, часть мужского населения была мобилизована для участия в военных действиях и вывезена на запад. Одновременно в Приморье стали прибывать российские беженцы и иностранные военнопленные. Увеличился приток восточных мигрантов, которые были востребованы на предприятиях региона для замещения русских рабочих. Все это отразилось на общей демографической динамике. В 1914 г. на юге приморской области отмечено уменьшение численности населения⁵⁰.

Период 1915-1917 гг.: трудности, вызванные Первой мировой войной, вносят значительную корректировку в курс, проводимый дальневосточными администраторами. Центральное правительство, заинтересованное в массовых поставках китайских рабочих, принимает ряд мер, облег-

увеличения товарооборота. В России «порто-франко» существовал в Одессе, Батуми и Владивостоке.

⁵⁰ Обзор Приморской области за 1914 г. Владивосток, 1916. Прил. 1.

чавших приток китайской рабочей силы в Россию [Нестерова 2000: 315]. Она требовалась прежде всего для прокладки железных дорог и других строительных работ, добычи угля, рубки леса. О «желтой опасности» было тут же забыто. Совет Министров снял запрет на наем иностранцев на казенные работы на Дальнем Востоке, затем разрешил использовать их труд в Донбассе, на строительстве Мурманской железной дороги и т.п.

После начала войны в Петербурге, прифронтовых губерниях и некоторых городах на Дальнем Востоке было введено военное положение, и «бродячих китайцев» стали высылать из этих мест, а также из полосы отчуждения железных дорог как лиц, «подозрительных по поведению». Их, в административном порядке или по этапу, отправляли в провинциальные городки во внутренние области России, за Волгу и на Урал. А частью – на родину. Зоной расселения китайцев, пусть и неплотно, стала фактически вся европейская часть России. Участие в Первой мировой войне принесло бедствия не только ее народу, но и китайцам, количество которых за годы войны значительно увеличилось [Ларин 2000: 64-71].

Общее количество завербованных в Россию китайских рабочих можно оценить лишь приблизительно (Табл.3). По российским данным с января 1915 по апрель 1917 г. по железной дороге было ввезено 142 069 китайских рабочих⁵¹.

Февральская революция 1917 г. приостановила выписку китайских рабочих для российских предприятий и естественный их приток в пределы России, а октябрьская революция внесла полнейший хаос в экономику и практически полностью прекратила приток новых иммигрантов. Существующие точки зрения о количестве китайцев в России накануне октябрьской революции 1917 г. сильно различаются. А.М. Решетов в энциклопедии «Народы Рос-

⁵¹ Архив Внешней политики Российской империи. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1060. Л.157, 192, 331.

сии» говорит о 500 тыс. китайцев [Решетов 1994: 193-196]. Н.А. Самойлов пишет: «К 1917 г., когда разразилась революция, в России было, по некоторым данным, более 1 млн китайцев» [Самойлов 2002: 562].

Таблица 3. Список учреждений, для нужд которых были доставлены из Харбина китайские рабочие на 23 сентября. 1 декабря 1916 г. и 16 января 1917 г.

Название учреждения или предприятия	Численность доставленных китайских рабочих		
	на 23.09. 1916 г.	на 01.12. 1916 г.	на 16.01. 1917 г.
Полевое строительное управление	15898	15398	15398
Николаевская железная дорога	116	116	116
Северная железная дорога	1821	1821	1821
Мурманская железная дорога	7757	7757	7757
Московско-Виндаво-Рыбинская железная дорога	2917	4659	5249
Богословский горный округ	1699	2000	2139
Коломенский горный рудник	176	176	176
Надеждинский завод	372	422	422
Нижнетагильский завод	177	177	177
Петромарьинские и Варваропольские копи	577	577	577
Овосильцевское горнопромышленное общество	90	90	90
Мариупольское металлургическое общество	172	172	172
Кульгинская мануфактура	54	54	54
Туринская фабричная дача Князя Сан-Донато	404	404	404
Усьвинское лесничество	49	49	49
Лесничество Князя Са-Донато	134	134	134
Кольчугинская железная дорога	21	68	68
Алопатьевские заводы	111	572	572
Угольные копи Князя Абамелек-Лазарева	350	504	807
Курагинская джутовая мануфактура	0	62	62
Всероссийская организация земских и городских строительных дружин	0	175	318
Черноморская железная дорога	0	1091	2151
Тверь-Городское самоуправление	0	34	34
Донецко-Грушевское Акционерное общество	0	0	118
Общество Мальцевских заводов	0	0	193
Итого	32895	36512	39058
Точно не определенные учреждения и предприятия	11368	11118	11118
ВСЕГО	44263	47630	50176

Составлено по: Государственный Архив Российской Федерации. Ф 102. 2-е делопроизводство. 1916 г. Л. 155-176. [Петров 2003].

Обобщая вышесказанное, суммируем. Активное освоение Россией сибирских и дальневосточных земель с XVI в. носило характер экономической и политической экспансии. Распространение российского влияния в Приамурье ущемляло стратегические и экономические интересы Цинской империи, получавшей дань с этих земель. Китай не имел четко фиксированных границ и это позволило России вольную трактовку принадлежности территорий. Необходимость соблюдения имперских интересов каждой стороны требовало взаимодействия. Экономический фактор играл доминирующую роль при нахождении консенсуса по спорным вопросам. В XIX в. с изменением геополитической обстановки в дальневосточном регионе и ослаблением Цинской империи Россия и Китай заключили ряд договоров по экономическим и пограничным вопросам, ущемляющих интересы последнего.

В этнополитическом взаимодействии на административном и межэтническом уровнях в XVII – нач. XX в., в силу незнания традиционных особенностей новых соседей и языкового барьера межэтнические контакты были минимальны. Китайский трудовой потенциал был достаточно востребован, но массовые сезонные наплывы китайских рабочих-отходников породили феномен «желтой опасности», объясняющийся особенностью китайской диаспоры – общинная замкнутость, сложность в управлении, учете и контроле.

Период 1917-1922 гг. является особым. Начало его ознаменовалось крушением монархического строя в России, на смену которому на Дальнем Востоке пришла череда неоднократно менявшихся режимов и правительств разной политической окраски. События Февральской и Октябрьской революций, продолжавшаяся Первая мировая и начавшаяся гражданская война, иностранная интервенция привели к дестабилизации жизни в стране.

Дезорганизация производства привела к тому, что десятки тысяч китайцев, приглашенных для работы цар-

ским правительством, остались не у дел. При содействии Временного правительства до сентября 1917 г. тысяча китайских рабочих смогла вернуться на родину [Ли Юнчан 1988: 239]. Из-за разрухи на транспорте, перегруженности железных дорог репатриация растянулась на долгое время. Тем не менее, до начала чехословацкого восстания в Сибири в мае 1919 г., когда белочехи перерезали Транссибирскую магистраль и процесс репатриации фактически застопорился, правительство РСФСР сумело эвакуировать более 40 тыс. китайцев⁵².

По китайским данным, в европейской части России в середине 1921 г. находилось 90 тыс. китайцев без постоянной работы, а в районах Сибири, контролируемых Красной Армией, – порядка 30 тыс. чел.⁵³. Советское правительство приложило немало усилий для помощи китайским труженикам, оказавшимся на чужбине, без средств к существованию. Заметную роль в этом сыграла общественная пролетарская, формально не партийная, организация – Союз китайских граждан в России (СКР), которая в апреле 1917 г. зарегистрировалась в Петрограде.

По подсчетам специалистов, 30-40 тыс. китайских рабочих в годы гражданской войны влились в ряды Красной Армии и красных партизан [Пэн Мин 1957: 6]. Китайские дипломаты называли большие числа: 60-70 тыс. чел.⁵⁴ Китайцы воевали на всех фронтах. Из них создавались отряды, роты, батальоны и даже полки. Не случайно образ красноармейца-китайца вошел даже в советскую художественную литературу и живопись.

Некорректно было бы представлять дело таким образом, будто все китайские рабочие с самого начала брали

⁵² Известия. 30 ноября 1919 г.

⁵³ Тайбэй, Академия Синика, Институт новой истории, архив МИД, ДОК. 03-32/336-(1), 27.09.1921.

⁵⁴ Материалы по истории китайско-российских отношений. 1917-1919. Политические перемены в России и общие дипломатические отношения. Сост. Институт новой истории, Академия Синика. Тайбэй, 1960. Док. 898.

в руки оружие из идейных соображений. Подавляющее большинство китайцев не интересовалось политикой и занято было заботой о хлебе насущном. А для рабочих, завезенных в Россию во время Первой мировой войны, заветной мечтой было вернуться домой. Такие люди шли в солдаты под давлением обстоятельств. Это подтверждают многочисленные свидетельства самих китайских красноармейцев [Ли Синпэй 1959: 101, 107].

Но были и такие, кто вступал в Красную Армию по убеждению. В районах, занятых белыми, китайцы по-прежнему оставались людьми второго сорта. Более того, в условиях гражданской войны белые стали смотреть на китайцев как на врагов, пособников большевиков, и соответственно обращаться с ними. Красные же обещали китайским рабочим полную защиту их интересов, обращались как с равными. Пропагандистская и организационная работа большевиков сыграла большую роль в массовом участии китайской диаспоры в красном движении [Ларин 2000: 91].

В рядах Красной Армии китайцы не просто получали пищу и кров, но и полноценным образом социализировались, становились уважаемыми членами армейского коллектива, их жизнь приобретала высокий смысл. Китайские солдаты, отличаясь особой преданностью советской власти, несли охрану Смольного, служили в органах безопасности, различного рода охранных частях и экзекуционных командах [Смирнов 1996]⁵⁵. Участию китайцев в защите советской власти с оружием в руках посвящены десятки книг и сотни статей⁵⁶.

⁵⁵ Смирнов А. Казнен по приговору Брестского мира / Звезда. 1996. №6. С. 198.

⁵⁶ См.: Лапко Д., Мельчин А. Страницы Великой дружбы. М., 1959; Попов Н.А. Они сражались за власть Советов. Л., 1959; Китайские добровольцы в боях за советскую власть (1918-1922) / Ред. Лю Юнань. М., 1968; Новогрудский Г., Дунаевский А. Товарищи китайские бойцы. М. 1959; Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917-1922). Сб. документов и материалов / Ред.

Особый контингент китайских бойцов составляли красные партизаны, в состав которых входили не только рабочие и крестьяне, но и издавна существовавшая своеобразная боевая сила – хунхузы (китайские разбойники). Участники политической борьбы стремились использовать их в своих интересах [Персиц 1962: 155, 249].

Китайское правительство выступало против участия граждан Китайской Республики в гражданской войне в России, выступало с протестами по этому поводу, рассматривая при этом всех китайцев, вставших под ружье, как жертв тяжелых обстоятельств или пропагандистской обработки. Это объяснялось, в том числе желанием китайского правительства избежать роста антикитайских настроений у русского населения. Опасения были оправданными: всюду, где устанавливалась власть белых, охотно эксплуатировалась тема «злого китайца», получившего винтовку из рук большевиков⁵⁷.

Китайцы приняли участие в российских революционных событиях и по другую сторону баррикад. 24 августа 1918 г. китайское правительство выступило с декларацией об отправке в Сибирь своих войск для участия в борьбе против партизан в Забайкалье и Приморье. Активное участие в борьбе против китайских коммунистов и профсоюзных активистов принимали китайские купеческие общества [Каретина 1986: 59]. Следует отметить, что многие организации этнического характера, созданные в 1917-1922 гг., попали под репрессии и были ликвидированы органами власти.

В эти же годы государством проводилась воинствующая антирелигиозная политика, под воздействием кото-

Г.Б. Шумейко. М. 1957; Бабичев И. Участие китайских и корейских трудящихся в гражданской войне на Дальнем Востоке. Ташкент, 1959; Китайские революционеры в Советской России (1920-1930-е годы). М.: Весь мир, 2015.

⁵⁷ «Призыв», орган штаба Красной Армии Николаевского-на-Амуре округа. 27.04.1920. №20.

рой проходила быстрая атеизация населения. Китайские буддийские группы действовали без официального оформления, и только в 1927 г. они прошли регистрацию. На рубеже 1920-1930-х годов партийные и советские органы проводили активную пропагандистскую работу среди китайских рабочих, направленную на разрушение их традиционных верований и обрядов.

В ходе событий китайская диаспора оказалась разделенной на две части. Если рабочие пользовались покровительством советской власти, то другой слой эмиграции – более или менее зажиточная часть оседлого населения – стала объектом революционного насилия, начиная с реквизиции производственных помещений, жилищ и имущества, введения крупных налогов и т.п. Многие представители этой социальной группы, покинув обжитые места, уехали в Китай. По данным Союза китайских рабочих, к середине 1920 г. через Ургу и Кяхту из России выехало 5 тыс. купцов и предпринимателей⁵⁸. Вся китайская эмигрантская община, как и все население России, страдала от тягот военного времени.

После катаклизмов революции и гражданской войны количество китайцев в России (теперь уже СССР) сильно сократилось. Этому способствовала и возобновившаяся репатриация китайских рабочих. По переписи населения 1923 г., число их на Дальнем Востоке уменьшилось до 50 183 чел.⁵⁹, а затем вновь стало возрастать. Согласно переписи 1926 г., на Дальнем востоке уже проживало 71,6 тыс. китайцев, а всего в СССР – 101,7 тыс. чел.⁶⁰

Недоступность китайской общины контролю со стороны органов власти, невозможность управлять ею в

⁵⁸ Тайбэй, Академия Синика, Институт новой истории, архив МИД, ДОК. 03-32/336-(1), 21.09.1921, из Государственного Совета.

⁵⁹ Дальне-Восточное краевое статистическое управление. Статистический ежегодник. 1923-1925. Хабаровск, 1926. С. 20-21.

⁶⁰ ЦСУ СССР. Отдел переписи. Всесоюзная перепись населения. Краткие сводки. Вып. IV. Народность и родной язык населения СССР. М., 1928. С. 40-41, 97.

необходимой мере – эти черты ее, столь беспокоившие правительство и общественность дореволюционной России, сохранялись отчасти и некоторое время после Гражданской Войны. Масса мигрантов: рабочих, торговцев, каждый год по-прежнему пересекала границу в поисках временной работы и пребывала в СССР на нелегальном положении с тем, чтобы через некоторое время, обычно через несколько месяцев, таким же образом вернуться на родину. Специалисты из местной администрации с неудовольствием констатировали, что не располагают никакими сведениями о размерах этого промыслового движения, что данная группа иностранцев увозит за рубеж огромные средства и торговые прибыли, отмечали криминогенный характер их деятельности, указывая на такие серьезные преступления, как убийства, хунхузничество, контрабанду, притонодержательство, половые преступления и т. д. В 1925 г. по Дальнему Востоку было осуждено 16 725 человек, в т.ч. китайцев 3 074, или 18% – процент существенно более высокий, чем доля населения китайцев в общей численности жителей региона⁶¹.

Доля китайцев в растущем населении края уменьшилась (на 1926 г. – до 3,8 %), но их роль в развитии его экономики осталась значительной: китайцы составляли 21,5% самостоятельного городского населения края и 35,2% от общего числа городских рабочих (чернорабочие-кули: грузчики, носильщики, горнорабочие, кожевники, пищевики, прачки, хлебопеки, трикотажники и т. д.) [Бойко 2000: 34]. В категории «хозяева» на долю китайцев приходилось 37,4%, служащих – 11,0% (главным образом торговый персонал), среди прислуги – 36,3%⁶².

Важнейшей стороной новой жизни китайцев стало закрепление равноправия всех национальностей, прекра-

⁶¹ Дальне-Восточное краевое статистическое управление. Статистический ежегодник. Вып. 1. 1926 г. Хабаровск-Благовещенск, 1927. С. 112.

⁶² Дальне-Восточное краевое статистическое управление. Статистический ежегодник. 1923-1925. Хабаровск, 1926. С. 38.

щение дискриминации. По крайней мере, так было на уровне идеологии и государственной политики. Китайцы принимали участие в местных и даже центральных советах. Особенно много их было во Владивостоке (в 1923 г. проживало 23 159 чел., почти половина всего китайского населения Дальнего Востока и 21,7% жителей города)⁶³, Благовещенске, Хабаровске. Хотя в быту высокомерное отношение к китайцам, проявление расовой неприязни искоренить было непросто⁶⁴.

Позитивные явления в новых условиях проявлялись в китайской диаспоре также в тяге к образованию. В ходе осуществления широкой программы национального развития в стране появились школы и техникумы с преподаванием на китайском языке, национальные театры, клубы, спортивные общества [Ващук 2002: 89-95]. В 1925 г. в Москве был открыт Университет трудящихся Китая, во Владивостоке – совпартшкола для китайских рабочих, китайские студенты обучались в различных вузах Москвы и Ленинграда. Поддержание национальной культуры всячески поощрялось, более того, была почти обязательной подписка на газеты и т.п. на родном языке. Выходили два десятка газет на китайском языке в Москве, Ленинграде, Владивостоке (издавалось пять газет), Чите, Хабаровске, Благовещенске, Иркутске, Артеме, Киеве. Крупнейшая из них – «Цяньцзиньбао» имела тираж до 6 тыс. экземпляров⁶⁵.

Китайские рабочие с их традиционным трудолюбием стали активными участниками разных форм социалистического соревнования и ударнического движения. В 1932 г. на 19 предприятиях Дальнего Востока 58% китай-

⁶³ Дальне-Восточное краевое статистическое управление. Статистический вестник Дальнего Востока. Кн. 1. январь-июнь 1924 г. Чита, 1924. С.5.

⁶⁴ 6-й съезд Советов Союза ССР. Стенографический отчет. М., 1931. Бюллетень №6. С.16-17.

⁶⁵ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф.100. Оп. 3. Д. 6. П. 1. Л. 3, 35.

ских и корейских рабочих (из общего числа в 2 623 чел.) были ударниками [Попов 1959: 29]. В соответствии со своим курсом на стимулирование национальных антиимпериалистических революций в странах Востока советское правительство организовало подготовку из числа жителей этих стран. Такая подготовка была начата еще до полного окончания Гражданской войны и велась почти до самого конца 30-х годов, в основном в сети специальных учебных заведений, созданных под эгидой Коминтерна. В 1921 г. был открыт Университет трудящихся Востока (УТВ), вскоре названный Коммунистическим (КУТВ). В 1925 г. в связи с подъемом в Китае национально-революционного движения, в развертывании которого СССР играл активнейшую роль, в Москве был создан Университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена (КУТК), куда принимали представителей двух революционных партий Китая – Коммунистической и Националистической (Гоминьдан) [Тимофеева 1976]. Обучение китайских революционеров вели, кроме того, Международная ленинская школа, Центральная комсомольская школа, Курсы профинтерна «Рабочее движение», отделение КУТК в Иркутске, Китайская ленинская школа во Владивостоке. Китайским военным командирам был открыт прием в Военную академию им. М.В. Фрунзе, Военно-политическую академию имени Е.Г. Толмачева, Летную военно-теоретическую школу, Высшую артиллерийскую школу, Курсы «Выстрел» [Мировицкая 1981: 48]. Известные военачальник генерал Фэн Юйсян в 1926 г. писал: «В других странах наши студенты изучают технику, строительство, горное дело, медицину. В СССР они учатся революции» [Фэн Юйсян 1944: 92; Ли Юнчан 1988].

В СССР жили и учились не только зарубежные революционеры, но и их дети (в Ивановском интернациональном детском доме проживала большая группа ребят из Китая, в т.ч. дети Мао Цзэдуна, Чжу Дэ, Лю Шаоци и др.), для которых в 1930-1940-х гг. было открыто несколько

интернатов. В 1945-1954 гг. большинство детей вернулось на родину [Усов 1997].

Особое внимание советское правительство уделяло культурно-идеологической работе среди китайцев и корейцев, работавших на золотых приисках. Для них выделяли дополнительные средства на создание пунктов по ликвидации неграмотности, школ и больниц, заказывали граммофоны и кинопроекторы, переводили на китайский язык периодику, партийную и художественную литературу. Туда посылали подготовленных людей, в том числе из Коммунистического университета трудящихся Китая, из военных школ в качестве политработников и администраторов.

подавляющее большинство китайских эмигрантов (по переписи 1926 г. – 94,9 % от их общего числа) [Ткачева 2000: 31] не были гражданами СССР, но, несмотря на это, все они оказались глубоко вовлеченными в процесс радикальной общественной перестройки: НЭП, коллективизацию, индустриализацию.

Подобная ситуация – уравнивание иностранцев с российскими (советскими) гражданами в том, что касалось экспроприации их имущества – повторялась не единожды. В конце 1920-х гг. в ряде среднеазиатских республик СССР была проведена аграрная реформа – уравнительное распределение земли. Там проживали китайские граждане-торговцы и сельскохозяйственные рабочие. До 1923 г. им разрешалось приобретать землю. Рабочий обычно много лет копил деньги, покупал участок земли, а после этого нередко переходил в российское подданство. В ходе реформы у всех хозяйств, отнесенных к нетрудовым (т.е. использовавших наемный труд), земля была изъята полностью, у «трудовых» хозяйств отрезаны сверхнормативные излишки. За счет изъятых участков наделялись землей безземельные батраки и арендаторы.

Радикальные классовые преобразования проводились и в торговле, важнейшей сфере занятости китайских

жителей России в 1920-е годы. По мнению некоторых административных структур: «Китайское частное предпринимательство на советском Дальнем Востоке носило хищнический характер, мешало становлению нашего социалистического хозяйства» [Сладковский 1984: 38]. Борьба с ним велась в основном экономическими методами, путем организации кооперативов, способных конкурировать с частником.

На миграцию китайцев влияли межгосударственные отношения СССР и Китая. Конфликт на КВЖД (Дальневосточный конфликт) – советско-китайский вооружённый конфликт, произошедший в 1929 г. после установления 10 июля солдатами Чан Кайши единоличного контроля над Китайско-Восточной железной дорогой, являвшейся совместным советско-китайским предприятием. В ходе последующих боевых действий Красная армия разгромила противника. Заключённый 22 декабря Хабаровский протокол положил конец конфликту и восстановил существовавший до столкновений статус дороги. После этих событий китайские купцы были выселены из Владивостока или арестованы. Тогда же наблюдался массовый выезд китайских иммигрантов из Приморья, что заставляло местные власти принимать меры по удержанию рабочих. Тогда же на советский Дальний Восток после вышеуказанных событий были доставлены пленные китайцы. Их использовали как рабочую силу в горнодобывающей промышленности. В январе 1930 г. интернированные китайцы были освобождены и отправлены на родину, но многие пожелали остаться в пределах СССР⁶⁶.

С большими или меньшими издержками в эти годы происходило то, чего не могло добиться царское правительство: постепенно жизнь китайской диаспоры ставилась под контроль государства. Этот процесс, как и экспроприация собственнических социальных групп, неиз-

⁶⁶ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 194. Л. 31; Оп. 4. Д. 1506. Л. 92; Оп. 4. Д. 1506. Л. 92.

бежно вел к ликвидации китайских общественных организаций старого типа – символов закрытости китайской общины, теперь оказавшихся еще и «классово чуждыми» и «враждебными политически» [ВКП(б)... 1994: 187].

Естественным следствием политики насильственных преобразований и репрессий стал отток китайского населения с Дальнего Востока – всех слоев, не только тех, кто обладал какой-то собственностью и подвергался экспроприации. Целые артели рабочих брали расчет и нелегальным путем уезжали за границу. Подобным же образом бегством за границу спасались от коллективизации корейские крестьяне – кулаки и середняки, бедняки и батраки. По данным всесоюзной переписи населения 1937 г., число китайцев в России на январь месяц составило 38 527 чел., в т.ч. на Дальнем Востоке – 24 589 чел., т.е., в обоих случаях, уменьшилось по сравнению с 1926 г. почти в три раза⁶⁷.

В 1931 г. Советский Союз начал возводить на Дальнем Востоке систему укрепрайонов, чему предшествовал захват Японией Маньчжурии. В 1932 г. было создано марионеточное государство Маньчжоу-Го. Среди китайцев, находящихся в России, было много выходцев из Маньчжурии, которых Япония могла объявить гражданами нового государства. Исходя из интересов государственной безопасности, в 1937 г. была произведена превентивная высылка 170-180 тыс. корейцев из пограничных районов Дальнего Востока ввиду их «неблагонадежности». Часть их смогла вернуться на этническую родину, остальных отправили в Казахстан и Среднюю Азию. В 1938 г. настала очередь китайцев. 8 тыс. жителей китайской национальности были депортированы из Дальневосточного Края по тем же мотивам. Было арестовано 11 тыс. китайцев и 2,5 тыс. корейцев. Из Приморья было репатриировано на этническую родину более 6 тыс. китайцев, а около тысячи

⁶⁷ Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги / Отв. ред. Ю.А. Поляков. М., 1991. С. 94.

китайцев, имевших советское гражданство, были переселены в Хабаровский край. Новая волна репрессий обрушилась на китайских революционеров в СССР в 1937-1938 гг. Жертвами этих кампаний стали многие иностранные коммунисты, в т.ч. сотрудники Коминтерна и студенты интернациональных школ, включая китайцев [Коровяковский 1991: 144]. В 1939 г. группу китайцев, находившихся в заключении, освободили и вместе с русскими членами их семей – всего около 1,5 тыс. человек выслали в Казахстан. О судьбе китайцев в последующие годы данные свидетельствуют о постоянном уменьшении их численности: по переписи населения января 1937 г. – китайцев в СССР 38 527 чел.⁶⁸, 1939 – 32 023 чел. (из них 43% в городах и 57% в сельской местности)⁶⁹, в 1959 – 26 тыс. чел.⁷⁰, 1989 – 11 335 чел.⁷¹. В 1940-е гг. во время Великой Отечественной войны китайцы встречались во многих местах Сибири, в Казахстане, а после 1940-х их в СССР фактически не осталось [Ларин 2000: 150].

Во время Второй мировой войны Японией была оккупирована часть китайской территории. По результатам переговоров на Тегеранской (1943 г.) и Ялтинской (1945 г.) конференциях, 8 августа 1945 г. СССР вступил в войну с Японией. 14 августа 1945 г. был подписан договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и Китайской республикой (тогда же были подписаны соглашения о Порт-Артуре, о китайской Чанчуньской железной дороге, об отношениях между советским главнокомандованием и китайской администрацией в Северо-Восточном Китае). Советские бойцы героически сражались за освобождение китайской территории от японской оккупации. После капи-

⁶⁸ Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги / Отв. ред. Ю.А. Поляков. М., 1991. С. 84.

⁶⁹ Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги / Отв. ред. Ю.А. Поляков. М., 1992. С. 94.

⁷⁰ Национальный состав населения СССР / Госкомстат СССР. М., 1991. С.8.

⁷¹ Там же. С. 24-25.

туляции Квантунской армии СССР вывел свои войска из Китая, за исключением Порт-Артура и Даляня, в которых по специальным соглашениям советские войска оставались до 1955 г. Все трофейное вооружение Квантунской армии и боеприпасы советское командование передало Народно-освободительной армии Китая, что стало существенной поддержкой для революционных сил Китая [Великая отечественная...1970: 538-556].

После провозглашения в 1949 г. Китайской народной республики между СССР и Китаем примерно на десятилетие установились теснейшие дружески отношения, основанные на единстве идеологий и общности интересов в области строительства нового общества на мировой арене. За годы сотрудничества в советских вузах, научно-исследовательских и проектных институтах, на предприятиях и стройках прошли учебу и стажировку около 38 тыс. китайских граждан [Филатов 1980: 50]. В течение 1951-1962 гг. в советских вузах получили подготовку 11 тыс. студентов и аспирантов. При этом в соответствии с межправительственным соглашением советское правительство взяло на себя 50% расходов на их обучение [Цветко 1974: 36, 43]. В Китае изучение русского языка распространилось настолько, что он сделался самым популярным из иностранных языков. Владение русским языком стало поощряемым умением, а в ряде случаев и необходимым условием при вхождении в хозяйственную, административную и даже партийную элиту.

В период «культурной революции» в Китае 1969-1979 гг. и до 1980-х советско-китайские отношения приобрели напряженный, конфронтационный характер, движение китайцев в Советский Союз надолго прекратилось. Только в конце 1980-х отношения удалось нормализовать. В 1992 г. было подписано соглашение о безвизовом пересечении границы. Оно пришлось на период, отмеченный критическим состоянием нашего внутреннего потребительского рынка, отменой монополии внешней тор-

говли, распадом СССР и образованием нового государства – Российской Федерации. В российские пределы двинулось множество китайцев – мелких торговцев и предпринимателей, туристов и контрактных рабочих. Если в 1979 г. на Дальнем Востоке проживало 1 742 китайца, то в 1992-1993 гг. их число достигло, по разным оценкам, 50-100 тыс. человек [Ларин 2001: 86].

Исторические события начала XX в. оказали существенное влияние на этнополитическое взаимодействие России и Китая и русско-китайские этномиграционные процессы. Последовал большой отток из России китайских граждан и российских эмигрантов на китайскую территорию. Глобальные исторические тенденции, приведшие к свержению монархий в сопредельных государствах и установлению новых политических режимов, внутренние трансформационные процессы привели к необходимости переосмысления исторического опыта и формированию на качественно-новой основе межгосударственных и межэтнических отношений – идеологическая составляющая стала играть доминирующую роль на всех уровнях этнополитического взаимодействия Китайской Республики и СССР.

Советские центральные органы власти взяли под жесткий контроль этномиграционные процессы в стране, декларативно формировали установки восприятия в русско-китайских межэтнических контактах. Китайская диаспора подвергалась советской аккультурации, чему способствовало партийное взаимодействие на высшем государственном уровне. Идеологические разногласия партийных лидеров двух стран приводили к катастрофическим этнополитическим последствиям.

Что касается русской диаспоры в Китае конце XIX – середине XX вв., в отличие от стихийной маятниковой миграции китайцев в России, она имела целью длительное присутствие, что подтверждается формированием, стимулирующейся Российским государством, рус-

скоязычной замкнутой социальной инфраструктуры. Российскую диаспору в Китае можно рассматривать как этническую, культурную и политическую общность. Интеграция мигрантов из России (СССР) в китайское общество происходила преимущественно в рамках своих этнических групп и характеризуется как аккультурация, т.е. частичное усвоение иммигрантами обычаев и культуры принимающего общества при сохранении собственной этнической идентичности. Русская община в Китае оказала, в основном, позитивное влияние на русско-китайское этнополитическое взаимодействие и на развитие экономики северных китайских провинций.

Глава 7. ПРОБЛЕМА ЧИСЛЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭМИГРАЦИИ В КИТАЕ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ⁷²

Китай с первых дней Гражданской войны в России стал особым регионом для белой эмиграции. Окончание Гражданской войны и массовый исход остатков белых армий в Китай в начале 1920-х гг. не завершил историю формирования российской эмиграции в этой стране. С середины 1920-х гг. и в течение 1930-х гг. этот процесс продолжался, в частности, отмечался постоянный уход из Советского Союза приграничного сельского населения, недовольного содержанием и методами проводимых в стране преобразований.

В связи с этим остается спорным вопрос о численности русских эмигрантов в Китае, хотя в последние годы история русской эмиграции в этой стране активно изуча-

⁷² Сведения об авторе: Наземцева Елена Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ (НИИВИ ВАГШ ВС РФ), Москва. E-mail: elenanazz@mail.ru.

ются отечественными и зарубежными историками. Все они приводят разные цифры, ссылаются на разные источники, акцентируют внимание на разных датах. В этом и заключается главная причина проблем с определением численности русской эмиграции в Китае. Не исключены и ошибки в числах и датах, которые «кочуют» из одного исследования в другое. Кроме того, иногда авторы дают только данные о численности русских эмигрантов Маньчжурии, обобщая их в целом по Китаю, иногда вообще не уточняя регион страны.

В советской историографии приводились разные данные о численности русских эмигрантов в Китае, но однозначного ответа не было. Так, в 1920-е гг. по данным А. Киржница численность русских эмигрантов в Китае составляла более 100 тыс. чел. [Шкаренков 1987: 22]. По мнению В. Аварина, русское население Маньчжурии составляло в 1920-е гг. около 265 тыс. чел., из которых 150 тыс. – советские граждане, 100 тыс. – белогвардейцы, около 15 тыс. русских эмигрантов, принявших китайское гражданство. К 1934 г. русское население уменьшилось соответственно: 110 тыс. – граждан СССР и 90 тыс. эмигрантов [Аварин 1934: 17]. Ю.В. Мухачев считал, что в 1923 г. в Китае находилось более 100 тыс. чел. русских эмигрантов [Мухачев 1982: 41].

В то же время, в советской историографии признавалось, что «вопрос о численности русской эмиграции в разных странах весьма запутан» [Шкаренков 1987: 23]. Считалось, что число белых эмигрантов в целом составляло около 2 млн человек. Эту цифру приводит в своей монографии автор одной из самых известных в советской историографии работ – Л.К. Шкаренков, – отмечая, что она является максимальной и относится к первой половине 1921 г. [Шкаренков 1987: 23]. Следует отметить, что эту цифру назвал В.И. Ленин во время своего выступления в 1921 г. на III конгрессе Коминтерна.

Собственно, в Маньчжурии по данным Л.К. Шкаренкова в 20-е гг. XX в. численность русских эмигрантов составляла более 100 тыс. чел. [Шкаренков 1987: 22]. При этом, ссылаясь на опубликованные в 1938 г. в 38 томе БСЭ данные, он указывает, что в 1934 г. в Маньчжурии насчитывалось 43 тыс. русских белоэмигрантов и около 30 тыс. советских граждан, «подавляющее большинство которых вернулось в СССР в 1935 г. после продажи КВЖД». Кроме того, ссылаясь на японские источники, в частности, на японскую книгу «Описание Трехречья» («Санга Дзидзео»), изданную в 1941 г. в Чанчуне, он приводит данные о численности русских в Трехречье, согласно которым в этом районе Китая проживало около 5,5 тыс. русских. Однако исследователь считает, что японцы существенно занижали численность русских в Трехречье, так как из них готовили бойцов для белогвардейских отрядов [Шкаренков 1987: 147].

Одной из первых в отечественной постсоветской историографии к анализу численности русских эмигрантов в Китае обратилась Н.Е. Аблова. По ее данным с 1912 по 1917 г. число русских в Китае колебалось в пределах 50 тыс. чел. [Аблова 1999: 71]. С началом Гражданской войны это число стало увеличиваться. Наибольшее количество русских эмигрантов в Китае оказалось в начале 1920-х гг., в дальнейшем на протяжении 1920-х гг. оно сокращалось, но на рубеже 1920-х–1930-х гг. снова увеличилось, затем с 1935 г. – после продажи Советским Союзом КВЖД – снова начало уменьшаться. Основываясь на данных китайских, японских, эмигрантских источников и литературы, Н.Е. Аблова пришла к выводу, что максимальное число белых русских в Китае на начало 1920-х гг. составляло 200 тыс. чел. [Аблова 1999: 72].

Н.Е. Аблова приводит данные численности русских эмигрантов и на 1930 г. Они существенно изменились, что было вызвано, как указывает автор, во-первых, установлением советско-китайских отношений в 1924 г., во-вторых,

введением паспортной системы в 1928 г. в ОРВП, благодаря чему Полицейское управление стало располагать более точными сведениями. Согласно этим данным, в Маньчжурии в 1930 г. находилось 110 тыс. русских, из них в Харбине и на КВЖД – 95 тыс., в Мукдене – 2 тыс. В Шанхае – 15 тыс. В других городах Китая – Пекине, Тяньцзине, Циндао русских было немного, по несколько сотен человек. В результате по подсчетам Н.Е. Абловой в Китайской Республике в 1930 г. находилось 125 тыс. чел. Однако автор справедливо отмечает, что «не все они могут быть отнесены к собственно белой эмиграции, так как многие бывшие российские подданные, особенно железнодорожники, вынуждены были принять советское гражданство, чтобы не потерять работу» [Аблова 1999: 72]. В результате всего в Китае в 1930 г. насчитывалось около 75 тыс. человек (60 тыс. в Маньчжурии и 15 тыс. – в Шанхае) белых эмигрантов. Безусловно, обращает внимание автор, это были не только русские по национальности, а все бывшие подданные Российской империи [Аблова 1999: 73].

О.В. Залесская, ссылаясь на китайские источники, приводит цифру 155 тыс. человек русских эмигрантов в Харбине в 1922 г. В целом, по мнению исследовательницы «цифра в 300 тыс. чел. русских эмигрантов в Северо-Восточном Китае в 1922 г. является наиболее приближенной к действительности» [Залесская 200: 103]. Однако, к сожалению, она не дает общих данных численности русских эмигрантов в Китае.

Л.Ф. Говердовская отмечает, что после разгрома армии А.В. Колчака в Сибири и атамана А.И. Дутова в Туркестане в Китай хлынула первая волна русских беженцев, которая составила около 500 тыс. чел. [Говердовская 2004: 13]. Однако потом она приводит данные Земельного отдела КВЖД от 1921 г. о количестве беженцев, согласно которым, в Харбине находилось 165 857 чел., по линии КВЖД – Западной – 69 782, Восточной – 42 614, Южной – 9 972, всего – 288 225 чел. Она также приводит данные годового от-

чета НКВД, согласно которому в 1923 г. число русского населения в полосе отчуждения составляло 400 тыс. чел., а также данные Государственного архива Хабаровского края, согласно которым численность русского населения в Китае составляла 250 тыс. чел., из которых 60 тыс. находилось в Маньчжурии [Говердовская 2004: 30].

Годовой отчет НКВД, о котором упоминает Л.Ф. Говердовская, – это «Записка о современном положении русско-китайских отношений и текущих вопросах этих отношений в связи с поездкой Заместителя Народного Комиссара по Иностранным делам т. Карахана на Дальний Восток», подготовленной референтом по делам Китая Ю. Соловьевым 25 июля 1923 г. Она оказалась в нашем распоряжении и в ней действительно указывается, что вдоль линии КВЖД проживало «до 400 тыс. лиц русской национальности»⁷³. Кроме того, несколько позже было опубликовано письмо Г.В. Чичерина, который также приводит эту цифру, очевидно, ссылаясь на этот же документ: «бывших русских граждан в полосе отчуждения в тот момент находилось до 400 тыс.»⁷⁴. По мнению Л.Ф. Говердовской, эта цифра наиболее близка к истине [Говердовская 2004: 30].

Известный российский исследователь русской эмиграции в Китае Г.В. Мелихов, опираясь на доклад, подготовленный в 1932 г. для комиссии Лиги Наций Харбинским комитетом помощи русским беженцам, приводит цифру – 122 300 чел. Из них в Шанхае – 10 тыс., Ханькоу – 500, Пекине и Тяньцзине – 2000, Маньчжурии – 109 900 человек (из них в Харбине и по линии КВЖД – 95 тыс. чел.) [Мелихов 2007: 16-17].

Близкая цифра фигурирует и в монографии омского исследователя Г.И. Малышенко. По его мнению, в север-

⁷³АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 7. П. 107. Д. 19. Л. 172.

⁷⁴Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом: документы, август 1923 г. – 1926 г. М.: Наталис, 2008. С. 77.

ных областях Китая, оккупированных Японией, в начале 1930-х гг. находилось 125 тыс. человек [Мальшенко 2006: 96]. Однако, приводя разные источники, автор так и не определяется с общей численностью русских эмигрантов в Китае.

Не дает общей цифры русских эмигрантов в Китае и С.С. Балмасов несмотря на то, что его исследование посвящено русским военным эмигрантам во всем Китае. Он называет лишь численность эмигрантов в Харбине – «не меньше 100 тысяч русских» [Балмасов 2007: 4].

Подробно проанализировала численность русско-подданных в Китае Н.Н. Аблажей. Причем, ее анализ касался не только, собственно, русских, но и переселенцев, мигрантов, беженцев различных национальностей – казахов, киргиз, бурят и т. д. Что же касается русскоязычного населения, то по данным исследовательницы численность русскоязычного населения на территории северо-востока Китая к началу Первой мировой войны составляла около 150 тыс. чел. Однако с началом Гражданской войны в России, как отмечает автор, на востоке страны сложилась новая миграционная ситуация, специфика которой определялась характером и интенсивностью миграции. Миграционные потоки были разнонаправленными, что делало практически все приграничные территории транзитными [Аблажей 2007: 30]. Исследовательница анализирует все основные эмиграционные потоки и приходит к выводу, что «за четыре года в Китай прибыло около 100 тыс. эмигрантов». Однако, оценивая количественные показатели миграции за первую четверть XX века, Н.Н. Аблажей утверждает, что из России в Китай переместилось «почти около полмиллиона человек». Масштабы миграции нарастали в начале столетия и достигли своего пика в период Первой мировой и Гражданских войн. Однако автор справедливо обращает внимание на то, что массовая эмиграция сопровождалась «не менее масштабным возвращением» [Аблажей 2007: 31]. Так, до октября 1924 г. из Мань-

чжурии могло выехать в СССР от 15 до 20 тыс. чел. [Аблажей 2007: 59]. Из Западного Китая – Синьцзяна – за период с 1921 г. по 1927 г. вернулось почти 17, 5 тыс. чел. [Аблажей 2007: 60].

О.А. Косинова приводит различные данные о численности русских эмигрантов в Китае, ссылаясь на различные источники и литературу, склоняясь к следующим цифрам: от 400 тыс. человек в 1920-е годы и 75-125 тыс. человек – в 1930-е гг. [Косинова 2008: 19.].

Специалист по истории русской эмиграции в Китае – Е.Е. Аурилене – приводит данные 1932 г., опираясь на сведения из доклада, подготовленного для комиссии Лиги Наций эмигрантской общественной организацией «Русское общество в Маньчжурии и Монголии». Согласно этим данным, в Маньчжурии в этот период находилось 110 000 чел. (60 тыс. из них имели статус эмигранта, 50 тыс. – имели советские паспорта). Кроме того, в Харбине и Особом районе Восточных провинций (полоса отчуждения КВЖД) находилось 45 тыс. чел., в Трехречье и Барге – 6 тыс., Сахаляне и Приамурье – 500 чел., Мукдене – 200 тыс., Дайрене – 200, Инкоу и Фушуне – 200, в концессии и провинции – 600 чел. В начале 1930-х гг. в Харбине проживало 30 044 русских эмигранта, 26 633 советских граждан и 6 793 – русских, принявших китайское гражданство [Аурилене 2008: 11]. Причем Е.Е. Аурилене ссылается на то же дело в Государственном архиве Хабаровского края, что и Г.В. Мелихов.

И.В. Олейников попытался проанализировать многочисленные и весьма разнородные данные о численности русских в Китае и пришел к выводу о том, что максимальное число белых русских в Китае в начале 1920-х гг. составляло около 200 тыс. чел. [Олейников 2012: 19].

По данным М.В. Кротовой количество русских в Маньчжурии колебалось от 100 до 250 тыс. чел. [Кротова 2014: 19].

В.Г. Шаронова приводит другие данные. По ее мнению, только в Харбине к 1917 г. проживало 100 тысяч русских [Шаронова 2015: 19]. К сожалению, В.Г. Шаронова не ссылается на источник приводимых ею данных.

Довольно подробно вопрос о численности русских в Китае попытался рассмотреть С.Ю. Яхимович. В частности, он привел данные Лиги Наций от 1929 г., согласно которым, в 1917 г. российских подданных в Китае, «подавляющая часть из которых концентрировалась в полосе отчуждения КВЖД, было 51 310 чел.», к 1922 г. местная русская диаспора, пополнившаяся беженцами из России, составляла около 175 617 чел. Вместе с тем, автор признает, что «совокупное количество всего русского населения в Маньчжурии в 1920-е гг. не поддается точной оценке по причинам плохо организованного, слабого учета, а также потому, что оно постоянно находилось в миграционном движении» [Яхимович 2015: 43]. По мнению автора, наиболее точными и объективными данными можно считать данные Главного полицейского управления ОРВП, согласно которым, в 1930 г. в Маньчжурии находилось 110 тыс. чел., и еще 15 тыс. чел., «разбросанных по остальному Китаю», итого – 125 тыс. чел. [Яхимович 2015: 44].

Можно согласиться с Н.Е. Абловой, что количество белых русских в Китае не было постоянным и напрямую зависело от международной ситуации вокруг КВЖД и для того, чтобы более менее определённо ответить на вопрос о численности русских эмигрантов в Китае необходимо четко определить переломные моменты в советско-китайских и советско-японских отношениях, вызывавшие наибольшие перемещения русского населения в ОРВП и Китае в целом [Аблова 2007: 60].

Как видно из приведенных исследований, авторы так и не приходят к единому мнению. Напротив, приводимые ими данные очень разные. Кроме того, не все авторы ссылаются непосредственно на документальные источники, в основном они приводят цифры, ссылаясь на

предыдущих авторов. Кроме того, приводятся данные за разные годы несмотря на то, что все исследователи признают, что в разные годы численность эмигрантов в Китае была неодинаковой. Следует также отметить, что большая часть авторов указывает численность русской эмиграции, характерную только для Северо-восточного Китая, забывая или игнорируя другие, довольно многочисленные центры расселения русских в стране, такие, как Шанхай, Синьцзян. Значительная часть исследователей ссылается на документы Лиги Наций и данные КВЖД.

В нашем распоряжении оказались документы, которые не попали в поле зрения основной части отечественных исследователей. Позволим привести сведения о численности русских эмигрантов в Китае, которые содержатся в них. Так, по данным доклада генерал-майора П.М. Русского, представленного им 29 декабря 1924 г. начальнику штаба главнокомандующего Русской армией в Белграде, количество русских на Дальнем Востоке и в Китае составляло около 250-300 тыс. человек. Из них – военнослужащих – не менее 100 тыс., офицеров – до 30-40%⁷⁵. Характеризуя общее положение русских в Китае, автор отмечал, что оно «в общем незавидное. Масса беженцев нуждается, и помыслы огромного большинства направлены в сторону Америки. США, Канада, являются притягательным пунктом для русской эмиграции в Китае. В частности, с 1922 по 1924 гг. в США эмигрировало около 20 тысяч человек. Меньше уезжали в Австралию – несколько сот человек. Среди них атаман Уральского казачьего войска генерал-лейтенант В. Толстов с 66 казаками⁷⁶. Большинство русских живёт исключительно тяжёлым физическим трудом. Много беженцев в Северной Маньчжурии работает на лесных концессиях. Это ещё хорошо. В более тяжёлых условиях очутились те, которые попали на Фушун-

⁷⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9145. Оп. 1. Д. 233. Л. 1.

⁷⁶ ГАРФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 233. Л. 3.

ские каменноугольные копи»⁷⁷. Анализируя ситуацию, генерал П.М. Русский приходит к выводу, что причинами такого положения являлись: угнетённая психика из-за «беспросветности военно-политической обстановки»; необходимость конкурировать с крайне дешёвым «жёлтым» трудом. Разумеется, существовали организации, которые оказывали помощь особо нуждающимся эмигрантам, но их было немного, а помощь – недостаточной⁷⁸.

По другим эмигрантским данным, только в Харбине русское население с 1917 по 1922 г. увеличилось до 150 тыс. человек [Нэш 2011: 56].

С января 1923 г. в Харбине начал свою работу широкоизвестный Харбинский комитет помощи русским беженцам (ХКПРБ)⁷⁹. Из доклада вице-председателя Д.В. Мурзаева Харбинскому Комитету помощи русским беженцам от 1925 г. следует, что в Китае на тот момент находилось 45 тыс. учтенных беженцев, из которых безработных – 15 тыс. Кроме того, согласно представленным данным из Китая в США и Австралию выехали 2 тыс. человек, в Россию вернулись 10 тыс., натурализовалось 2 тыс. На регистрацию в комитете имели право лица, не признавшие советскую власть и не состоящие на учете в советском консульстве. Но с 1933 г. деятельность комитета постепенно пошла на спад, к началу 1935 г. многие его функции взяло на себя Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжоу-Го. Харбинский комитет помощи русским беженцам окончательно прекратил свою деятельность в сентябре 1945 г.

По данным служб КВЖД 1 января 1924 г. на КВЖД состояло на службе 16 750 человек. Из них штатных 9 тыс., временных 1 тыс., поденных 6,6 тыс. Русских – 11 071, китайцев – 5 679. Из них в Управлении дороги – русских 1 552, китайцев 231. На линии русских – 9 519, китайцев –

⁷⁷ Там же. Л. 7.

⁷⁸ Там же. Л. 5.

⁷⁹ Там же.

5 448. Таким образом, всего русских штатных служащих на линии 6 107 человек, а штатных китайцев – 1 106. Поденных русских – 3 788, поденных китайцев – 3 688. В результате на линии русских было больше в 3,5 раза, чем китайцев, а в самом Управлении больше в десять раз⁸⁰.

Кроме того, имеются данные о численности русских в Трехречье, где основным населением были преимущественно казаки-забайкальцы. Здесь находились 21 хутор, около 400 дворов, приблизительно 2,4 тыс. чел.⁸¹

Начиная с 1919-1920 гг. к северу от КВЖД стали образовываться беженские поселки. К середине 1920-х гг. процесс приспособления к новым местам завершился. Вне полосы отчуждения образовались пять поселков беженцев: Касынор, Могатуй, Тынхэ, Грбунор и Нажимбулак⁸². Русских – 1 210 чел. В отличие от поселков Трехречья данные поселки были в основном скотоводческие. Это, в свою очередь, было обусловлено политикой монгольских властей, которые по религиозным мотивам, а также препятствуя китайской колонизации запретили распахать землю⁸³.

Состав населения в пределах поселков ⁸⁴:

	Казаков (число домов)	Бурят (число юрт)	численность		Всего насе- ле- ния
			русских	бурят	
Касынор	85	-	540	-	540
Тынхэ	65	30	465	200	665
Могатуй	4	-	35	-	35
Горбунор	15	50	100	250	350
Нажимбулак	14	35	70	160	230
Всего	183	115	1210	610	1810

В Приаргунье – Западной части Барги, примыкающей к Забайкалью, после Гражданской войны также обособились зажиточные станичники – забайкальские казаки.

⁸⁰ Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина... С. 243.

⁸¹ ГАРФ. Ф. 5963. Оп. 1. Д. 30. Л. 12.

⁸² Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 08. Оп. 7. П. 8. Д. 17. Л. 2.

⁸³ АВП РФ. Ф. 08. Оп. 7. П. 8. Д. 17. Л. 3.

⁸⁴ Там же. Л. 4.

В 1920-е гг. в прибрежной части р. Аргуни возникло 18 поселков, а также несколько хуторов в отлогах Хингана, в которых проживали забайкальские казаки, вынужденные окончательно покинуть родину⁸⁵. Общая численность составляла около 1,3 тыс. человек⁸⁶. Следует отметить, что все цифровые данные являлись приблизительными, так как точной регистрации населения не велось. Кроме того, процесс прочного оседания не был завершен, так как часть забайкальцев-беженцев периодически возвращалась обратно на родину, часть эмигрировала к прочно устроившимся в Китае родным, другая часть перекочевывала в район Трехречья⁸⁷. Т. е. всего было около 4 тыс. чел.

Особой спецификой отличалось положение русского населения и прибывающих беженцев в Шанхае. Постепенно количество русских в Шанхае увеличивалось. По данным ЦА ФСБ России, в 1923 г. здесь оказалось около 4 тыс. русских белых, не имеющих определенных занятий. Их положение в первые годы было довольно трудным. Как отмечается в некоторых документальных источниках, «в большинстве своем они влачили жалкое существование, иногда получая пищу в бесплатных столовых разных благотворительных обществ»⁸⁸.

По эмигрантским данным, численность русских на территории Международного селтльмента Шанхая составляла в 1900 г. 47 человек, в 1905 г. – 354 человека, в 1910 г. – 317, в 1915 г. – 361, в 1920 г. – 1 266, в 1925 г. – 2 766 человек, в том числе 1 240 мужчин, 1 079 женщин и 447 детей. Большинство этих русских были беженцами из СССР, утратившими свое подданство и осевшими на территории Шанхая [Маракуев 1927: 51].

⁸⁵ Там же. Л. 20.

⁸⁶ Там же. Л. 27.

⁸⁷ Там же. Л. 28.

⁸⁸ Центральный архив Федеральной Службы Безопасности России (далее – ЦА ФСБ России). Ф. 2. Оп. 1. Д. 541. Л. 9.

Следующие данные приводятся Н.С. Зефириным, который обращает внимание на то, что общая численность населения города, включая и китайскую часть, никогда не была известна, так как произвести правильный его учет было невозможно. Предполагалось, что численность всего населения составляла не менее двух миллионов человек. Согласно данным переписи на иностранных селтльментах: иностранцев (включая японцев, индусов и пр. цветных иностранного подданства) – 30 565; китайцев – 802 700. При этом на французской концессии иностранцев – 7 811; китайцев – 289 700. Перепись в иностранных концессиях производилась путем раздачи по квартирам опросных листов, без всякого последующего контроля. Это приводило к тому, что китайцы в больших количествах скрывали свое пребывание на концессии. Недоучет населения констатирован и по отношению к русскому, преимущественно, эмигрантскому населению. Так, все иностранное население французской концессии было равно 7 811 человек, а французская полиция грубо «на глаз» считала, что одних русских на французской концессии было не менее 7 тыс. человек. В результате сведения о вероятном количестве русского населения следующие: иностранный селтльмент (официальная справка): 2 766; французская концессия (неофициальные сведения о результатах полицейской переписи весной 1927 г.): 4 857; китайская территория – около 3 тыс. В результате, согласно официально опубликованным данным на 22 октября 1925 г., русское население французской концессии оказалось равно 1 403 среди 7 811 иностранцев [Зефиров 1928: 62.].

По данным бывшего Генерального консула Российской империи в Шанхае – В.Ф. Гроссе, на 1925 г. в Шанхае находились около 8 тыс. русских эмигрантов, а в Китае – около 200 тыс.⁸⁹.

⁸⁹ ГАРФ. Ф. 5963. Оп. 1. Д. 15. Л. 44.

Еще одним важным центром расселения русских в Китае стал Тяньцзинь. До революции в России большинство русских, проживавших здесь, занимало территорию русской концессии. Точных статистических данных о населении не было. Однако по сведениям Китайского Почтового Управления от 1925 г., в Тяньцзине в этом году числилось китайцев 838 629 человек, европейцев 5,7 тыс. (из них свыше 4 тыс. русских), японцев 5 тыс. К 1929 г. общая численность населения увеличилась до 1 миллиона чел. [Трифонов 1929: 50].

Особая ситуация сложилась на северо-западе Китая – в Синьцзяне. Русская диаспора оказалась довольно многочисленной и пёстрой: бывшие оренбургские, семиреченские казаки, их семьи, беженцы из прилегающих территорий Советской России разных национальностей, торговцы, купцы, в меньшей степени – представители дворянства. Почти всё русское население было сосредоточено в четырёх округах Синьцзяна: Урумчинском, Илийском, Тарбагатайском и Алтайском. Следует отметить, что это были регионы традиционного расселения русских. Ещё до революции здесь сформировались небольшие колонии выходцев из Российской империи, среди которых основную массу составляли старообрядцы, купцы, мелкие торговцы.

По данным эмигранта Камского, общее количество русских, оказавшихся в Синьцзяне в первые годы эмиграции, составляло около 25 тыс. [Камский 1923: 11]. В.А. Бармин приводит цифру 50 тыс. русских солдат, офицеров и беженцев [Бармин 1998: 43].

Однако точное число эмигрантов указать не представляется возможным по тем же причинам, что и в других провинциях Китая. Тем не менее, благодаря активной деятельности советского консульства и сохранившимся материалам, наиболее точные и объективные сведения о количественном, национальном и социальном составе русской диаспоры касаются той группы, которая обоснова-

лась в Илийском округе Синьцзяна. Из доклада о работе Консульства СССР в Илийском округе следует, что беженцы разных национальностей начали эмигрировать из России в Западный Китай ещё в 1916, 1918 и 1920 г. Это происходило по следующим причинам.

В 1916 г. киргизы и дунгане Каракольского и казахи Джаркентского уездов перешли границу, опасаясь репрессий со стороны царского правительства за поднятое ими восстание⁹⁰. Несколько позже, в 1918 г., в связи с началом Гражданской войны таранчинцы, дунгане, часть русских Алма-Атинского и Джаркентского уездов и казахи Копальского уезда снова перешли в Синьцзян. В 1920 г. казахи Карагерского и Лепсинского уездов, матайцы Копальского, а также часть русских тех же уездов, перешли границу «вследствие создавшейся паники при падении и отступлении белоармейских частей Дутова и Анненкова»⁹¹. Согласно тому же докладу, русских беженцев, гражданских и военных, пришедших в Илийский округ в 1918 и 1920 гг. насчитывалось «до 1000 душ, из коих семейных гражданских беженцев определяется в 100 семейств»⁹². К 1927 г. в ходе дальнейшей эмиграции из России и миграции из других регионов Синьцзяна эта цифра изменилась и достигла 10 тыс.⁹³.

Кроме того, согласно боевому расписанию «повстанческих и белогвардейских отрядов», к 1 февраля 1921 г. на территории Синьцзяна были сосредоточены следующие военные подразделения: сотня «Чёрных гусар», отряд и конвой атамана Б.В. Анненкова в составе 450 человек; конвойный казачий полк атамана А.И. Дутова и генерала Щербакова – 250 человек; отряд имени атамана Дутова под командованием генерала А.С. Бакича – 1,9 тыс. человек; повстанческие отряды Д.Я. Шишкина,

⁹⁰ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 8. Д. 22. Л. 28.

⁹¹ АВП РФ. Ф. Референтура по Синьцзяну. Оп. 9. П. 117. Д. 14. Л. 24.

⁹² Там же. Л. 29-30.

⁹³ Там же. Л. 32.

А.П. Кайгородова, Серебрянникова, Чувалкова, Карманова, остатки разбитых отрядов Казагранди и Сухарёва. Всего около 6,5 тыс. человек. Анненковцы расположились в г. Урумчи, полк А.И. Дутова – в г. Суйдуне, лагерь А.С. Бакича находился в районе р. Эмиль⁹⁴. Как позже напишет сам Анненков, «эшелоны двинулись вглубь Китая»⁹⁵. 15 августа 1920 г. с разрешения генерал-губернатора Синьцзяна, отряд атамана Б.В. Анненкова начал передвигаться из лагеря «Весёлый» к столице провинции – городу Урумчи. Из выписки из информационного обзора советского консульства в Кульдже следует, что всего в отряде к этому времени осталось 1,5 тыс. человек⁹⁶.

По разным данным, первоначально численность отряда генерала А.С. Бакича составляла 12-16 тыс. человек⁹⁷. Один из перебежчиков из отряда называет следующие группы белых и их численность: 1) отряд генерала Бакича, численностью около 6 тыс. человек, из них 1,7 тыс. офицеров; 2) добровольческий отряд есаула Д.Я. Шишкина в количестве 500 человек; 3) остатки отряда атамана Б.В. Анненкова – 800 человек; 4) Отряд атамана А.И. Дутова численностью 1,2 тыс. человек; 5) отряд хорунжего Гноева (очевидно имелся ввиду отряд С.Г. Токарева и Гноева – Е.Н.) – 5 тыс. человек⁹⁸.

К маю 1921 г. их численность сократилась до 6 тыс. человек, так как в период с апреля 1921 г. по май 1921 г. отряд покинули около 10 тыс. Большинство ушло обратно в Россию. Уходили в основном солдаты, младшее офицерство и гражданские беженцы. Их действительно было огромное количество. Об этом красноречиво свидетель-

⁹⁴ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 7. Оп. 2. Д. 544. Л. 17.

⁹⁵ АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 11. П. 140. Д. 67. Л. 19.

⁹⁶ Там же. Л. 24.

⁹⁷ Подсчитано по: Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. 1146. Оп. 1. Д. 135. Лл. 68, 84.

⁹⁸ Там же.

ствуют многочисленные списки перебежчиков, хранящиеся в фондах РГВА⁹⁹.

В оперативном подчинении генерала А.С. Бакича находились и другие белогвардейские отряды, интернированные в Синьцзяне. Среди них – отряд полковника Сидорова – 300 человек¹⁰⁰, Народная Дивизия полковника С.Г. Токарева, 9 мая 1921 г. перешедшая советско-китайскую границу¹⁰¹.

К сожалению, о дивизии С.Г. Токарева сведения довольно противоречивые. Из протоколов его допроса и показаний его соратников можно сделать следующие выводы: Дивизия Токарева была образована в конце февраля 1921 г. из четырёх крестьянских повстанческих частей Кокчетавского и Ишимского уездов. Среди них оказался отряд, возглавляемый Гноевым. Именно по его предложению все повстанческие части были объединены. Образована дивизия, получившая название Народной. Её первоначальная численность была довольно внушительной и составляла 8 тыс. человек¹⁰². Но по мере приближения к границе крестьяне, которые составляли основную массу дивизии, устав от боёв, покидали её ряды. В конце концов, границу перешли 1,8 тыс. человек¹⁰³.

После завершения Гражданской войны, а также после событий, развернувшихся в провинции в 1920-1921 гг., связанных с ликвидацией остатков военных соединений белых армий, многие Оренбургские и Семиреченские казаки покинули провинцию. Некоторые отправились на Дальний Восток, другая часть – в центр Китая, например, в провинции Ганьсу обосновались 2,5-3 тыс. человек казаков¹⁰⁴.

⁹⁹ РГВА. Ф. 1075. Оп.3. Д.193. Лл. 1; 13; 28; 30; 31; 54; 57, 59, 66-68; 94.

¹⁰⁰ Там же. Л. 67.

¹⁰¹ ГАНО. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 136. Л. 180, 189. Д. 135. Л. 84-85.

¹⁰² ГАНО. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 136. Л. 180.

¹⁰³ Там же. Л. 180.

¹⁰⁴ ГАРФ. Ф. 9145 Оп. 1. Д. 233. Л. 1.

Анализ данных консульских обзоров о русской эмиграции в Илийском округе, свидетельствует о постоянстве реэмиграционных настроений в среде военной эмиграции. По официальным данным консула СССР в Кульдже Д.К. Вазонова, за период с 1920 по 1923 г. в Россию выехало 20 Оренбургских, 10 Семиреченских и 50 человек офицеров разных губерний, 700 Оренбургских, 100 Семиреченских и 450 других рядовых казаков, всего – 1 250 человек¹⁰⁵. Но следует учитывать, что многие уходили «самотеком»¹⁰⁶.

Процедура возвращения из Синьцзяна была довольно сложной. Сначала беженцы регистрировались в советском представительстве (например, в 1921 г. зарегистрированных было 14 753, из которых 288 военных)¹⁰⁷. Все регистрирующиеся делились на четыре категории: 1) проживавшие в провинции до 1918 г. гражданские лица русской национальности; 2) бежавшие в Синьцзян в 1918-1920 гг.; 3) киргизы, дунгане, бежавшие в Синьцзян в 1916-1920 гг.; 4) остатки белогвардейских армий атаманов А.И. Дутова, Б.В. Анненкова и генерала А.С. Бакича, интернированные китайскими властями и не вернувшиеся в Россию¹⁰⁸.

Исключением из правил регистрации в советском гражданстве были дела следующих лиц, признанных гражданами СССР, и виза которым на въезд в СССР выдавалась без запроса центра: киргиз-кочевников, принадлежащих к коренному населению Средней Азии, жителей пограничных районов с Западным Китаем – узбеков, таджиков и киргизов, а также граждан русской национальности, если они принадлежали в момент оставления территории бывшей Российской империи «к рабочему и трудовому крестьянству и, если они оставили пределы бывшей России в силу давления колонизаторской политики бывшего царского

¹⁰⁵ АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 10. П. 131. Д. 92. Л. 41.

¹⁰⁶ Там же. Ф. 054. Оп. 6. П. 44. Д. 260. Л. 34.

¹⁰⁷ Там же. Л. 33.

¹⁰⁸ Там же. Л. 39.

правительства или выехали под влиянием голода и басмачества». Специально оговаривалось, что настоящее правило распространялось на указанные категории бывших российских граждан даже в том случае, если эти граждане «под влиянием принуждения китайских властей приняли великобританское гражданство»¹⁰⁹.

С весны 1923 г. поток русских эмигрантов, направлявшихся в СССР из Синьцзяна, увеличился. В основном это были те, кто намеревался перейти границу нелегально. Они не были зарегистрированы в советском консульстве. Среди них были и офицеры, так как многим из них в регистрации и восстановлении в гражданстве СССР было отказано. Были и те, кто подавал повторные заявления и, в конце концов, добивался получения советского паспорта, другие же вынуждены были устраивать свою жизнь в эмиграции¹¹⁰. Как отмечал советский консул, «тяготение к возвращению в Россию было у всех, но от этого шага удерживал страх, а потому большинство конечным пунктом странствований считало Америку, надеясь там устроить свою будущность»¹¹¹. Некоторые группы русских беженцев напротив не стремились подавать документы на регистрацию и промышляли в приграничье мелким грабежом и попрошайничеством, что серьезно осложняло ситуацию на советско-китайской границе¹¹².

Всего за период с 1921 г. по 1927 г. согласно выданным советским консульством документам, из Синьцзяна в Россию возвратилось 17 373 человека, и, по имеющимся сведениям, не меньшее количество возвратилось без документов¹¹³. Оставшиеся же в Синьцзяне русские расселились в разных округах провинции. В своих воспоминаниях Н.С. Трескин, эмигрировавший в Синьцзян в конце

¹⁰⁹ АВП РФ. Ф. 0253. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 21.

¹¹⁰ АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 10. П. 131. Д. 92. Л. 44.

¹¹¹ Там же. Л. 45.

¹¹² Там же. Л. 43.

¹¹³ АВП РФ. Ф. Референтура по Синьцзяну. Оп. 9. П. 117. Д. 14. Л. 24.

1920-х гг., отмечает, что русских в Синьцзяне насчитывалось около 13,5 тыс. человек [Трескин 1998:127].

Таким образом, следует признать, что проблема определения численности русских эмигрантов в Китае остается актуальной. Безусловно, большое значение будут иметь данные китайских архивов.

Глава 8. ЯЗЫКОВОЙ БАРЬЕР ВОСТОЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ В КИТАЕ И ПОПЫТКИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ. АДАПТАЦИЯ РОССИЯН В ИНОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ¹¹⁴

Данная тема в той или иной степени была затронута в различных работах русских, советских и российских исследователей [Врубель 1931: 131-140; Дацышен 2011; Ефименко 2009: 38-41; Ли Инна 2003: 286-295; Менакер; Самойлов 2000: 217-290; Спешнев 1980, 2001: 157-172; Фролова 1998: 69-74; Черепанов 1853; Шпринцин 1932: 103-113; 1968, Вып. VI: 86-100]. Наиболее близко к изучению темы подошла Е. Оглезнева, рассмотрев некоторые аспекты русско-китайского языкового взаимодействия в своей диссертации «Русский язык в восточном зарубежье» [Оглезнева 2009]. Этому же автору принадлежит целая серия статей, анализирующих проблемы языкового сближения при недостаточно хорошем знании чужого языка, и вынужденности конструирования русско-китайского «суржика» населением Харбина [Оглезнева 2001: 196-201; 2002: 445-451; 2007а: 35-52; 2007б]. По этой же теме есть немало исследований и авторов-эмигрантов, и лингвистов.

В отличие от исследований лингвиста Е. Оглезневой, очень актуальных и информативных, – нашей целью является анализ взаимодействия двух народов в условиях языкового барьера, изучения русскими китайского

¹¹⁴ Сведения об авторе: Черникова Лариса Петровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Китая, Институт востоковедения РАН, Москва. E-mail: larisa-che@mail.ru.

языка и китайцами – русского, для преодоления языкового непонимания при длительной необходимости общения и сосуществования.

Концепция исследования направлена на то, чтобы «развести» разные периоды и эпохи сближения наших народов в условиях языкового барьера, учитывая исторические реалии событий, когда два соседних государства проходят трансформационные изменения: революции, войны, миграционные движения, приграничные противоречия, строительство крупнейшего технологического объекта (КВЖД) на территории другой страны, привлечение к этому строительству как значительного русского населения, так и китайского. Здесь интересен взгляд с точки зрения языковых проблем: необходимости русским и китайцам изучать языки друг друга (и в каких ситуациях это было наиболее востребовано), а также необходимости «градуировать» степень владения языком со стороны разных социальных групп и сословий.

Как писал О.М. Готлиб, «человек живет одновременно в трех мирах – мире реальности, мире своего сознания и мире языка. Последний выступает как мир-посредник, реализуя, в известной мере, принцип дополнительности по отношению к реальному миру и активно участвуя в формировании мира сознания» [Готлиб 1998: 62]. Языковеды давно стремились определить пути развития того или иного языка. Это, однако, сделать нелегко, «так как язык развивается под влиянием большого количества самых разнообразных факторов – от внутриязыковых, до внешних, связанных с условиями функционирования языка и его взаимодействием с другими языками. Учет всех этих факторов и выделение из них определяющих развитие языка – дело крайне сложное.

«Язык развивается не по сознательной воле человека, а стихийно-исторически. Люди лишь косвенно, проводя нормализацию и стандартизацию языка, вмешиваются в ход языкового развития. ...К числу внутренних факто-

ров, мирно влияющих на развитие языковых систем в целом, относится рост словарного состава, имеющий многочисленные импликации, в том числе морфемообразование – со всеми вытекающими последствиями. Из внешних факторов, по-видимому, следует назвать смешение языков, часто ведущее к потере одним (а то и обоими) из языков морфологии, а также нередко ведущее к типологическим сдвигам в языках» [Солнцев, Солнцева 1998: 15-22].

Иностранцы и русские проживали в китайских городах обычно в особых местах – сэттльментах и концессиях. Как правило, на лекциях в России студентам рассказывают, что иностранцы в Китае жили в сэттльментах на огороженных территориях. Однако надо понимать, что такое положение в то время могло быть оправданно – вокруг лежала нищая страна с миллионами нищих и бедных людей. Иностранцы были вынуждены отгораживаться от Китая в сэттльментах с помощью армии ради выживания. Это еще один самый настоящий физически возводимый барьер, возникший специально для безопасности иностранного населения, ради того, чтобы оградить его от болезней, нападений, ограблений, и прочих негативных явлений. Достаточно долго в советской литературе рисовали взаимоотношения этих иностранных поселений и китайского общества сплошь в черных красках – и упускали из виду, что там присутствовали и политико-правовой симбиоз, и обмен культурными артефактами. На самом деле некоторые китайцы спокойно жили внутри сэттльментов, о чем в России автор данной статьи ни разу не слышал, полагая, что из сэттльментов «выдворяли» всех китайцев, кроме обслуживающего персонала. На деле ничего подобного не было: если китаец проживал здесь до прихода иностранцев, для него вход был открыт.

Другое дело (это хрестоматийный пример), что при входе в английский парк в центре Шанхая имелось объявление на английском языке: «With Chinese and dogs is not allowed» (С китайцами и собаками вход воспрещен). Разу-

меется, расизм невозможно оправдать ничем; англичане в тот исторический период не церемонились с населением колониальных и полуколониальных государств, считая себя хозяевами мира. Когда иностранцы облагородили парк, и он был открыт для посещения, посетителей (и иностранцев, и китайцев) оказалось так много, что он был значительно замусорен; нищие ночевали там на скамейках и лужайках, а наутро от мочи и других нехороших запахов негде было укрыться. В иностранные парки города бонны приводили на прогулку детей, сюда шло иностранное население сэттльмента, спасаясь от жары и духоты знойного лета.

Трудно представить, как можно было бы разрешить подобные противоречия, но иностранцы считали себя хозяевами в городе, и этот случай стал показательным примером, вошедшим во все мировые учебники истории. В любом случае, языковой и культурный, физический и материальный барьер долгое время ограждал два неравновеликих социума (иностранцев и китайцев) друг от друга. Долгое время такое положение поддерживалось специально, и русские здесь не стали исключением, хотя вели себя более демократично по сравнению с англичанами. В отличие от других иностранцев, россияне, во-первых, имели более длительные контакты с китайцами просто в силу продолжительного периода контактов, а также большой протяженности совместных границ; во-вторых, благодаря деятельности Русской Духовной миссии в Пекине россияне стали заниматься изучением Китая, китайцев и китайского языка задолго до массового интереса к ним англичан, голландцев и французов. Весь XVIII и XIX вв. русские монахи, военные и дипломаты серьезно исследовали соседнюю восточную державу и имели достаточно глубокие представления о ее политическом строе, ресурсах, истории и культуре.

Российское китаеведение

История изучения китайского языка русскими и русского языка китайцами имеет достаточно длительную хронологию [Дацышен 2011]. Русские монахи-миссионеры, жившие в Китае по многу лет, первое время не считали нужным учить китайский язык, а вернувшись в Россию – были отправлены в далекие приходы (их опыт не был востребован на родине). Все же осознание необходимости владеть языком страны изучения пришло достаточно быстро, и уже в 1758 г. Русская Православная духовная Миссия открыла «Русско-маньчжурскую школу» в Пекине с тем, чтобы обучать русскому языку китайских православных и самим монахам изучать китайский язык и культуру [Глебов]. Однако россиян, владеющих китайским языком, были единицы, тем более тех, кто считал необходимым не только знать язык, но и собирать знания о стране пребывания. Понимание важности и ценности языка и культуры восточного соседа наиболее ярко продемонстрировал Иакинф Бичурин, глава 9 Миссии в Пекине (с 1808 по 1820 гг.), который собрал колоссальный архив и библиотеку, впервые научно подошел к осознанию «изнутри» изучать Китай. За свою увлеченность он был даже наказан, но все же его подвижнический подвиг был своевременно оценен, ибо Россия XIX в., войдя в международную силу, поняла важность восточной политики и уникальность своей осведомленности в делах Поднебесной, в отличие от иных держав [Глебов]. 19 апреля 1819 г. Указом императора Александра I был учрежден Азиатский департамент Министерства иностранных дел России, с этого времени потребность в знатоках восточных языков вообще, и китайского – в частности, значительно возросла¹¹⁵. Изучени-

¹¹⁵ АВПРИ, Ф. Административные дела, IV-53, 1806 г., Д. 1, Л. 4.2. Цит. по: Министерство иностранных дел России в 1802-1856 гг. / Историко-Документальный Департамент МИД России. URL: <https://idd.mid.ru/letopis-diplomaticeskoj-sluzby/>

ем языков озаботился МИД, языки начали изучать в Казани, Санкт-Петербурге, на Дальнем Востоке России. После обучения необходимо было пройти стажировку, – практически применить полученные знания [Хохлов 2002: 165]. Стажеры занимались не только переводами с русского на китайский и обратно, – они составляли документы, собирали сведения по интересующим вопросам, общались с китайскими чиновниками и переводчиками, оказывали помощь торговцам и торговым факториям, где проживало немногочисленное русское население. Однако, как писал П. Шкуркин, «окончившие восточный факультет студенты, за самым малым исключением, шли служить в разные министерства и ведомства, не имевшие никакого отношения к востоку» [Шкуркин Т.1: 164/об.].

В немногих местах Поднебесной проживали в XIX в. русские жители: это был, прежде всего, Пекин и тесно связанный с ним порт Тяньцзинь; а также Ханькоу и Шанхай. В 1891 г. Ханькоу, где располагалась русская чаеоторговая компания, закупавшая китайский чай ежегодно на 10-12 миллионов золотых рублей, посетил цесаревич Николай Александрович [Ухтомский 2016]. Еще весной 1869 г. драгоман дипломатической миссии А.Ф. Попов посетил чайные плантации провинции Хубэй и Ханькоу [Попов 1871: 79-80], отметив и трудности первых русских жителей ханькоуской фактории: «Можно себе представить, сколько затруднений и неприятностей должны испытать первые начинатели здесь дела, *при незнании языка китайского и особенно английского* [курсив наш, – Л.Ч.], без которого нельзя сделать и шагу, при отсутствии связей и знакомств, которые всегда к услугам других иностранцев, при недостатке капиталов, которые пришли сюда сначала в самых ограниченных размерах, при незнакомстве с торговыми обычаями и приемами, издавна установившимися между другими иностранцами и китайцами, при отсутствии Кон-

сульства из Русских и пр., и пр. Но время, труд и опыт, соединенные с важностью и выгодами положения в Ханькоу, научили всему и сделали свое» [Попов 1871]. Как видим, в Китае было важно владеть китайским языком, но можно было худо-бедно обходиться и английским.

И все-таки, пишет В.Г. Дацышен, «история русской колонии в Ханькоу во второй половине XIX – первой половине XX вв. наглядно показывает, что именно этот район был одним из главных центров русско-китайского торгово-экономического сотрудничества. Более того, именно провинция Хубэй стала первым центром русского бизнеса в Китае. Важное значение имеет и тот факт, что город Ухань ¹¹⁶ долгое время был одним из центров русско-китайского взаимодействия в сфере культуры» [Дацышен 2012: 79-80]. Спустя непродолжительное время, каждый чаоторговец не только обзавелся опытом торговли в Китае, но уже сносно мог изъясняться на местном диалекте, в трудных и сложных делах обращаясь к услугам русского драгомана.

Если обратиться к «высоким сферам» внешней политики, – историограф-восточник ¹¹⁷ уже в начале XX в. писал о нехватке специалистов, владеющих китайским языком: «Мы не ошибемся, если будем считать количество выпускаемых восточников ежегодно никак не более 50-ти человек в среднем [вместе с ближневосточным направлением, – Л.Ч.]. И это на всю Россию! Понятно, тем, которые предполагают для восточника лишь дипломатическую карьеру, это число может показаться вполне достаточным, но мы должны вспомнить, что необходимость в лицах со специальным восточным образованием существует еще по другим ведомствам, а именно: Министерство внутренних дел, Народного просвещения, Главное управление земле-

¹¹⁶ Ухань – трехградье, состоящее из городов Учан (武昌, Wuchang), Ханькоу (汉口, Hankou) и Ханьян (汉, Hanyang).

¹¹⁷ Восточник – так в начале XX в. называли востоковедов.

устройства и земледелия, Министерство Торговли и Промышленности и Финансов, причем по последним двум ведомствам, помимо службы на окраинах, имеется многочисленный ряд должностей на самом Востоке, необходимых для замещения именно восточниками...» [Восток и восточники: 169-174/об.].

Автор считал, что изучение восточных языков и Востока в России находится «в количественном упадке», то есть было катастрофически недостаточным. «...ведомства, – сетовал востоковед, – которые совершенно индифферентно относятся к вопросу о привлечении на службу на наши восточные окраины восточников и проектируют здесь отмену привилегий по службе, в то же самое время образуют особые межведомственные совещания “по вопросу о распространении в России знания восточных языков”» [Восток и восточники: 169-174/об.].

Справедливости ради добавим, что отсутствие знания китайского языка восполнялось европейскими языками, а также большим числом представителей нерусских национальностей, которые владели и русским, и китайским, и рядом европейских языков (среди них – тюркотатары, поляки, немцы, украинцы и даже чехословаки) [Одинец; Сапелкин 2002: 464-469]¹¹⁸. Скажем, достаточно рано в Китае стал издаваться в начале XX в. небольшой альманах по китайской ориенталистике «Далекий Схід» (Дальний Восток) на украинском языке [Далекий Схід].

Попутно отметим, что россияне, в отличие от иностранцев, достаточно рано проявили интерес и к духовной культуре китайцев. «Духовный облик китайского народа мало интересовал иностранцев. Религии Китая, его философская, научная и художественная литература, искусство остаются и до сего времени предметом изучения, главным

¹¹⁸ В Мукдене издавалась в 1935-1945 гг. Общественно-политическая газета татарских эмигрантов «Милли-Байрак». Издание финансировал Ахметвали Менгер. Газета освещала в том числе и проблемы ориенталистики. – Л.Ч.

образом, для миссионеров и специалистов-синологов. Между тем, китайская духовная культура выявляет себя по преимуществу в философии и литературе» [Чем свидетельствует... 263-264]. То есть, выходцы из России не только изучали язык для практического применения, но и для того, чтобы знать крупнейшие достижения письменной культуры Поднебесной. Вместе с тем, востоковед-самоучка П. Шкуркин писал: «Посмотрите на лучших синологов-миссионеров, всю жизнь живущих в Китае и ежедневно говорящих проповеди по-китайски. А между тем, если им нужно переводить серьезную бумагу, ни один из них не будет переводить без помощи китайца-сяньшэна. Также поступают дипломаты, купцы и т. д., словом, все европейцы, живущие в Китае и отлично знающие, казалось бы, китайский язык» [Шкуркин Т. 1: 167/об.].

И все же, таких людей со знанием китайского языка было очень немного. Постепенно подобная проблема нехватки людей с востоковедным и языковым образованием становилась весьма острой, особенно в последней четверти XIX в., когда медленно, но поступательно начался процесс увеличения образовательных учреждений с восточными языками. В штате российских учреждений появляются люди со знанием языков (не только китайского, но и западных, и японского), – это военные, инженеры, дипломаты, железнодорожники, строители, преподаватели в открывающихся в Китае и России немногочисленных школах. «К тому времени созрела идея создать во Владивостоке Восточный Институт, – вуз с 4-хлетним курсом обучения. Решение учредить институт именно во Владивостоке оказалось очень удачным, потому что позволило изучать восточные языки и культуру Востока вблизи самих очагов культуры» [Шкуркин Т.1: 164/об.].

О сети китайских школ и русских учебных заведений в Китае написано немало литературы [Дацышен 2011], суть в том, что в русских школах Поднебесной все-таки было налажено дело по преподаванию китайского языка,

и весьма неспешно, последовательно данный процесс все-таки шел. Особенно серьезно нехватка знатоков китайского языка стала ощущаться на Дальнем Востоке в связи с решением о строительстве КВЖД и последующими драматическими событиями в Китае: боксерским восстанием и русско-японской войной. Именно эти события стали ключевыми для серьезного изучения страны и ее языковой культуры. Так, после боксерского восстания «было решено командировать в Восточный институт офицеров-слушателей по 10 человек вместо четырех, ... [а после русско-японской войны] в Институт стали посылать по 20 офицеров на курс». После окончания Института они рекомендовали себя «как знатоки Востока, и своими работами сделали ценные вклады в науку: они написали работы по военному делу, истории, географии, политико-экономическим вопросам, земледелию, торговле и т. д.» [Шкуркин Т.1: 165]. К 1908 г. был замечен факт «переизбытка» подготовки офицеров-восточников во Владивостоке, и их перераспределили в разные части с утратой специальности; в очередной раз Россия доказала, как не ценит она людские ресурсы [Шкуркин Т.1: 165]. С 1909 г. правительство перешло к английской системе подготовки офицеров-переводчиков путем командировки офицеров за границу (8 месяцев теории в Институте и 2 года языковой практики в стране). Эта система оказалась значительно проигрышнее, чем прежняя немецкая (обучение 4 года в Институте с ежегодным выездом в страну изучения на языковую практику), о чем предупреждал в свое время П. Шкуркин [Шкуркин Т.1: 165/об.]. Таким образом, Россия подготовила некоторое число военных переводчиков-ориенталистов, и, увидев затишье в период мирного времени, свернула такую деятельность, не подозревая, что нагрянет время больших перемен, как в Китае (1911), так и в мире (мировая война) с последующими потрясениями в миропорядке и самом ее существовании как государства.

Китайское россиеведение

В этих обстоятельствах не только русская сторона, но и китайская сторона обращает внимание на подготовку специалистов со знанием западных [Западное образование... Т.1: 105-105/об.], в том числе русского, языков. Это изучение иностранного языка на некоторое время даже приближалось в оценках к получению ученой степени. «Практическое значение получения ученой степени для китайца в прошлом было громадно: не получив ее, ни один китаец не только не мог рассчитывать на движение по службе, но даже не мог занять самого ничтожного служебного или общественного положения. Вот почему были случаи, когда люди держали эти экзамены до 80-летнего возраста, после чего им давали искомую степень уже *gratis* (бесплатно), из уважения к их настойчивости» [Шкуркин 1918, Т.2: 39].

Первым китайцем, получившим западное образование, был китаец Юн-Хун, окончивший американский университет в Йеле в 1854 г. [Шкуркин Т.1: 165], однако стереотипы и опиумные войны изменили отношение к этому. Это продолжалось вплоть до начала XX в., когда китайцы, получившие образование в западных университетах, не могли найти себе применение в стране. Вообще, в Китае серьезным толчком к необходимости изучать западные языки и культуру стала победа Японии в 1895 г., когда китайцы осознали плоды японской модернизации. Китайское правительство поняло, «насколько при сложившихся обстоятельствах существенно важно западное образование. Основаны были несколько университетов, но прогресс образовательных идей был незначителен. События, последовавшие за боксерским восстанием, несколько продвинули дело вперед, но подлинное пробуждение Китая наступило в 1905 г. после поражения России азиатской Японией. Это произвело сильнейшее впечатление на ки-

тайцев... Успех, которому обязана Япония, – западное образование» [Западное образование... Т.1: 105-105/об.].

Однако «все попытки Китайского правительства дать западное образование своим молодым людям, до конца XIX столетия имели очень мало успеха. Тун-вэнь-гуань – открытое при Управлении Морскими таможнями в Пекине училище языков дало неважные результаты» [Западное образование... Т.1: 105/об.]. Дело изменилось сразу после боксерского восстания, когда в Японию и Америку устремились сотни и тысячи молодых людей для получения образования. Правда, жизнь за границей внесла в умы студентов и свободу политических взглядов (вся революционная молодежь воспитывалась в Японии) [Западное образование... Т.1: 105/об.].

Условия, предоставляемые китайским студентам в этих двух странах, были наилучшими; однако спустя время американцы предложили открывать университеты в самом Китае, дабы отрыв от родного дома не был столь болезненным. Вслед за американцами в дело включились Великобритания и Франция, чуть позже – Германия. «К сожалению, – писал П. Шкуркин, – большинство из китайских студентов отправлялись в Японию (до 14 тыс.), в США посылали по 100 студентов в год, в Англию – по 150, в Германии было целое общество помощи китайским студентам [Шкуркин 1918, Т.2: 39/об.].

«В России, как ближайшей соседке Китая, в особенности на ее окраинах, многие китайцы учились в русских гимназиях, реальных и промышленных училищах. Что касается центра России, – студентов-китайцев там было немного; они получили как среднее, так и высшее образование» [Западное образование... Т.1: 105/об.]. Несмотря на обилие старых и новых школ (в Китае переход на новую систему образования был намечен примерно к 1909 г. /старая система была упразднена/, но процесс затянулся и завершить переход к началу Синьхайской революции не удалось) [Шкуркин 1918, Т.2: 37/об.], новая система внед-

рялась все-таки медленно. Китай оставался традиционной страной, где нововведения проводились с большими проволочками. В целом, считал Шкуркин, «уровень образования в Китае определить крайне трудно на нашу мерку, ибо наше понятие «грамотность» не подходит к умению китайца читать и писать. У одного европейского автора говорится, что грамотность в Китае не более 5 %; это абсурд. Конечно, грамотных (применительно к нашему понятию) не менее 25 %, а вероятно и больше» [Шкуркин 1918, Т.2: 40].

Таким образом, китайские молодые люди, поняв, что в новых условиях можно использовать преимущество знаний иностранных языков, став посредниками, переводчиками, партнерами иностранцев в Китае, – можно будет построить успешную карьеру и бизнес, – принялись учить языки. В Маньчжурии, Монголии и в западном Китае таких людей было более чем достаточно: русский язык кормил не одну сотню семей, специализирующихся на русско-китайской торговле и ремесле переводчика.

Но даже сегодня, посещая восточные страны, наши российские туристы рисуют благоприятную и «доступную для понимания картину: меню в ресторанах, вывески на магазинах, да и сами продавцы с вами поговорят на русском или английском языке. Местные жители экзотических стран поняли, что необходимо учить языки, благодаря знаниям которых есть возможность накормить семьи. Человеку без знания языка, на котором говорят жители страны, куда он едет отдыхать, становится гораздо легче путешествовать. ... Приезжие эмигранты совместно с местными жителями содержат гостиницы, кафе, рестораны» [Борисенко 2013: 15-19].

Выучить язык, оплатив дорогостоящее обучение, тем более – ехать в Россию, – мог себе позволить в начале XX в. только состоятельный китаец. Менее богатым представлялся другой путь. Изучать русский язык под видом воспитателей русских детей или приказчиков, шоферов, по-

мощников русского хозяина – вот путь более дешевый и практичный; после этого уволиться, сэкономив на образовательном старте изучения языка. О таком положении вещей писали русские публицисты и государственные чиновники, осознавая масштаб возникшей проблемы. Прежде всего, этот вопрос возник на приграничной территории, куда устремились небогатые китайцы. Эту тему интересно раскрывает в своей статье Т.Н. Сорокина [Сорокина 2000: 143-146], говоря об отношении на российском Дальнем Востоке к китайской прислуге как непосредственной представительнице другого народа и другого культурного поведения. Еще на рубеже XIX-XX вв. состоятельные россияне на Дальнем Востоке тесно столкнулись с проблемой найма прислуги в условиях нехватки русского населения, когда стало выгоднее нанимать китайскую прислугу (даже без знания русского языка), чем русских гувернанток и помощников из-за высоких цен. Поэтому многие семьи, особенно небогатые или многодетные, стали нанимать для выполнения домашней работы китайцев (китайская прислуга имела почти во всех семьях в Приамурье). Через короткое время сложилось общее, чаще всего – неблагоприятное, мнение о китайской прислуге. В своем донесении В.В. Граве, уполномоченный МИД в Амурской экспедиции, сообщал [Граве 1912: 51]: «... китайская прислуга (бои) не оставляют желать ничего лучшего. Аккуратные, трезвые, тихие, легко запоминающие приказания, сравнительно честные и скоро выучивающиеся говорить по-русски; эти китайские бои своими перечисленными качествами далеко оставляют за собой русскую прислугу, получая к тому же более низкое содержание без хозяйских харчей» [Сорокина 2000: 143-146]. С точки зрения русских нанимателей, главным недостатком китайской прислуги были: относительная кратковременность пребывания у одних хозяев (чаще всего не более 3-5 лет); ненадежность китайского труда (при накоплении определенной суммы или даже просто овладев русским

языком – китайская прислуга оставляла своих хозяев); иное целеполагание (чаще всего китайцы стремились быстро овладеть русским языком для последующей работы переводчиками, подрядчиками, или даже открыв свое собственное дело) при экономии на оплате за школу русского языка [Граве 1912: 51]; чрезвычайное любопытство в сферах, куда русская прислуга обычно не допускалась и не могла ни на что влиять (китайцы бывали весьма любопытными, подслушивали, подглядывали, нередко отличались чрезвычайной осведомленностью в делах семьи, и даже могли торговать этой информацией. Все усилия русских хозяев, затраченные на обучение не знающей ни русского языка, ни своих обязанностей китайской прислуги пропадали даром, и приходилось начинать все сначала. Так, упомянутый выше В.В. Граве писал: «... Нет сомнения, что для иностранной разведки у нас в Приамурье лучшими агентами являются китайские бои, и что те из них, которые подслушивают у дверей, при первом удобном случае спешат сообщить, кому следует, услышанное» [Граве 1912]. Приамурская администрация предложила даже запретить наем китайцев для службы в государственных учреждениях из соображений безопасности¹¹⁹. Так считала Владивостокская комиссия «По изысканию мер к упорядочиванию положения китайских и корейских подданных в приморской области» под руководством воен. губернатора ген. Н.М. Чичагова в 1899 г. Однако Министр внутренних дел и главноуправляющий почт и телеграфом России (от имени департамента полиции, и главного управления почт и телеграфа) считали, что это было бы большой ошибкой. «Например, полицейские управления не смогут обойтись без китайских переводчиков и толмачей; а наем русских сторожей и рассыльных на по-

¹¹⁹ Архив РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1596. Л. 69-119. Цит. по: *Сорокина Т.Н.* Отношение к китайской прислуге на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XX вв.) // *Востоковедное образование в университетах России.* М., 2000. С.143-146.

что значительно увеличил бы расходы на их зарплату». Более того, Департамент полиции предлагал даже «поставить наем китайцев в правительственные учреждения в зависимость от разрешения, в каждом отдельном случае, губернатора или приамурского генерал-губернатора»¹²⁰. В свою очередь, представители почтовой службы считали, что для Владивостокской конторы необходимо было «оставить хотя бы одного китайца для доставки почтовой корреспонденции, приходившей в большом количестве из Китая с адресами на китайском языке, с которым в конторе никто не знаком»¹²¹.

Итак, мы показали положение дел в период рубежа веков на российском Дальнем Востоке, что же говорить о том русском населении, которое «без языка» трудилось на территории Китая в первой четверти XX в.? В недавно изданной в России книге Э. Кука [Кук 2004]¹²² о Сиднее Рейли, рассматривается роль этого английского шпиона в русско-японской войне; косвенно продвигается мысль о том, что основной ошибкой русской стороны было чрезмерное доверие к китайцам в Порт-Артуре. Разумеется, мы далеки от мысли безоговорочно принимать концепцию автора за истину в последней инстанции, но тревожные мысли она возбуждает. Не исключено, что японская разведка могла использовать некоторых китайских осведомителей в своих целях.

Восприятие китайцев русскими и языковой барьер

Итак, на рубеже веков Россия начала разворачиваться в своем геополитическом интересе на восток и особенно, – на Дальний Восток. Это было связано со строитель-

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Там же.

¹²² В основу этой работы легли секретные досье английской разведки, малодоступные документы из архивов пятнадцати стран мира (в т.ч. России и Украины).

ством КВЖД, военным проникновением России в Китай (1904-1905), необходимостью иметь незамерзающие порты. При столь тесном контакте понадобилось огромное количество специалистов – языковедов, историков, экономистов, военных, инженеров и др. Здесь, конечно, важную роль сыграли профессиональные востоковеды, о которых писалось выше. Именно они помогали преодолевать языковой барьер мощной работающей китайской чиновничьей машины в условиях трансформирующего влияния иностранцев на Китай и его управление. Можно сказать, что они помогали воспринимать Китай «через иностранную силу», поскольку страна вынуждена была модернизироваться и во многом существовать как государство полукOLONиальное. Именно востоковеды более трезво могли оценить реальное положение вещей, вовремя указывая на «точки» изменений в Китае, но государственная российская бюрократическая система явно отставала от своевременных реакций на события. Соответственно – сформировалось отношение к китайскому законодательству, правилам, обществу, традициям и прислуге – в лучшем случае как снисходительное, как к полуфеодальным устаревшим, не соответствующим времени порядкам; в худшем – было презрительным (особо присуще людям, далеким от знакомства с китайской культурой). Формирование восприятия «мы-они» явно было неоднозначным, и развитие его шло в течение длительного времени, когда и в России, и в Китае шли процессы больших исторических изменений.

Необходимо упомянуть еще один аспект этноязыкового восприятия китайской стороны русскими: освещение Китая и китайской культуры в русской литературе и публицистике, наиболее повлиявших на культурные стереотипы русского населения. Не вдаваясь в эту обширную тему, отметим лишь, что практически одновременно в России стали развиваться две концепции, одна – комплиментарно, другая – критически воспринимающая китайцев и их общество. Возможно, дело объясняется тем, что

авторы этих публикаций черпали впечатления из разных сфер общения с китайцами. Одни – в высших кругах (политических и образованных, владеющих иностранными языками, в отсутствие языкового барьера)¹²³, другие – вращались в более демократических кругах, видели и низовую культуру китайцев; безусловно признавая положительные качества китайцев, они обращали внимание на имеющиеся недостатки и пороки, и не все китайцы, разумеется, в данных контактах владели иностранными языками. То есть, уже в к. XIX в. российское общество имело противоречивые сведения о китайцах, что позволяло сделать вывод о неоднозначных впечатлениях об этой стране и ее населении [Петухова 2015: 463-464]. А истина, вероятно, где-то посередине. Китай (был и остается) – очень разный. И разным он был в восприятии дипломатов и простого приграничного населения.

Русская эмиграция в Китае

После революции и гражданской войны в России сотни тысяч беженцев оказались в Китае. Многие из них никогда ничего не думали о Китае, не увлекались китайской культурой, тем более – китайским языком. Поэтому взаимодействие с китайским населением, государственной машиной, средствами передвижения, денежным обращением, продуктовой и бытовой культурой, языком и т. д. – для большинства стало трудной задачей. Исследование жизни русских эмигрантов всегда упирается в вопрос взаимодействия с китайской стороной, ее ежедневным окружением. Всегда встает «вопрос вопросов» в исследованиях по русской эмиграции – где находился у эмигрантов Китай. Хотя на самом деле – он был везде, вокруг, за стенами, сквозь стены, сквозь пространство и время, в

¹²³ К тому же сановные китайцы второй половины XIX века, понимая необходимость модернизации страны, подражали европейцам, признавали мощное военное превосходство западных армий.

котором жили эмигранты, переживая потерю собственной страны и дома, умудрявшихся этот Китай «не замечать», гнать его из своего мира. От него невозможно было укрыться, он был *везде*, и необходимо было преодолевать этот информационный и языковой барьер.

Вместе с тем, и китайцы не понимали, что делают на их территории странные люди с севера. «Подобное непонимание формируется в массовом обществе и может быть характерно для человечества в периоды катаклизмов революций и войн. Понятие об индивидуальности не считается китайцами, тайцами, индонезийцами и т. д.» [Этнокультурная и... 2017].

В преодолении барьера помогали работы китаистов-профессионалов, печатавших в русской публицистике и специальных изданиях статьи по «стране изучения», создававших пособия и учебники по китайскому языку и культуре. Но все-таки это была весьма специфическая информация. К тому времени в Китае уже проживало несколько сот тысяч русских людей, работавших и обслуживавших КВЖД и полосу отчуждения. Так, основные знания об окружающей обстановке и быту беженцы-эмигранты черпали у «старослужащего» русского населения в Китае. С прибытием огромной армии беженцев гражданской войны – в работу по популяризации знаний о стране включились и непрофессионалы: журналисты, литераторы, историки, этнографы, писатели и поэты. Впрочем, «насколько этот межкультурный контакт был тесным и глубоким», – задаются многие исследователи. Во-первых, мешал *языковой и культурный барьер*: подавляющее большинство эмигрантов не владело восточными языками. Однако при коммуникации существует язык жестов, мимики, понимание контекста, интонации незнакомого языка. В любом случае, человек хорошо понимает доброжелательность или наоборот агрессию. Поэтому доброжелательность китайцев, их улыбчивость, непосредственность подкупали россиян, делали окружающую

жизнь вполне приемлемой. Россиян больше не окружала опасность и агрессия, как это было на родине. А еще – им импонировало удобство в бытовых вопросах жизни китайцев.

Во-вторых, как поясняли нам многие бывшие белоэмигранты и репатрианты, важным в то время был *имущественный вопрос*. В большинстве своем в Китай прибыло население, потерявшее свой имущественный статус, малоинтересное для ищущего экономической выгоды китайского торговца и предпринимателя.

Кроме того, Китай был *сословным* обществом, в то время как Россия и выходцы из нее в силу исторических и глобальных событий испытывали процессы трансформации традиционного общества и «перетряску» всех основ сословности.

Важным стало получение работы в новом месте, и условия в Китае оказались достаточно демократичными. Если в России и в других странах требовалась рекомендация, большое количество сертификатов и дипломов, проверка документов и проч. элементы хорошо развитой бюрократической культуры, – то в Китае в период трансформационного бума все было иначе. Можно было опубликовать объявление о поиске работы (особенно в иностранных газетах, англоязычной прессе), и через короткое время получить ее, здесь главное было – при первой встрече убедить работодателей в своей способности что-то делать, показать навык труда, компетенции, мастерства и пр. Китайцы сами привлекали для общения переводчиков; не гнушались такой работой все иностранцы и русская молодежь. Найдя работу, у эмигранта наступал новый этап жизни: необходимо было общаться с работодателем, подчиненными и вышестоящими сотрудниками. Если в фирме и на предприятии имелись свои русские соотечественники (даже советские граждане) – можно было уже иметь надежду на то, что с вероятностью 85 % и выше – стажер мог остаться на работе. Если сослуживцами

были европейцы, и с ними можно было общаться (даже на ломаном иностранном языке), – многое зависело от уровня вашей коммуникабельности и мастерства вести диалог. В чисто китайской компании или на предприятии – обычно китайский босс имел обыкновение нанимать китайца-толмача, владеющего европейским(-и) языком(-ами). Так что без языкового общения все равно не получалось сосуществовать.

Исследовательский дискурс, сложившийся при изучении проблем национальной идентичности, во многом сформировался на основе опыта европейских стран (именно в Европе в наибольшей степени воплощен принцип «одна нация – одно государство»). Историки уже давно обратили внимание на то, что проблема идентичности стала весьма существенным вопросом и для стран Азии. Здесь еще интересен другой вопрос: насколько при соприкосновении с другой культурой и ее ценностями происходит дрейф ценностей своей собственной культуры, рождающейся из-за дрейфа целого пласта лексики неродного языка, так как именно в языке, позже – в сознании, происходит замещение, а нередко просто вхождение в культуру целого блока новых понятий и языковых средств, которые отсутствуют в собственной языковой культуре [Черникова 2017].

Язык глухонемых доказывает, что людям не обязательно издавать звуки, чтобы понимать друг друга [Лаборатория лингвистики...]. Языковой барьер между русскими и китайцами имел многоступенчатый уровень (кто-то из «актеров» коммуникации знал язык лучше, кто-то – хуже; это касалось разных социальных групп и профессиональных интересов; наконец, это сказывалось в межличностных отношениях на уровне соседства, учебы, служебных или же семейных связей). Первоначально россияне вынуждены были прибегать к языкам-посредникам (европейским языкам или языку эсперанто), затем имели опыт использования 10-20 общеупотребительных фраз,

постепенно осваивали разговорный сленг, общую лексику, а наиболее талантливые – набирались смелости и учили китайский язык. Здесь мы не касаемся области профессионально изучавших китайских или русский язык, а ограничиваемся лишь сферой тех, кто вынужден был коммуницировать, но не имел никакой для этого подготовки.

В современном исследовании российских ученых были выявлены «основные дихотомии этнокультурных барьеров между представителями русского и китайского этноса» [Якупов, Чижикова 2017: 199-204]. Исследователями были обозначены следующие «пары» барьеров: если представители китайского этноса демонстрировали чрезмерную закрытость в коммуникации, то русские, наоборот – отличались «чрезмерной открытостью» в ней; если китайцы выказывали стремление к вертикальной структуре организации своего труда и общения, то представители русского этноса стремились к горизонтальной структуре организации. Если китайские коммуникаторы понимали временное пространство синкретически (т. н. «растягивание» времени, неспешность бытия, выказывали необязательность в строгом понимании пунктуальности), то русские, наоборот, – придерживались четкого разделения временного пространства, требований в соблюдении пунктуальности. Это наблюдение, безусловно, очень верно отмечает несхожесть нашего этнокультурного понимания и построения общения. В условиях языкового барьера все эти противоречия только обостряются.

В некоторых китайских работах [Ли Мэн 1991: 96-103; Ван Чжичэн 2008; Ли Дэбин, Ши Фан 1987: 137] русскую эмиграцию упрекают в презрении к китайцам, подмечают немногочисленность межнациональных браков, игнорирование борьбы китайского народа за независимость, в активном проведении русским населением колонизаторского курса в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии), пособничестве японцам с 1931 по 1945 гг. и т. д. Тем самым игнорируется проблема языкового барьера, невозмож-

ность общения, отсутствие знаний по истории и культуре двух контактирующих народов, различия в социально-экономическом уровне развития двух обществ. Для россиян общение происходило с помощью языков-посредников: английского, французского, немецкого, а еще и – языка эсперанто. В контактах с китайцами простые россияне предпочитали ограничиться 10-20 фразами плохого разговорного (китайского), китайские же торговцы, ремесленники, обслуживающий персонал лучше знали русский и другие западные языки. Отсюда и все проблемы коммуникации и межкультурных обменов: наши народы с трудом принимали особенности бытового и исторического сосуществования, при совместной эксплуатации технологического объекта – КВЖД.

Близко к теме преодоления языкового барьера в свое время, своими методами, подошел энтузиаст-эсперантист Иннокентий Серышев, один из инициаторов изучения Азии и азиатской культуры¹²⁴. В подражание научно-просветительскому ориентальному журналу "Вестник Азии", издававшемуся в Харбине, он самостоятельно начал издавать журнал "Азия". Интересно, что на шмуцтитуле (отдельном листе с названием и иллюстративным рукописным материалом) прописаны девизы издания: «Эсперанто. Единый Общий Язык для всех стран». «Из Азии возник Истинный Свет миру», «Азия и История Человека» и другие. Серышев переводил, главным образом, статьи западных ориенталистов, но копировал оригиналы не слепо, а со своими комментариями, аккуратно представляя рекомендованный материал. Выходец из семьи сельского священника на Алтае, в свое время он побывал в Германии, Бельгии, Англии, Франции, Швейца-

¹²⁴ Серышев, Иннокентий Николаевич (1883-1976). Родился на Алтае, эсперантист-энтузиаст, которого судьба забросила в Азию. Первая страна изучения – Япония, вторая – Китай. В 1920-е гг. переехал в Австралию, где в 1935 г. начал издавать ориентальные журналы; Серышев И.Н. За границу. – Барнаул, О-во Эсперантистов, б.г. – 64 с.

рии, Италии, Австро-Венгрии и Турции, о чем издал небольшую брошюру [Серышев б.г.]. Ему принадлежат несколько брошюр с призывами не бояться ездить за границу, не пугаться финансовых трудностей и т. д. Всячески популяризируя язык эсперанто, он называл его *«рациональным языком»*, полезным при общении и коммуникации разных народов и культур. О своем путешествии из Сибири в Японию с помощью эсперанто Серышев собирался издать книгу с иллюстрациями. Еще в 1926 г. им была издана в 3-х частях книга **«Страна самураев»** [Серышев 1926]. В книге, кроме собственных статей о системе образования в Японии (изданные ранее Серышевым [Серышев 1919: 167-244; 1923: 117-178; 1919]), содержались статьи, опубликованные ранее другими авторами в различных эсперантистских журналах по японским темам, таким как «Женский вопрос в Японии», статьи по культуре и образу жизни японцев.

Судя по огромному авторитету самого известного русского эсперантиста в Японии и Китае, – слепого писателя и педагога Василия Ерошенко, – Серышев был не единственным, кто свято верил в волшебную силу «международного языка» [Ерошенко Василий...; Евсюков, Евсюкова 2010: Кн.2; Патлань 2003, №03-06]. Из Японии в 1922 г. Серышев переехал в Китай и сразу горячо включился в деятельность уже существующего с начала XX века харбинского «Общества эсперантистов». Надо сказать, что Харбин первых 20-ти лет существования мало чем отличался от провинциальных городов Сибири и Дальнего Востока, где активно распространялось эсперантистское движение. Пионерами движения здесь были: Н. Кази Гирей (Порт-Артур, 1898); Бр. Добровольский, В. Люборский (кружок в Харбине, 1905); в 1908 г. в Харбине стало работать Первое общество эсперантистов [Сидоров]. Благодаря Серышеву на языке эсперанто в Харбине начал издаваться журнал *“Oriento”* (Восток, первый номер вышел в июле 1925 г.), всего вышло 20 номеров [Oriento Monata... 1927:

41]. Это был журнал, «посвященный, – как писалось в анонсе, – популяризации востоковедения для широкой читающей публики всех стран мира. Сотрудничают корейские, японские, китайские, формозские (тайваньские), яванские, сибирские эсперантисты, и русские востоковеды» [Журнал “Oriento”: 2]. Первые номера (1, 2) вышли еще в Харбине; журнал издавался в формате знаменитого востоковедного “Вестника Азии”, каждый номер имел около 100 страниц и был иллюстрирован. Поначалу тираж анонсировался в 1 200 экз., но точных данных пока не имеется¹²⁵.

Одним из первых в современной российской ориенталистике о Серышewe написал известный китаевед А.Н. Хохлов [Хохлов 1997: 48-53; 1999, №1: 19-23; 2001, вып. 3: 195-210; 2006, №2: 198-213], который посвятил его жизни и творчеству несколько статей. К жизни и деятельности Серышewe обращался известный эмигрантовед А.А. Хисамутдинов [Хисамутдинов 2001, №2: 148-155]. В 1925 г. в Харбине Серышев публикует серию публицистических статей с призывом отдать все силы для изучения «международного вспомогательного языка Esperanto»: «Пора человеку... уметь понимать человека любой нации, разбив тысячелетние позорные рабские стены разноязычия, разделяющие человечество на враждебные, взаимно непонимающие друг друга народы и племена. Эсперанто удачно разрешает проблему борьбы с разноязычием. Легкий для изучения, логически построенный, нейтральный в политических и национальных отношениях, и принадлежащий ровно всем людям и нациям, с удивительно простой грамматикой, где оставлено все нужное для выражения человеческой мысли со всеми ее нюансами и безжалостно выброшено все лишнее, загромаждающее сложные грамматики национальных языков... Эсперанто – будет общим

¹²⁵ Сомнения основаны, во-первых, на том, что номера отпечатаны на машинке; и, во-вторых, что подписка на журнал проводилась через почтовый ящик, – Л.Ч.

вспомогательным языком человечества... Так будет, ибо так должно быть... С нами вы или против нас – мы все равно победим!» [Серышев 1925, №44].

Характер И.Н. Серышева был весьма своеобразен: его отличал постоянный интерес к жизни и вера в возможность ее изменения к лучшему. Раз жизнь «здесь» изменить нельзя, – можно сменить место жительства. Тяготясь проблемами церковных противоречий в Харбине, он намечает свой дальнейший путь в Пекин, а после – в иные страны, и наиболее привлекательной находит для себя Австралию. В январе 1926 г. он переезжает с семьей в Сидней (но и там жизнь оказалась непростой) [Росов]. Позже о нем писали, как об одном из выдающихся русских эмигрантов, «оказавшихся в Австралии, кто сначала был вынужден эмигрировать в Китай, а затем в 1920-е – 1930-е годы (гл. образом из Харбина) – в Австралию. Такие как... священник Иннокентий Серышев, основатель и издатель журналов "Церковный колокол", "Путь эмигранта" [Путь эмигранта...] и др., освещали русскую жизнь в Австралии [Российская диаспора...]. Отметим, что и с переездом в другую страну Серышев не оставил своего занятия эсперанто и ориенталистикой. Его опыт проживания в Китае и Японии был высоко оценен, его работы о Китае и эсперанто публиковались на протяжении всей его жизни в Австралии.

Во втором номере полу-рукописного журнала «Азия» в редакционной статье [Серышев 1935: 1a] Серышев писал: «Мое отношение к Азии как одному из децентов арены будущих мировых событий (другим децентром является, по-моему, Австралазия или Пацифик), оправдывается развивающимися событиями. Национальное пробуждение 300-миллионной Индии, постепенно превращающейся в Федерацию народов и племен... Индостана с тенденцией встать на путь полной независимости от Англии (даже экономической), великий «первобытный» хаос взбаламученного Китая с его 450-миллионным

населением, где старые идеи борются с новыми и где намечаются образование и формирование нового грандиозного человеческого мира, тоже, вероятно, мыслимого в форме Федерации народов Китая, ... – вот все данные, достаточные для признания факта, что гегемония над человечеством из рук Европы и Америки ускользает и переходит постепенно, но верно к Азии... Азия будет ареною великих событий. И это не за горами». В этом же номере журнала Серышев перепечатывает свою речь, произнесенную на юбилее Заменгофа (автора Эсперанто) в Пекине 15 декабря 1924 г. «Содружество Востока и Запада» [Серышев 1935: 18-22]. В ней, в частности, говорилось много о том, что человечество обязательно придет к пониманию диалога между различными культурами, для чего обязательно понадобится единый международный язык общения и знаний друг о друге, что обогащение всех культур и их исторического опыта обязательно произойдет. Тогда, в своем докладе Серышев уповал на великие возможности языка эсперанто. Сегодня мы видим, что место этого языка занял английский язык, а средством передачи информации стал интернет. Языковые барьеры не исчезли до сих пор, но они начинают преодолеваться, в том числе за счет популяризации китайского языка, который в современных условиях перестал быть барьером. Можно сказать, – весь мир учит китайский язык.

Языковой барьер русской эмиграции оказался, все же, преодоленным. Этому способствовали языки-посредники, в том числе – эсперанто. Немало способствовал разрушению лингво-этнического барьера изобретенный русскими и китайцами «русско-китайско-английский суржик», на котором говорила половина населения Харбина. Но это предмет отдельной статьи, о котором писали русские исследователи, в том числе выдающийся российский лингвист Н.А. Спешнев¹²⁶ [Спешнев 2004], русские и

¹²⁶ Спешнев, Николай Алексеевич (1931–2011). Китаевед, лингвист, переводчик, д.филол.н. (1987). Окончил востфак ЛГУ (1957), преподаватель

советские публицисты, ученые и преподаватели. Таким образом, данная тема имеет большое число аспектов, а наше исследование лишь обозначило некоторые из них.

Глава 9. ОСНОВЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ПОЛИТИКИ ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ (вторая половина XIX – начало XX вв.)¹²⁷

Во второй половине XIX в. мировые державы вели активную внешнюю политику в отношении Цинской империи, продвигая свои военно-политические и экономические интересы. Важное место при этом занимали мероприятия по укреплению их гуманитарного присутствия в этом государстве в целях формирования прослойки людей, лояльно настроенных к иностранцам и способных впоследствии отстаивать их интересы в Китае.

Ход исторических событий показывал, что в Китайской империи складывались благоприятные условия для распространения русского языка и знаний о России. Именно русский язык стал первым из европейских языков, преподавание которого было организовано в открывшейся еще в 1708 г. по указанию императора Канси Школе русского языка при Дворцовой канцелярии (кит.: *Нэйгэ зюсы възньгуань*, 内閣俄罗斯文馆). В 60-х гг. XIX в. по мере втягивания Китая в мировые дела в империи были запущены первые реформы государственного аппарата. В 1862 г. в столице при помощи иностранных советников было создано первое учебное заведение современного образца – пекинское Училище иностранных языков и точных наук Тунвэньгуань (кит.: 京师同文馆), в котором по

ЛГУ с 1957. Профессор (1989), почётный профессор СПбГУ. Родился в г. Пекин.

¹²⁷ **Сведения об авторе:** Лапин Павел Андреевич, кандидат исторических наук, руководитель группы гуманитарного сотрудничества и информации Посольства России в Китае. E-mail: waijiao2000@mail.ru.

инициативе местных администраторов весной 1863 г. начало работу отделение русского языка.

Впоследствии китайские власти продолжали уделять внимание идее «распространить знание языка страны, граничащей с Срединной империей на протяжении многих тысяч верст»¹²⁸. Как доносили в МИД находившиеся в Китае российские власти, «то обстоятельство, что китайцы сами открывают подобные школы в Хайларе, Цицикаре, Харбине, Гиринае, Калгане, Улясутае, – словом, в пунктах более или менее близких к границам с Россией, кажется вполне естественным и понятным; не может казаться особенно удивительным и открытие таких же школ в Пекине, Тяньцзине, даже в Шанхае; но мы видим, что для изучения русского языка ими учреждены школы в таких удаленных пунктах, как Учан фу, Цзиньчжоу фу, Наньчан фу, Кантон, то есть к югу от бассейна Янцзы, далее которого русские торговцы решительно никогда не простирали своей деятельности»¹²⁹. Столь стремительное наращивание китайцами образовательной инфраструктуры объяснялось активными политическими, военно-дипломатическими и торговыми контактами с Россией, причем не только в приграничных территориях, но и во внутренних пределах Китая, где открывались наши производства, создавались официальные дипломатические представительства.

Несмотря на благоприятные предпосылки распространения в Китае знаний о России, работа по укреплению там нашего гуманитарного присутствия российскими властями практически не велась, в том числе по причине неудовлетворительного финансирования этого направления отечественной внешней политики. В течение всей второй половины XIX в. российские администраторы по линии РПЦ лишь смогли открыть в китайской столице и ряде городов империи несколько начальных православ-

¹²⁸ АВП РИ. Ф. 143, Оп. 491, Д. 2045, Л. 9–9 об.

¹²⁹ АВП РИ. Ф. 143, Оп. 491, Д. 2045, Л. 4 об.

ных учебных заведений.¹³⁰ Но вопросы субсидирования даже этих школ и училищ не были решены надлежащим образом. Несмотря на инструкции Синода «обучать их (китайских учащихся. – П.Л.) на всем российском иждивении», средства выделялись в весьма ограниченном объеме, и их всегда не хватало¹³¹.

Этим, по сути, и ограничилась деятельность российских властей по финансированию развития российского школьного образования в Китае. В этом вопросе Россия не могла конкурировать с ведущими державами, которые реализовывали в Китае масштабную гуманитарную политику.¹³² Вполне очевидно, что ассигнования, направ-

¹³⁰ Долгое время в Пекине при Российской духовной миссии существовало лишь два начальных учебных заведения: открывшееся в 1822 г. на русском подворье православное училище для мальчиков-албазинцев и образованное в 1859 г. такое же училище для девочек. Впоследствии развитие церковной школьной инфраструктуры продвигалось довольно медленно: к 1905 г. по линии русской церкви в Китае было учреждено всего семь православных школ (шесть для мальчиков и одна для девочек). См.: [Отчет 1906: 31]. К 1914 г. общее количество православных учебных заведений в Китае увеличилось до 21 (17 – начальных школ для мальчиков, 3 – для девочек, 1 семинария при Духовной миссии в Пекине). Количество учащихся на тот период составляло чуть более 500 чел. См.: [Отчет 1915: 27-28].

¹³¹ РНБ, Ф. 1457, оп. 1, д. 31, л. 10. Годовой размер ассигнований на православное училище для мальчиков в 20-х – 30-х гг. XIX в. составлял 1,5 тыс. руб. (на содержание всей миссии тогда выделялось 16,250 руб.) [Коростовец 1893: 71]. Но даже и эти незначительные выплаты впоследствии начали сокращаться: в 1860-х гг. училище получало всего 1 тыс. руб. в год [Исаия 1866: 535], «тогда как она (школа. – П.Л.) требует не менее семи тысяч» [Праздник 1912: 10]. Схожей была ситуация и с финансированием женского православного училища: первоначально оно существовало за счет личных пожертвований императора Александра II и императрицы Марии Александровны [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 153, л. 2, 7, 18об – 19], а с 80-х гг. XIX в. начало финансироваться «из другого источника» в объеме «2000 руб. золотом» [И.Н.А. 1884: 374].

¹³² Начиная с середины XIX в. европейские и американские власти, действуя в основном по линии религиозных организаций, приступили к созданию в империи сети христианские учебных заведений разного уровня и профиля, открывали первые вузы, где наравне с религиозными предметами велось преподавание общеобразовательных дисциплин

лявшиеся на поддержание и развитие иностранных учебных заведений, многократно превосходили те незначительные средства, которые российские власти могли привлечь для обеспечения этого направления своей деятельности.

Отсутствие нормального финансирования постепенно вело к утрате Россией ее позиций не только в гуманитарном секторе, но и в новых отраслях, формировавшихся в Китае. «Мы явились с мыслью о культурном воздействии на Китай для сближения его с нами и подчинения нашим видам слишком поздно, – в 1897 г. в своем письме в МИД, в частности, писал российский консул в Тяньцзине Н.А. Шуйский, – когда главное, что можно с этой целью сделать, уже захвачено иностранцами. Так, например, военное дело – немцами, морское и инженерное – англичанами и американцами»¹³³.

Некоторые преобразования в материальном обеспечении отечественной гуманитарной политики в Китае начали происходить лишь в первые годы XX в. В мае 1906 г. российский посланник в Пекине Д.Д. Покотиллов направил в МИД обстоятельную депешу, препровожден-

и иностранных языков. Лишь за короткий период с 1860 по 1875 гг. в Китае по линии иностранных религиозных организаций было учреждено порядка 800 школ, которые посещало более 20 тыс. учащихся, при этом лишь в 1860 г. по линии протестантской церкви их было открыто 90, а католической – 63 [Гао Шилян 1994: 57-58]. Активную работу вели не только представители западноевропейских государств и США, российские дипломатические власти неоднократно сообщали в МИД о стремлении «японцев захватить в свои руки дело народного образования в Китае и распространить среди китайской молодежи знание японского языка, вполне понимая, что это самое надежное средство для усиления влияния Японии в Срединной империи» [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2045, л. 8]. Японцы совершенствовали учебную инфраструктуру: «Всюду, где только возможно посажены японские учителя по всем специальностям и открыто множество частных школ для первоначального образования китайского юношества» [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 9].

¹³³ АВП РИ. Ф. 143, Оп. 491, Д. 313, Л. 21 об.

ную императору Николаю II, в которой указал, что «Россия... стоит до сего времени совершенно особняком, почти ничего пока не сделав для распространения среди сынов Срединной империи знания русского языка»¹³⁴. Дипломат верно замечал, что существовавшие тогда школы с русским языком «основаны исключительно по инициативе самих китайцев и содержатся на китайские же казенные или местные средства», что не позволяло их использовать в интересах российской пропаганды¹³⁵. Покотилов, признавая «бесспорную важность, которую может иметь в политическом отношении распространение среди китайцев знания русского языка и образование среди них лиц хорошо знакомых с Россией», предлагал «обратить же серьезное внимание на упорядочение дела преподавания русского языка на первое время хотя бы только в существующих уже школах», открытых китайскими властями [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 15об].

Покотилов предложил организовать объезд этих школ (их, по подсчетам дипломата, было не более 10) с тем, чтобы «ознакомиться с положением этого дела в каждом отдельном учреждении» и изыскать возможность «заменить русскими учителями китайцев ныне преподававших и притом весьма неудовлетворительно во второстепенных школах русский язык»¹³⁶. В Посольстве рассматривали это мероприятие как первый шаг по укреплению пропаганды русского языка в Китае по линии официальных российских властей. Было понятно, что эти действия потребуют привлечения значительных средств, так как «вряд ли китайцы будут в состоянии взять на себя расходы по содержанию таких русских учителей».

¹³⁴ АВП РИ. Ф. 143, Оп. 491, Д. 2042, Л. 9 об, 15.

¹³⁵ АВП РИ. Ф. 143, Оп. 491, Д. 2042, Л. 15 об.

¹³⁶ АВП РИ. Ф. 143, Оп. 491, Д. 2042, Л. 16

По оценке российского посланника, могло понадобиться до 25 тыс. руб.¹³⁷ Заявка была направлена в МИД, который препроводил ее в Минфин. В ведомстве изучили предложение дипломата и, признав важность распространения русского языка в Китае, тем не менее, сообщили, что «испрошение кредита на покрытие вызываемых предположениями Покотилова расходов должно, конечно, последовать в общесметном порядке»¹³⁸. То есть в выделении дополнительных ассигнований было отказано. МИД продолжал запрашивать средства, но на просьбы приходил отказ: в другой раз Минфин сообщил, что «кредит на этот предмет должен быть испрошен в законодательном порядке».

Видимо, идея продвижения русского языка в Китае не оставляла МИД, который просил Минфин все же изыскать возможности по субсидированию этих мероприятий. В ноябре 1906 г. часть средств таки удалось получить: финансовое ведомство выделило на 1907 г. 18,5 тыс. руб., кроме этого, по указанию Николая II в 1906 г. внешнеполитическому ведомству дополнительно было направлено 6 тыс. руб.¹³⁹.

Этих средств хватило, чтобы начать инспекцию китайских учебных заведений, где преподавался русский язык. Экспедиция началась весной 1907 г., руководил ею старший преподаватель пекинской Школы русского языка

¹³⁷ Как следовало из секретной депеши Министра иностранных дел в адрес Министра финансов от октября 1906 г., планировалось пригласить шесть российских преподавателей с окладом до 3 тыс. руб. каждому, при этом предполагалось, что оплату 1 тыс. руб. по каждому окладу сможет взять на себя китайская сторона. То есть на наем учителей запрашивалось 12 тыс. руб. Еще 12 тыс. руб. закладывалось на организацию инспекции и еще 1 тыс. имелось в виду предусмотреть на какие-либо непредвиденные расходы. Таким образом, ежегодный бюджет на частичное преобразование системы преподавания русского языка составлял 25 тыс. руб. [АВП РИ. Ф. 143, Оп. 491, Д. 2042, Л. 55].

¹³⁸ АВП РИ. Ф. 143, Оп. 491, Д. 2042, Л. 37.

¹³⁹ АВП РИ. Ф. 143, Оп. 491, Д. 2042, Л. 61, 65.

при КВЖД Я.Я. Брандт. К ноябрю того же года удалось посетить лишь школы, расположенные в северной и центральной частях Китая, школы Южного Китая планировалось объехать в 1908 г.¹⁴⁰. К концу лета 1908 г. поездка Брандта по Китаю была завершена, 1 сентября того же года он подготовил итоговый отчет, снабдив его «Ведомостью, подлежащих русской инспекцией китайских школ, в коих преподается русский язык»¹⁴¹.

По итогам поездки Брандта по школам их удалось укомплектовать российскими преподавателями, основное жалование которым выплачивалось за счет нашей казны. Привлечение русских педагогов повысило уровень преподавания родного языка, сделало обучение более эффективным.

Стоит подметить, что средства на пропаганду русского языка в Китае поступали по секретной статье, в рамках которой осуществлялось финансирование разведочной деятельности в Китае и Монголии. При этом объемы ассигнований на эти виды работ были во многом сопоставимы: например, в 1908 г. Минфин выделил «на содержа-

¹⁴⁰ АВП РИ. Ф. 143, Оп. 491, Д. 2042, Л. 109-109 об. В ходе посещения Ханькоу, где российские чайные торговцы вели активную коммерческую деятельность, Брандт договорился об открытии Школы коммерческих знаний, где китайские слушатели изучали русский язык и основы коммерции. Школа существовала полностью за счет российских средств – финансирование было налажено по линии российских чайных компаний, наиболее активно работавших на местном рынке. Свое участие в формировании бюджета школы подтвердили семь фирм, пять из которых «согласились отчислять ежегодно для поддержки школы по 4/10 фэнэ с каждого места отправленных чаев», а еще две установили точный размер взноса – по 1 тыс. лян серебра в год сроком на четыре года (по курсу начало XX в. – 1,5 тыс. руб.) [АВП РИ. Ф. 143, Оп. 491, Д. 2042, Л. 166 об – 167]. Кроме этого, на нужды школы деньги выделял Русско-китайский банк (безвозвратный кредит в размере 1 тыс. лян серебра сроком на пять лет) [АВП РИ. Ф. 143, Оп. 491, Д. 2042, Л. 167] и МИД (1,5 тыс. долл. США). При открытии школы российское посольство в Пекине также направило 1,5 тыс. руб. [АВП РИ. Ф. 143, Оп. 491, Д. 2042, Л. 119].

¹⁴¹ АВП РИ. Ф. 143, Оп. 491, Д. 2042, Л. 128-132 об.

ние разведочной агентуры 19 тыс. руб. и 19 тыс. руб. на разведочную деятельность в Монголии»¹⁴². На продвижение русского языка в том же году закладывалось 12 тыс. руб.¹⁴³.

Сложно, однако, сказать, как осуществлялось финансирование пропаганды русского языка в Китае в дальнейшем. Судя по всему, после организации Покотиловым и Брандтом ряда преобразований в китайских школах, какая-либо активная работа на этом направлении больше не велась. В секретном донесении нового посланника в Пекине И.Я. Коростовца, направленном в МИД в январе 1909 г. и тогда же преподнесенном Николаю II, российский дипломат применительно к распространению русского языка в истекшем 1908 г. говорил о трудностях, возникших ввиду «продолжительного неотпуска кредитов»¹⁴⁴. Подготовленный в начале 1909 г. отчет о положении русского языка в Китае стал последним целостным документом, освещавшим деятельность российских и китайских властей по пропаганде русского языка.

Таковы были основы политики финансового обеспечения преподавания русского языка в Китае. В Цинской империи во второй половине XIX в. сложились благоприятные условия для работы на этом направлении, что подтверждалось созданием по инициативе китайских властей учебных заведений по преподаванию нашего языка. Однако сложившейся ситуацией наши власти не воспользовались, и одной из главных причин стало недостаточное финансирование этого аспекта их внешнеполитической деятельности.

Недостаточное внимание к вопросам укрепления гуманитарного присутствия в Цинской империи в итоге привело к значительному ограничению к концу XIX в. российского влияния в этом государстве, и прежде всего в

¹⁴² АВП РИ. Ф. 143, Оп. 491, Д. 2042, Л. 139.

¹⁴³ АВП РИ. Ф. 143, Оп. 491, Д. 2042, Л. 139.

¹⁴⁴ АВП РИ. Ф. 143, Оп. 491, Д. 2042, Л. 144.

новых отраслях, кадры для которых готовились под контролем иностранных специалистов по разработанным за рубежом программам. Очевидно, что формировавшаяся в таких условиях новая китайская интеллигенция более охотно принимала ценности западной цивилизации, поддерживая внешнюю политику государств Запада и США в регионе.

Попытки хоть как-то наладить регулярное ассигнование начали предприниматься по инициативе российского посланника в Пекине Покотилова лишь в начале XX в., однако и здесь после длительных переговоров курирующих этот вопрос российских ведомств (МИД и Минфин) удалось лишь финансово обеспечить сбор информации о деятельности уже существовавших в империи китайских учебных заведений с русским языком и частично укомплектовать их нашими преподавателями. При этом последнее считалось уже достижением и рассматривалось как важный вклад в дело поддержания русского языка. «Все свидетельствует, что расходы с нашей стороны на поддержку русского учителя в Чифу не являются затраченными даром деньгами и представляются не менее желательными и продуктивными в будущем», – с гордостью в МИД сообщал Покотил¹⁴⁵. Уже к концу 1908 г., вскоре после смерти посланника в Пекине, деньги на нужды продвижения русского языка поступать перестали.

Очевидно, что российские власти не были готовы хоть сколько-нибудь серьезно финансировать отечественную гуманитарную политику в Китае. Требовалась системная проработка этого вопроса на уровне двора с выделением в рамках ассигнования деятельности МИД на предстоящий год специальной статьи расхода. Этого сделано не было, поэтому начиная с 1907 г. каждый последующий запрос дипмиссии в Пекине о выделении средств наталкивался на обоснованный отказ.

¹⁴⁵ АВП РИ. Ф. 143, Оп. 491, Д. 2042, Л. 128-129об.

Не исключено, что российский двор не мог себе позволить выделение средств на поддержание гуманитарной политики в Китае, в том числе, по причине высоких сумм, которые требовались на эти мероприятия. Ведь, как указывалось, объем средств, запрашиваемых российскими властями в Пекине лишь на поддержание уже созданной китайской учебной инфраструктуры, был сопоставим с теми суммами, которые российские власти выделяли на одно из важнейших стратегических направлений работы – разведочную деятельность в Китае.

Кроме этого, важно учитывать, что тогда внешняя политика России строилась с учетом общих тенденций развития межгосударственных контактов периода колониализма, где центральное место все же занимала военно-дипломатическая деятельность, требовавшая привлечения значительных ассигнований, которые власти в Петербурге (кстати, в начале XX в. уже столкнувшиеся с первыми признаками внутривластного кризиса) были вынуждены аккумулировать.

Как бы то ни было, развитие преподавания русского языка в Китае, хоть и при минимальной поддержке российских властей, но продолжалось. Уже с 80-х гг. XIX в. там начали появляться первые китайские русисты, хорошо известные нашим властям, которые эффективно обеспечивали двусторонние связи с нашим государством. И не последнюю роль в подготовке этих кадров сыграли российские преподаватели, высоко ценившиеся китайской администрацией.

*Российская диаспора
в самом дальнем «далеке»:
австралийско-новозеландский case*

**Глава 10. ВЛИЯНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ НА
СУДЬБЫ РУССКИХ АВСТРАЛИЙЦЕВ¹⁴⁶**

Последствием Октябрьской революции и Гражданской войны в России стала мощная волна русской эмиграции, которая затронула многие страны мира, не исключая и такие отдаленные, как Австралия. Вопросы истории русской общины в Австралии затрагивались в работах как российских ученых – Г.И. Каневская [Каневская 2010], так и австралийских исследователей – Н.В. Райан [Райан 2005]. Исторические материалы и воспоминания об истории развития русской общины в Австралии были собраны и опубликованы в 1-4-м томах «Истории русских в Австралии», изданных в Сиднее, в 2004-2013 гг., редакционной коллегией журнала "Австралиада" [История русских... 2004-2013]. В своей книге Каневская Г.И. предложила следующую периодизацию истории русской эмиграции в Австралии:

Конец XIX в. – Первая мировая война; 1923 г. – Вторая мировая война; 1947-1954 гг. – послевоенная иммиграция (перемещенные лица); сер. 1950-х – вторая половина 1980-х гг. – эмиграция из Китая и Европы; конец 1980-х и до настоящего времени [Каневская 2010: 9]. Данная работа касается судеб представителей русской эмиграции четвертого периода, прибывших в Австралию из Китая, благода-

¹⁴⁶ Сведения об авторе: Капран Инесса Константиновна, кандидат исторических наук, преподаватель истории и обществознания КГА ПОУ «Промышленный колледж энергетики и связи», Владивосток. E-mail: ikkapran@mail.ru.

ря помощи международных организаций Всемирного совета церквей, Международной организации по делам беженцев и перемещенных лиц (ИРО) и др. В период с 1952 по 1986 гг., по мнению Г.И. Каневской, в Австралию въехало 15 тыс. русских из Китая, составивших основную массу очередной волны русской эмиграции, которую можно рассматривать как продолжение белой эмиграции [Каневская 2010: 239]. Во время пребывания в Сиднее (15-26 мая 2017 г.) группы представителей Дальневосточного информационного центра «Русское зарубежье» ПРО РГО – ОИАК¹⁴⁷, в составе которой была, и автор статьи, нам удалось встретиться с представителями русских, прибывших из Китая в 1950-60-е гг. В основе статьи лежат рабочие материалы, собранные во время поездки: записи интервью с представителями русской общины Сиднея, статьи из австралийской периодической печати и русских изданий. В Австралию нас пригласил директор 1-го Русского музея в Австралии Михаил Моисеевич Овчинников на празднование первой годовщины музея.

М.М. Овчинников (1946 г.р.) родился в семье забайкальских казаков, старообрядцев, до революции живших в селе Доно в Забайкалье, на границе Монголии и Китая, на берегу реки Аргунь [Слово... 2012]. Родители – Моисей Иванович и Екатерина Тихоновна во время гражданской войны спасая свою многодетную семью (пять дочерей и трое сыновей) покинули территорию России и поселились в Китае, в районе Трехречья. В 1962 г., после начала Китайской культурной революции, семья приехала в Австралию. В настоящее время, М.М. Овчинников генеральный директор торговой компании «KELSO», председатель Христорождественской общины Русской Православной Старообрядческой церкви в г. Сиднее, атаман Сводно-казачьей станицы в штате Новый Южный Уэльс. Став од-

¹⁴⁷ Гости из Владивостока / Владимир Кузьмин. Единение. 29.05.2017. URL: <http://www.unification.com.au/articles/read/3755/> (дата обращения: 07.06.2018).

ним из крупнейших предпринимателей Австралии, он занимается общественной и благотворительной деятельностью, направленной на сохранение исторической и культурной памяти русской общины Австралии. На собственные средства приобрел здание, музейное оборудование, а благодаря энтузиастам русской общины, собрал и объединил ценные архивные, книжные, изобразительные, предметные коллекции и в 2016 г. открыл 1-й Русский музей в Австралии¹⁴⁸. Сейчас в рамках работы музея, проводятся экскурсии, памятные вечера в честь знаменательных дат русской истории, встречи с видными представителями русской общины и официальными лицами РФ.

В музее нас познакомили с Иннокентием Николаевичем и Натальей Борисовной Суворовыми. Они оба родились в Китае, куда их предки бежали от последствий революции и гражданской войны. Прадед И.Н. Суворова по матери – Алексей Алексеевич Антонов, был генерал-майором царской армии. Уже И.Н. Суворов, благодаря послужному списку, полученному из архива, смог узнать военную биографию своего прадеда. Копией послужного списка А.А. Антонова на 9 июня 1917 г., мы располагаем¹⁴⁹. Из этого документа следует, что А.А. Антонов, родился 3 января 1854 г., происходил из дворян Тверской губернии, закончил Александровское военное училище и служил Восточно-Сибирской артиллерийской бригаде с 1874 по 1891 гг. В чине капитана в 1891 г. назначен на должность начальника Читинского окружного артиллерийского склада и командиром подвижного артиллерийского полупарка (так в документе) Приамурского военного округа. До 1895 г. служил в г. Чите, занимая различные командные

¹⁴⁸ Годовщину первого Русского музея в Австралии отметили в Сиднее. / Единение. 06.06.2017. URL: <http://www.unification.com.au/articles/read/3762/> (дата обращения: 07.06.2018).

¹⁴⁹ Послужной список начальника Томыловского артиллерийского склада генерал-майора Антонова. Составлен 9 июня 1917 г. ЦГВИА ф. 409, оп. 1, Д. 172398, Л. 4.

должности. В 1901 г. получил чин полковника и назначение начальником передового артиллерийского запаса маньчжурской армии. Участвовал в русско-японской войне. В 1906 г. получил назначение в г. Читу начальником артиллерийского склада, а затем занял такую же должность в г. Казань, где прослужил до 1912 г. В том же году назначен начальником Томыловского артиллерийского склада и произведен в генерал-майоры. С этой должности ушел в отставку в июне 1917 г. Был женат на дочери купца Реина, Марии Оттовне и имел большую семью 6 дочерей и 4 сыновей.

На одной из дочерей – Александре женился Абрамов Иван Константинович (дед И.Н. Суворова), 1881 г. р. Из его послужного списка¹⁵⁰ нам стало известно, что он окончил Михайловское артиллерийское училище, затем Электротехническое офицерское артиллерийское. Служил в Загражской и Петербургкой крепостях с 1901 по 1904 гг. В 1904 г. в составе команды вспомогательных технических средств Восточно-Сибирского осадного артиллерийского полка прибыл в Маньчжурию. Участвовал в сражениях русско-японской войны. В 1906 г. получил назначение в г. Читу командиром команды вспомогательных технических средств 1-го Восточно-Сибирского осадного артиллерийского полка. Участвовал в Первой мировой войне. В сентябре 1916 г. был ранен осколком снаряда и отравлен удушливыми газами, подлежал эвакуации, но остался в строю. В сентябре 1917 г. произведен в подполковники и отправлен в состав офицерской артиллерийской школы в г. Киев. С марта по август 1918 г. состоял в Читинской организации Временного Сибирского правительства. В августе 1918 г. большевиками посажен в тюрьму и приговорен к расстрелу.

¹⁵⁰ Послужной список командира 2-го Восточно-Сибирского легкого артиллерийского дивизиона полковника Абрамова Ивана Константиновича. Составлен 30 июня 1919 г. (копия). Из личного архива И.Н. Суворова.

Его дочь Елена Ивановна по профессии парикмахер, дамский мастер жила вместе со своей матерью Александрой Алексеевной Антоновой (дочь генерала А.А. Антонова) в Харбине, в районе Модягоу. Отец Иннокентия Николаевича, Суворов Николай Иванович до революции закончил Читинское военное училище, служил подпоручиком. Впоследствии, с отступающими белыми частями, оказался в Харбине. В 1943 г. по предложению японских властей осваивать целину уехал из Харбина с группой русских в район Тооген. Он был арестован в сентябре 1945 г. Управлением контрразведки «Смерш» 2-го Дальневосточного фронта по обвинению, предусмотренному ст. 58-14 УК РСФСР (оказание помощи международной буржуазии). Военным трибуналом Дальневосточной армии ПВО 15 декабря 1945 г. по статьям 58-6 и 58-13 УК РСФСР (шпионаж и борьба против революционного движения во время гражданской войны) осужден к 15 годам лишения свободы в ИТЛ¹⁵¹. В конце 1954 г. семья получила от него письмо о том, что он освобожден по амнистии и живет на Украине у брата. В письме был намек на то, что нужно ехать «за речку» т.е. за границу, а не в СССР [Суворов 2004: 153-156]. В 1999 г., И.Н. Суворов получил справку от Управления по Хабаровскому краю ФСБРФ с информацией, что его отец официально освобожден из мест заключения 30 августа 1956 г. из Ангарлага. 27 августа 1998 г. по заключению военной прокуратуры ДВО Н.И. Суворов был реабилитирован в соответствии со ст. 3 Закона РФ от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий».

В 1957 г. мама и Иннокентий по поручительству П.И. Стукова из Брисбена, знавшего отца И.Н. Суворова еще по Чите, приехали в Австралию, в Сидней. Только в 1965 г., после двадцатидвухлетней разлуки, к ним прибыл из Советского Союза Н.И. Суворов [Суворов 2004: 155-156].

¹⁵¹ Справка ФСБУ по Хабаровскому краю № 10/2-843 от 2.04.1999 (копия). Из личного архива И.Н. Суворова.

В Сиднее И.Н. Суворов работал на фабрике и учился на вечерних курсах архитекторов. Затем много лет работал в разных архитектурных компаниях. С молодости и до настоящего времени поет в церковном хоре Петропавловского Кафедрального собора. В Австралии он встретил Н.Б. Остасевич (Суворова)¹⁵². Ее дед о. Антоний (Галушко) был приходским священником в г. Маньчжурия. Отец Борис Петрович Остасевич служил на КВЖД. В семье Иннокентия и Натальи Суворовых родились трое детей. Наталья Борисовна начала работать в русской школе при Петропавловском кафедральном соборе в начале 1970-х гг., когда старшая дочь Вера пошла в школу. Работала в школе до конца 1980-х гг., когда младшая дочь Маргарита закончила обучение. В 2000 г. вновь вернулась в школу как преподаватель русского языка в младших классах, а затем с 2012 по 2017 гг. работала завучем. Сейчас Н.Б. Суворова не работает, иногда ее приглашают на замещение отсутствующих учителей и как «почётного» советника. Суворовы активно участвуют во всех общественных и культурных мероприятиях русской общины, часто выезжают к родственникам в Россию.

Во время посещения Русского клуба в Стратфилде мы познакомились с Татьяной Сергеевной Гартунг¹⁵³. История ее семьи непосредственно связана с г. Владивостоком. Ее дед, Семён Яковлевич Буровников, вахмистр Приморского драгунского полка, кавалер четырёх степеней Св. Георгия, был родом из Курска. Будучи раненым, после Русско-японской войны 1905 г., остался в Харбине работать в охране на Китайско-восточной железной дороге (КВЖД), привезя себе жену Надежду Максимовну Феодосову из родного Курска. Отец Т.С. Гартунг, Сергей Семёнович Буровников, родился в 1911 г., окончил известный

¹⁵² Интервью с Суворовыми 15-26 мая 2017 г., Сидней. Из личного архива И.К. Капран.

¹⁵³ Интервью с Т.С. Гартунг 15-26 мая 2017 г., Сидней. Из личного архива И.К. Капран.

на весь мир Харбинский Политехнический Институт, получив диплом инженера механика. В Харбине он был активным общественным деятелем, в частности, много лет был бессменным председателем общества взаимопомощи компании Чурин и Ко [История русских... 2013 Т.4: 191].

Мать Татьяны Сергеевны – Вера Николаевна Буровникова, (ур. Стасиневич), родилась в 1914 г. в Варшаве. Её отец, Николай Степанович Стасиневич, был генеральным контролёром привисленских железных дорог. Его жена – Людмила Вячеславовна Стасиневич (ур. Ганус), родилась в поместье своего отца недалеко от Варшавы. После революции 1917 г., семья Стасиневич отступала на восток с частями Белой Армии сначала в Смоленск, затем в Омск. Старшие братья В.Н. Стасиневич, Александр и Димитрий, были кадетами Омского кадетского корпуса, и в 1920 г., вместе с кадетским корпусом, вся семья была вывезена на Русский остров в город Владивосток. В 1922 г. с приходом большевиков семья покинула Россию, перейдя границу, обосновалась в Харбине. В.Н. Стасиневич, училась во Французском Конvente Св. Урсулы, а затем окончила гимназию им. Ф.М. Достоевского и Первую Харбинскую Музыкальную Школу по классу фортепиано. В течение 10 лет, с 1935 по 1945 гг., она работала диктором на Харбинской радиостанции и во время Второй Мировой Войны слушала советские передачи. Вышла замуж за С.С. Буровникова, родились две дочери Вера и Татьяна (1943 г.р.). В 1957 г. приехали в Австралию. По приезде в Австралию В.Н. Буровникова [История русских... 2013: 99] несколько лет проработала в конторе Тюремного департамента НЮУ. Она принимала активное участие в жизни Русской православной церкви, а также работала волонтером в начальной школе, безвозмездно занимаясь с детьми музыкой. Испытывая патриотизм к России, в период 1990-х гг., первая наладила контакт с детскими домами в г. Курске и начала организованную помощь восстановлению церквей и нуждающимся детям, и семьям в России. За свой неуто-

мимый труд на благо России В.Н. Буровникова была награждена медалью от российской организации «Родина».

Татьяне Гартунг было 14 лет, когда ее семья прибыла в Австралию, где она закончила среднюю школу и поступила в Сиднейский университет. В 1966 г. получила диплом Бакалавра Гуманитарных Наук в области психологии и философии, а в 1968 г., – диплом Магистра Гуманитарных Наук в области психологии. В 1976 г. Татьяна Сергеевна вышла замуж за Игоря Ивановича Гартунга, который, родился в Шанхае [Гартунг 2014: 2-6]. Его отец, Иван Николаевич Гартунг, офицер Белой Армии, с её частями прошёл Ледяной Поход и попал в Харбин, где выучился на провизора, а после женитьбы и переезда в Шанхай получил профессию архитектора. Прадед И.И. Гартунга со стороны матери, Аксель Вальден, прибыл из Финляндии на Дальний Восток в XIX веке на шхуне капитана Гека и стал одним из основателей города Владивостока. Он открыл золотые прииски на острове Аскольд и сделал большие вклады в строительство Владивостока, одно время, занимая пост заместителя городского головы. Дед И.И. Гартунга, Франс Акселевич Вальден, был известным юрист-консультантом в Китае. Семья Гартунгов, как семья белого офицера, по окончании II Мировой Войны была вывезена американскими военными в Японию, до того, как в Шанхай вошли коммунисты. Впоследствии семья Гартунгов попала на Филиппинский остров Тубабао и в 1949 г. прибыла по контракту на работы в Австралию. Более 40 лет И.И. Гартунг проработал специалистом по индустриальным алмазам.

Тридцать четыре года Татьяна Сергеевна Гартунг была психологом сначала в Департаменте образования, а затем в Департаменте здравоохранения, специализируясь в отрасли детской и семейной психологии [История русских... 2013 Т.4: 101]. Последние одиннадцать лет она возглавляла Отдел здравоохранения ребёнка и семьи. В тече-

ние этого времени также получила диплом библиотекаря от Университета НЮУ в 1982 г., а после выхода в отставку получила аккредитацию переводчика русского языка в 2005 г. С конца 1980-х годов Татьяна Сергеевна и Игорь Иванович активно занялись общественной деятельностью, направленной на укрепление контактов между Австралией и Россией. Став вице-президентом, основателем Русского Этнического Представительства в штате НЮУ в начале 1990-х годов [История русских... 2013 Т.4: 113], Т.С. Гартунг возглавила Комитет по обмену школьников между Россией и Австралией и была координатором программы обучения. По этой программе восемь школьников старших классов из России получили годовое обучение в престижных сиднейских школах с 1993 по 2000 гг. И.И. Гартунг был верным помощником Татьяны Сергеевны во всех общественных делах до последнего дня своей жизни – он скончался в 2015 г. Т.С. Гартунг продолжает заниматься общественной работой: состоит в редколлегии журнала "Австралиада", принимает участие в ежегодном кинофестивале русского кино «Русское Возрождение» (инициатор и бессменный директор Фестиваля – ее племянник Николай Олегович Максимов) [История русских... 2013 Т.4: 113]. Являясь деятельным членом Русского клуба в Стратфилде, Т.С. Гартунг принимает активное участие в благотворительных проектах в пользу России и других общественных мероприятиях русской общины Сиднея. По представлению Дальневосточного информационно-культурного центра «Русское зарубежье» ПРО РГО – ОИАК, Т.С. Гартунг стала участницей 20-й Дальневосточной выставки-ярмарки «Печатный Двор» – 2017 (26-28 сентября 2017 г., Владивосток), на которой от редколлегии журнала "Австралиада" – русская летопись» представила много томное издание «История русских в Австралии» и получила почетный диплом. С большим интересом участники выставки знакомились с русскими изданиями из Австралии, представленными Татьяной Сергеевной и слушали ее

выступление о многолетней деятельности редколлегии по документированию истории русских жителей пятого континента.

По мнению Нонны Владимировны Райан (ур. Голицина, она эмигрировала в Австралию из Харбина в 1958 г.), русские из Китая сохранили свою идентичность, так как ни китайский язык, ни инокультурное окружение не повлияли на нее. Оказавшись в обстановке доминирования английской языковой среды и культуры, они стремились не только сохранить русский язык и культурные традиции, но и передать их своим детям и внукам. В Австралии, при поддержке Австралийско-Новозеландской епархии РПЦЗ, русские построили православные церкви, открывали прицерковные и родительские школы, где дети учатся по субботам, отсюда их название субботние. Построили русские клубы, создали литературные, музыкальные, исторические, театральные общества. Издавали свою периодическую печать (сейчас в Сиднее выходят газеты «Единение» и «Горизонт»).

По данным Н.В. Райан [Райан 2005: 186], к началу 2000-х гг. 80% учеников русских этнических школ родились в Австралии. Большинство из них четвертое и пятое поколение, родившееся за рубежом, в смешенных семьях, где первый язык – английский, поэтому в школах русский язык преподается как иностранный. Основная цель этнических школ – развить у детей интерес к русскому языку, культуре. В настоящее время этнические школы существенно влияют на сохранение русского языка среди молодого поколения эмигрантов, австралийцев с русскими корнями, как они себя называют. На сегодняшний день в Австралии работают 50 русских этнических (субботних) школ с количеством около 2 тыс. учеников. В этом году самую большую школу – имени Св. Александра Невского

в Хомбуге (г. Сидней) – посещает 185 учеников¹⁵⁴. Русский язык преподаётся также заочно в государственных австралийских школах. Многие учащиеся и выпускники субботних школ активно участвуют в культурно-просветительских мероприятиях Русского клуба в Стратфилде.

Таким образом, знакомясь с жизненными историями русских австралийцев, можно заключить, что события революции и гражданской войны в России повлияли не только на судьбу первого поколения эмигрантов, оказавшегося в Китае, но и на судьбы их потомков, проживавших вне своей исторической родины в Китае и в Австралии. Несмотря на то, что процесс ассимиляции продолжается и молодое поколение русских родившихся в Австралии, осознаёт себя австралийцами, заслуга русских прибывших из Китая в 1950-60-е гг., потомков послереволюционной волны (белой) эмиграции, состоит в активной многолетней деятельности по сохранению русской идентичности, которую и в настоящее время продолжают их потомки.

Глава 11. РОССИЯНЕ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ АВСТРАЛИЙСКОГО СОЮЗА В XX В.¹⁵⁵

Присутствие выходцев из России стало реально ощущаться в Австралии только в начале XX в., когда их численность превысила тысячный рубеж и продолжила расти. Те представители народов Российской империи, кто попал на далекий континент в предыдущем столетии,

¹⁵⁴ Школы русского языка играют особую роль в сплочении русской общины. / Светлана Сметанина. Русский мир. 26.06.2017. URL: <http://russkiymir.ru/publications/226549/> (дата обращения: 07.06.2018).

¹⁵⁵ Сведения об авторе: Скоробогатых Наталья Сергеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра ЮБА, Австралии и Океании, ИВ РАН, Москва. E-mail: arhip2212@yandex.ru.

главным образом, старались вписаться в доминирующее общество и не часто подчеркивали свое происхождение. Наиболее яркий пример – Симша Баевский, сделавший блестящую карьеру в бизнесе и ставший знаменитым Сидни Майером, основателем до сих пор процветающей торговой империи [См. о нем: Скоробогатых 2017: 128-162]. Во многом такой путь был единственным в условиях доминировавшей в те годы политики «белой Австралии», нацеленной на безоговорочную ассимиляцию всех ново-прибывших.

Поэтому говорить о российской диаспоре, как о явлении в общественной жизни страны, можно лишь с начала прошлого века, когда миграции приобрели не только массовый, но и идеологически окрашенный характер. Этот фактор значительно затруднил вхождение ее представителей в политическую жизнь страны. Так, попытки русских революционеров (Ф. Сергеева, П. Симонова и многих др.) поднять австралийских рабочих на борьбу с их собственными правительствами, их самое активное участие в акциях ИРМ и деятельности Коммунистической партии Австралии (КПА) в 1918-1920-х гг. и печально знаменитые «бунты красного флага» создали им, а заодно и многим русским, нелестную репутацию опасных смутьянов. Их отъезд из Австралийского Союза (АС) всячески поощрялся, а порой и активно осуществлялся самими властями страны [См. подробнее: Артемов 2017]. Политические установки, нацеленные на подрыв общественных и политических основ австралийского общества, никак не могли понравиться правительству АС. Более того, именно они стали причиной того, что в 1917-1922 гг. был введен временный запрет на въезд мигрантов из Советской России [См. подробнее: Рудницкий, 1991: гл. VI].

Для прибывавших в АС новых беженцев – белоэмигрантов – основными задачами стали выживание и адаптация к местным условиям. Главным общественным институтом, помогавшим им в этом, для многих стали рус-

ские общины. Попыток участвовать в большой политике они не предпринимали, ограничиваясь активной деятельностью в рамках диаспоры. Во многом это было обусловлено естественными трудностями, с которыми неизбежно сталкивается большинство мигрантов первой волны (незнание английского языка, поиск работы, обустройство на новом месте и т. п.); в определенной степени играла роль их тоска по родине и стремление сохранить свои традиции в иноэтническом окружении. По словам австралийских исследователей, в этот период «русское влияние на австралийскую жизнь стало скорее культурным, нежели политическим» [The Australian People 2001: 639].

Рубежным этапом стали годы после Второй мировой войны. Меняется очень многое в жизни АС; новые союзники на международной арене, новые волны миграции, новые политические веяния внутри страны постепенно превращают прежнюю достаточно замкнутую и изолированную Австралию в более открытое демократическое государство. В прошлое уходила атмосфера ксенофобии, характерная для страны на ранних этапах ее становления. Все это неизбежно отражалось и на русской диаспоре: ее состав резко вырос за счет перемещенных лиц, «китайских русских», а в период перестройки в СССР и новых приезжих из разваливавшегося социалистического государства. В 1970-х гг. в АС произошел переход от «белой Австралии» к мультикультурализму, что способствовало не только поощрению этнического разнообразия, но и более толерантному отношению к не-британцам в целом. К концу XX в. выросли целые поколения потомков русских иммигрантов, родившихся в АС, получившие здесь образование и работу и вполне обоснованно считавшие себя австралийцами русского происхождения. Некоторые из них сохранили православную религию, предпочитали держаться своих общин; другие женились на представителях других этнических групп, полностью или частично порывая с диаспорой. Но все они были полноправными гражданами

АС по праву рождения и обладали самыми широкими возможностями для развития своих способностей в любой сфере – в том числе и общественно-политической [The Australian People 2001: 640].

В той или иной степени, выход представителей российской диаспоры на общественно-политическую арену был подготовлен усилиями русских интеллигентов, работавших в АС: преподавателей, ученых, художников, юристов, создавших новый, положительный имидж русских в АС [Петриковская 2007: 227-234]. Из иммигрантов последней волны наиболее яркой стала судьба Дмитрия Сергеевича Феклистова (1962–2008). Молодой ученый, закончивший Тартуский университет и приехавший в АС в 1993 г.,



Фото 1. Священник Михаил Протопопов

успешно работал в области лазерной физики, как и на своей родине в г. Тарту, так и в Министерстве обороны (МО) АС. Признанием его заслуг стали 11 патентов на изобретения и учрежденная в 2009 г. премия «за смелые открытия в области электронного и радарного оборудования им. Д. Феклистова», ежегодно присуждаемая МО АС талантливым ученым, продолжающим его дело [Австралиада 2013: 17].

Усилия многих из них были по достоинству оценены на самом высоком официальном уровне. Так, православный священник отец Михаил Протопопов был удостоен целого ряда правительственных наград, в том числе Ордена Австралии, медали ООН за гуманитарную деятельность среди малоимущих и российского ордена

Дружбы народов [Благочинный... 2007; Скоробогатых 2013: 70-72]. После окончания второй мировой войны судьба привела его в АС, где он после получения высшего образования в Мельбурнском университете и Университете штата Виктория по специальностям образование, управление и богословие получил степень магистра философии. Помимо преподавательской работы и служения в РПЦЗ, он активно участвовал в общественной жизни штата Виктория и российской диаспоры в АС. Долгие годы он занимал пост председателя правления Русского благотворительного общества имени св. прав. Иоанна Кронштадтского в г. Мельбурн¹⁵⁶. В нелегкие для России 1990-е гг. он организовал действенную гуманитарную помощь для граждан РФ и лично привозил в нашу страну грузы с лекарствами и продуктами для всех нуждающихся. Для многих важна роль о. Михаила как историка епархии. В Австралии очень популярны его труды «Грех и покаяние», «Любовь и брак в православной семье», «А.Д. Путята первый русский консул в Австралийской колонии», «Живых проглотим их... Путь от Георгиевского креста к Голгофе» и другие, а монография «История русского пребывания в Австралии», посвященная 200-летию пребывания русских людей в Австралии, сегодня стала настольной книгой для историков в университетах¹⁵⁷. Не удивительно, что этот человек пользуется уважением не только в среде российской диаспоры, но и среди широких общественных кругов АС и представителей христианских церквей во всем мире.

В наши дни все чаще выходцев из диаспоры можно встретить и в системе управления страной. К примеру,

¹⁵⁶ Протоиерей Михаил Протопопов (Протопопов Михаил Алексеевич) (Michael Alex Protopopov) / Дмитрий Ленивов.

URL: <http://rslovar.com/content/протоиерей-михаил-протопопов-казачье-зарубежье> (дата обращения: 07.06.2018).

¹⁵⁷ 40 Лет Священнослужения митр. прот. Михаила Протопопова. // Australian and New Zealand Diocese (ROCOR) 12.05.2012. URL: <http://www.rocor.org.au/?p=5827> (дата обращения: 07.06.2018).

одно время мэром района Мельбурна – Футскрей – была Зика Керри (Зинаида Кирейчук)¹⁵⁸. Еще один пример успешной политической карьеры – Таня Михайлюк. Она окончила Университет Маккуори, получив степень бакалавра экономики, а позже и бакалавра права. Работала в области маркетинга, общественной политики, прав человека, производственных отношений, строительства и инфраструктуры. С 2006 по 2011 гг. Т. Михайлюк занимала пост мэра Бэнкстауна. Этот избирательный округ с населением 74 тыс. человек расположен на юго-западе Сиднея, известен своими парками, аэродромом для легких самолетов. Она сама выросла в Бэнкстауне и живет здесь с мужем и тремя детьми¹⁵⁹. На посту мэра хорошо ознакомились со



Фото 2. Таня Михайлюк

всеми особенностями и нуждами своего округа, способствовала развитию учреждений культуры для молодежи и аборигенов, живущих здесь. В 2009 г. получила специальную награду за свою общественную работу. В 2011 г. она стала членом законодательного собрания Нового Южного Уэльса от этого округа – первой женщиной-депутатом от Бэнкстауна за 80 лет его

существования. Она – член Австралийской Лейбористской партии (АЛП) и входила в состав теневого кабинета, зани-

¹⁵⁸ Прогулка по Мельбурну с Александром Ильиным. / Владимир Кузьмин. Единение. 11.05.2009. URL: <http://www.unification.com.au/articles/read/147/> (дата обращения: 08.06.2018).

¹⁵⁹ Tania Mihailuk. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Tania_Mihailuk (дата обращения: 08.06.2018).

мая посты министра по вопросам честной торговли, здорового образа жизни, добровольцев и молодежи. Кроме того, она член ряда комитетов парламента – по пересмотру законодательства, по транспорту и инфраструктуре, а с 2015 г. также независимой комиссии по противодействию коррупции¹⁶⁰.

Но, пожалуй, самое высокое признание и пост в общественно-политической иерархии АС получил Алексей Чернов, ставший представителем королевы в одном из ведущих штатов страны – Виктории. Его биография может считаться одним из наиболее полных воплощений «австралийской мечты». Алексей (Алекс) Чернов родился 12 мая 1938 г. в русской семье в Литве. «Мой дед был министром царской администрации в России, за что и заплатился жизнью, – вспоминал он. – Подобные связи в те годы не прощались, и всю нашу семью ждала верная гибель. Когда в 1939 г. отряды Красной Армии вошли в Литву, нам пришлось постоянно менять место жительства, скрываться. В 1941 г. мой отец был расстрелян коммунистами, после чего оставшиеся в живых члены семьи бежали в Европу» [Решетиллов 2011]. В годы второй мировой войны семья находилась в Польше и Австрии.

Если в Вене Алексей посещал немецкую школу, то в Зальцбурге, находившемся уже в руках американских союзников, он попал в русскую школу. «Там был лагерь для перемещенных лиц Парш (Parsch), в котором было много русских. Люди ждали возможности уехать в другую страну, которая принимала эмигрантов. Многие хотели попасть в Америку, Канаду, но нам досталась виза в Австралию» [Беседа... 2012].

В 1949 г. Черновы (мама, бабушка, Алексей и его братья) переезжают в Австралию, в Мельбурн. Местные жители запомнились юному Алексею своим радушием.

¹⁶⁰ Ms Tania MIHAILUK, BEc, LLB MP // Parliament of New South Wales. URL: <https://www.parliament.nsw.gov.au/members/Pages/member-details.aspx?pk=67> (дата обращения: 08.06.2018).

«Когда мы сходили по трапу на землю, какой-то незнакомец вложил мне в ладонь горсть монет, – сказал Чернов. – Мне до сих пор стыдно за то, что неожиданно свалившееся на меня «богатство» я поделил с братом далеко не в равных долях – дал Владимиру лишь несколько шиллингов, а себе оставил куш побольше» [Решетилов 2011].

Первым «домом» в Австралии, у Черновых, как и у многих переселенцев послевоенного времени, стал центр адаптации иммигрантов Бонегилла, где подросток познакомился с австралийскими регби и сделался постоянным болельщиком команды Карлтона. После нескольких месяцев пребывания в Бонегилле Алексей пошел в школу: сначала в Камбервэл, а впоследствии его приняли в Мельбурн Хай Скул, которую он иногда прогуливал. «Трудно поверить, но я никогда не любил учебу, – признался А. Чернов. – Более того, я просто ненавидел школу, регулярно пропускал занятия и, главное, ни слова не говорил по-английски». Зато природная склонность к истории и анализу вещей привела его в библиотеку на Свонсон Стрит, где он «готов был часами просиживать... за историческими книгами». Здесь Алексей общался с другими посетителями и много читал: «Я проводил там восхитительное время... занимаясь моей историей, которую я любил – но я, правда, ненавидел школу», – сознавался он впоследствии журналистам [The Melbourne man 2009].

Старожилы русской общины Мельбурна хорошо знали семью Черновых, члены которой самым непосредственным образом участвовали в создании газеты «Единение». «Мой родной дядя Олег Перекрестов был первым руководителем и по совместительству управляющим издания, – подтвердил А. Чернов, – а мама, Кира Владимировна, почти два года набирала газету вручную, используя набор русских шрифтов. Корректором стал мой отчим. Когда в середине 1952 г. был куплен линотип, то он тоже стоял у нас в квартире» [Решетилов 2011].

По окончании школы А. Чернов стал студентом факультета коммерции Мельбурнского университета, хотя в действительности не представлял особо, чем бы ему хотелось заниматься. После завершения обучения он менее года стажировался по специальности в одной из фирм. А затем, по совету его бабушки, снова поступил теперь уже на юридический факультет. Вникая в тонкости профессии юриста, Алексей параллельно устроился работать учителем географии в двух частных школах для девочек¹⁶¹.

Невзирая на напряженный учебный и рабочий график, в 1968 г. он получил диплом с отличием и стал работать адвокатом (барристером) в сфере коммерческого права, что положило начало его головокружительной карьере. В 1980 г. он уже назначен «королевским адвокатом», через 5 лет стал председателем адвокатской ассоциации Виктории, затем – вице-президентом Австралийской Ассоциации Адвокатов. В 1985-1987 гг. он был приглашен в качестве почетного консультанта в Австралийскую комиссию по правовой реформе, а в 1990 гг. занял пост президента Адвокатского Совета всей страны. А. Чернов внес существенный вклад в развитие юриспруденции Австралии. Из-под его пера в соавторстве с Р. Брукингом в 1972 г. вышла книга “Tenancy Law and Practice: Victoria” [Решетиллов 2011]. В течение многих лет наблюдая стиль работы этого незаурядного юриста и человека, его коллеги по адвокатуре штата Виктория с большой симпатией отзывались о совместной работе с ним¹⁶².

В 1997-2008 гг. А. Чернов работал в Верховном Суде штата, параллельно в 2004 г. он был назначен проректо-

¹⁶¹ Губернатор Виктории – Алексей Чернов. // Дмитрий Решетиллов. Русский век. № 12, 2011. URL: <http://www.ruvek.ru/?module=articles&action=view&id=6560> (дата обращения: 08.06.2018).

¹⁶² VICTORIAN BAR NEWS. No. 143 Autumn, 2008. P. 15. URL: https://www.vicbar.com.au/sites/default/files/Documents/VBN_143_2008_Autumn.pdf (дата обращения: 08.06.2018).

ром Мельбурнского университета, в 2007 г. получил титул кавалера Ордена Австралии, а в 2009 г. стал ректором своей alma mater¹⁶³. Вспоминая об этапах жизненного пути, А. Чернов заметил, что все его дороги так или иначе были связаны с Мельбурнским университетом. Здесь он познакомился со своей будущей супругой и в 1966 г. женился на уроженке этого города Элизабет Мери Хопкинс. Вместе они уже более 45 лет, у них трое детей и семеро внуков. «Я горжусь своими детьми, – рассказал Чернов. – Ведь все они – выпускники моего родного Мельбурнского университета» [Решетилов 2011]. Говоря о семейных традициях, он отметил: «Все наши дети изучали русский язык в школе. Конечно, они не знают его хорошо, но немного понимают и говорят. Часто они бывают с нами в церкви, особенно на Пасху. У меня чудные внуки» [Беседа по-русски... 2012]. Впрочем, многочисленных подробностей о своих близких он никогда не сообщал: «Я очень дорожу частной жизнью ... Я просто не люблю много о себе рассказывать. В этом нет секретов, я просто не являюсь публичной персоной»¹⁶⁴.

Тем не менее, в феврале 2011 г. 72-летний А. Чернов был назначен на должность губернатора штата Виктория, став первым представителем русской диаспоры, занявшим столь высокий пост. Приглашение на эту должность было для него полной неожиданностью: «Предложение стало для меня ударом грома среди ясного неба. Меньше всего я думал о том, что буду губернатором этого штата»¹⁶⁵.

¹⁶³ Губернатор штата Виктория – Алексей Чернов, Австралия. / Русские эмигранты за границей. 07.05.2012. URL: http://famous-russians-abroad.blogspot.ru/2012/05/blog-post_07.html (дата обращения: 07.06.2018).

¹⁶⁴ The Melbourne man // By Sushi Das. The Age. 07.02 2009. URL: <http://www.theage.com.au/national/the-melbourne-man-20090206-7zzz.html> (дата обращения: 07.06.2018).

¹⁶⁵ Former judge Alex Chernov is Victoria's next governor / By Milanda Rout. The Australian. 21.02.2011. URL: <http://www.theaustralian.com.au/national-affairs/state-politics/former->

На церемонии в Мельбурне он был приведен к присяге главным судьей Верховного суда М. Воррен и, принеся клятву верности Ее Величеству королеве Елизавете II, подчеркнул, что это назначение было большой честью: «Я ощущаю доверие, возложенное на меня, и большую ответственность этой должности. ... Как австралиец с русскими корнями, считаю важным содействовать сохранению культурного многообразия страны, – заявил губернатор. – Традиции, культура, язык, религия – вот то, что отличает одну нацию от другой, но в то же время не препятствует объединению. Именно на таких принципах вырос австралийский народ». «Хочу сразу сказать, что от меня, как от губернатора, не стоит ждать каких-либо новаторских решений, – заметил Чернов. – Полагаю, что это прерогатива главы правительства штата. Однако считаю своим долгом содействовать любым начинаниям, касающимся поддержки населения, пострадавшего от стихийных бедствий, а также повышения уровня образования, воспитания молодежи, акцентируя их внимание на этике, знаниях и трудолюбии». На вопрос, придерживается ли он монархического или республиканского строя государства, он ответил, что правящая конституционная монархия доказала свою состоятельность. «Как давший клятву верности Ее Величеству королеве Великобритании, считаю неуместным обсуждать подобные темы», – сказал губернатор, заявив, что не будет принимать участие в публичных дебатах, касающихся вопроса установления республики [Решетилов 2011].

Премьер штата Тэд Бэйлью отметил, что А. Чернов – идеальный кандидат для своего поста: «Он человек, испытывающий сочувствие, педагог, юрист, воспитатель молодежи, который принесет с собой опыт лиде-

ра и международные контакты»¹⁶⁶. Губернатор также выступал сторонником мультикультурализма и развития всесторонних отношений своего штата со многими государствами мира, что он неоднократно подчеркивал в своих официальных выступлениях¹⁶⁷. Помимо того, он был «известен своей безудержной энергией, потрясающей работоспособностью и требовательностью. И никто его не видел в плохом настроении» [Решетиллов 2011].

Назначение Чернова губернатором было очень тепло встречено и среди русских австралийцев. Несмотря на большую численность диаспоры, насчитывающую около 200 тыс. человек, это – первый случай избрания человека с русскими корнями на столь высокий пост¹⁶⁸.



*Фото 3. Губернатор штата
Виктория Алекс Чернов*

Судьбу А. Чернова можно назвать по-настоящему счастливой. В интервью для прессы он сказал: «В жизни мне повезло, все должности, которые я занимал, были интересными. Мне очень нравилось быть адвокатом, затем я возглавлял организацию адвокатов штата, потом всей Австралии. Был судьей и ректором университета. Работа губернатора мне нравится

¹⁶⁶ Алексей Чернов приведен к присяге. / Переводика. 26.04.2011. URL: <http://perevodika.ru/articles/18440.html> (дата обращения: 08.06.2018).

¹⁶⁷ Australian Multicultural Community Services 30th Anniversary. 07.05.2013. URL: <http://www.governor.vic.gov.au/victorias-governor/publications/speeches/speech/speech/211> (дата обращения: 07.06.2018).

¹⁶⁸ Алексей Чернов приведен к присяге. / Переводика. 26.04.2011. URL: <http://perevodika.ru/articles/18440.html> (дата обращения: 08.06.2018).

особенно тем, что удастся встретить интересных людей. И это не только такие высокопоставленные люди, как королева, но и простые люди». Говоря об обязанностях губернатора, объяснил: «Три части в этой работе. Первая церемониальная, например, я открываю парламент, возлагаю венок к памятнику погибшим воинам на утренней службе в День АНЗАК. Привожу к присяге министров и судей штата. Вторая часть очень важная, но не очень заметная внешне. Это наблюдение за соблюдением конституции в штате. Каждый вторник я встречаюсь с министрами, и мы обсуждаем принимаемые законы и решения правительства, проверяем, что все идет в рамках нашей конституции демократического общества. Никаких проблем мы не видим, но такая миссия необходима. А больше всего времени у меня занимает третья часть – встречи с общественными организациями. Моя жена и я являемся покровителями более чем 160 организаций Виктории. Это, например, организации, которые помогают людям с физическими недостатками – слепым, глухим, людям бедным и бездомным. Кроме этого, мы встречаем важных персон, которые приезжают к нам в штат из других стран – послов, президентов, членов королевских домов». Во время визита Елизаветы II с супругом в 2012 г. чета Черновых устраивала для нее официальный прием. «Суммируя все три части моих обязанностей в этой должности, можно сказать, что это не самая легкая работа, как, может быть, кажется со стороны»¹⁶⁹.

Это действительно так: график работы губернатора исключительно интенсивен, и редкий день А. Чернова и его супруги обходился без 2–3 официальных визитов или посещений различных учреждений и благотворительных

¹⁶⁹ Беседа по-русски в Доме губернатора. Интервью с губернатором штата Виктории Алексеем Черновым. / Владимир Кузьмин. Единение. 01.10.2012. URL: <http://www.unification.com.au/articles/read/1484/?lang=en> (дата обращения: 08.06.2018).

акций¹⁷⁰. Не оставил он без внимания и возможности установления дружественных связей с Россией: «Я хочу установить больше контактов в области искусства между Мельбурном и Петербургом. Эти города считаются городами-побратимами. В Петербурге находится известный всему миру «Эрмитаж» и в Мельбурне неплохая галерея. Есть интерес и поддержка с австралийской стороны, теперь дело за российской стороной». Обращаясь к членам русской диаспоры, он сказал: «Я хочу пожелать, чтобы у людей с русским наследием, даже если они и не жили в России, как, например, моя мама, эти корни, а особенно, православная вера и культура, осталась с ними навсегда... Я желаю всем читателям, чтобы они понимали, в какой чудесной стране они живут, но, чтобы не забывали и свою культуру. Русская культура богата настоящими талантами»¹⁷¹.

В 2012 г. А. Чернов был удостоен Ордена Австралии; это было признание его «роли в продвижении высшего образования, в частности, развитии академических и административных программ в Мельбурнском университете, создании австралийского Института Индии, и в области судебной системы»¹⁷². В мае 2014 г. он был удостоен почетной докторской степени в Университете Монаша – одном из крупнейших в стране. Алекс Чернов занимал пост губернатора Виктории до 2015 г., установив своего рода рекорд по продолжительности пребывания в этой должности среди губернаторов АС. Параллельно он зани-

¹⁷⁰ Vice-Regal Notes. URL: <http://www.governor.vic.gov.au/victorias-governor/vice-regal-notes> (дата обращения: 08.06.2018).

¹⁷¹ Беседа по-русски в Доме губернатора. Интервью с губернатором штата Виктории Алексеем Черновым. / Владимир Кузьмин. Единение. 01.10.2012. URL: <http://www.unification.com.au/articles/read/1484/?lang=en> (дата обращения: 08.06.2018).

¹⁷² Australia Day honours list goes Melbourne's way / The Australian. 26.01.2012. URL: <https://www.theaustralian.com.au/higher-education/australia-day-honours-list-goes-melbournes-way/news-story/ff714da61ac83461afe6cf468e9394f8> (дата обращения: 08.06.2018).

мал, согласно обычаю, дополнительно и должность администратора Содружества, который осуществляет полномочия генерал-губернатора Австралии в отсутствие или по болезни представителя главы государства.

Подводя итоги всему вышеизложенному, можно отметить, что в современной Австралии для благополучной карьеры в какой бы то ни было области этническое происхождение зачастую не играет решающей роли. Впрочем, для того, чтобы достичь высоких ступеней в общественно-политической жизни страны и участвовать в большой политике, необходимо оторваться от диаспоры. Большая политика подразумевает защиту интересов всего населения страны, а не только одной его этнической составляющей. Так, функции губернатора определяются конституциями штата и АС, а обязанности члена парламента – соответствующими законами страны, инструкциями и программой партии, к которой он принадлежит. Именно в этих рамках и действуют те выходцы из России, которые решили стать австралийскими политиками. И это единственно возможный путь для успешной карьеры человека – да и для процветания общества в целом.

Глава 12. ОСОБЕННОСТИ САМООРГАНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ОБЩИНЫ В АВСТРАЛИЙСКОМ СОЮЗЕ В XX - НАЧАЛЕ XXI В.¹⁷³

*«Ах! если любит кто кого,
Зачем ума искать и ездить так далёко?»
А.С. Грибоедов. «Горе от ума».*

В течение последних десятилетий в недрах российской диаспоры в Австралийском Союзе (АС) происходят весьма любопытные явления, неоднократно подмеченные

¹⁷³ Сведения об авторе: Скоробогатых Наталья Сергеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра ЮВА, Австралии и Океании, ИВ РАН, Москва. E-mail: arhip2212@yandex.ru.

СМИ. В частности, речь шла о праздновании на Южном континенте Дня Победы 9 мая – с георгиевскими ленточками и прочей новой российской атрибутикой – и проведении марша «Бессмертный полк», словно скопированных с аналогичных мероприятий в Москве. Попытка ответить на вопрос, когда и как возникли эти новшества, тесно связанные с россиянами, проживающими ныне в АС, – основная цель этой работы.

Самоорганизация российской диаспоры в Австралии восходит к началу XX в., когда в страну прибыли в массовом порядке выходцы из Российской империи, чьи взгляды и намерения разнились по целям и задачам. Русская революционная иммиграция в АС фактически сошла на нет в 1920-х гг., оставив своим наследником Коммунистическую партию Австралии (КПА) [см.: Артемов 2017: 7-122]. Первые волны беженцев от Октябрьской революции – белогвардейцы – принесли с собой антисоветские настроения, но в массе своей эти люди «демонстрировали слабое идеологическое единство» [The Australian People 2001: 639]. Они остались там навсегда, а ностальгия и необходимость во взаимопомощи подтолкнули их к созданию первых этнических объединений – как вокруг церковных приходов, так и светских по сути своей. «Среди иммигрантов, приехавших в этот период, были офицеры Белой армии и казаки, которые не приняли большевистскую власть в России. Несмотря на трудные жизненные условия, незнание английского языка, тяжелую физическую работу и разбросанность по территориям штатов, эти русские «первопроходцы» стали совершать чудеса: объединялись в православные общины, строили церкви, открывали русские школы и клубы. Другими словами, строили в чужой стране свой русский мир, свою маленькую Россию, без которой они жить не могли» [Австралиада 2004: 131]. Вся эта работа по объединению людей, в том числе в рамках отделений Народно-трудового союза (НТС), казаков, скаутов, благотворительных организаций, исходила изнутри об-

щины: это были добровольные сообщества во главе с наиболее инициативными членами самой диаспоры. Средства на их деятельность собирались среди их же участников, а основной задачей было сохранение духа старой России и дореволюционной культуры. По словам известного австралийского специалиста по истории российской диаспоры в АС Т. Пула, «именно националисты из числа белых являлись ее патриотически ориентированной частью, они составляли примерно 80% русского населения Брисбена» [Русская эмиграция... 2011: 159-160]. Единственное, что было базой их сплочения, – это Русская православная церковь (РПЦЗ) да неприятие в любой форме идеологии и политики СССР. Профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета Г.И. Каневская считала, что «сфера политического сознания часто становилась для них дестабилизирующим фактором, но объединял все политические группировки антисоветизм и национализм, а также общая цель – возрождение Великой России» [Каневская 2008].

На рубеже 1940-х–1950-х гг. к ним примкнули новые иммигранты: основу послевоенной волны составили главным образом «перемещенные лица»: они приехали сюда, вырвавшись из послевоенной Европы в состоянии, которое определялось сжато и емко: «без иллюзий и испуганы». На их долю выпало немало трудностей, что усугублялось и политикой «белой Австралии», нацеленной на ассимиляцию неанглосаксонских иммигрантов. Непротивление этой политике спасало от подозрительности, а порой и неприязни со стороны англоязычных соседей, для которых «русский» был зачастую синонимом «большевика». Вскоре вслед за ними прибыли и беженцы от политики властей КНР – «китайские русские» из Харбина, и «послевоенная волна была многочисленней, чем предшествующие ей, и проживание русских в Австралии стало более «рассеянным» в том смысле, что они расселились по всему континенту. Главными центрами русской иммигра-

ции в послевоенный период стали индустриально развитые штаты НЮУ и Виктория с городами – Сидней и Мельбурн, а Квинсленд и Брисбен переместились на третье место» [Каневская 2008]. Новоприбывшие также испытывали мало симпатий к СССР. Именно они в 1950 г. начали издавать первую в АС русскую газету «Единение», ставшую одним из системообразующих факторов русской диаспоры на пятом континенте – наряду с учрежденной в 1946 г. Австралийско-Новозеландской епархией РПЦЗ, благодаря которой русские православные общины и храмы появились во всех центрах расселения русских. В те годы по-прежнему постоянно работало множество общественных организаций – от молодежных и около церковных до научно-познавательных. Их деятельность главным образом была нацелена на сохранение своих национальных корней и этничности для тех, кто в этом нуждался, даже в условиях не самого благожелательного к этому общественного климата АС в целом [см: Скоробогатых 2014].

И внутри диаспоры долгое время сохранялись прежние разногласия. Старожилы Сиднея на собрании Русского клуба, созданного еще в 1924 г. участниками Белой гвардии и выросшего из Кружка русских эмигрантов, спустя многие годы не забыли политическое противостояние «белых и красных». Один из его участников вспоминал: «Я пришел в Русский клуб сразу после приезда из Харбина, в начале 60-х, а мне сказали, что нет, таких, как ты, нам не надо. Ты комсомолец, бывший секретарь Союза советской молодежи, дедушка коммунист. И я ушел, а вернулся сюда и стал членом клуба уже в середине 70-х»¹⁷⁴. Такая подозрительность и отторжение чужаков имели под собой весомые основания: эмиграция была вынужденная, идеологически и политически мотивированная; самоорганизация людей была средством выживания и взаимопо-

¹⁷⁴ Русский клуб в Сиднее отмечает 93-й год рождения. / Владимир Кузьмин. Единение. 06.11.2017. URL: <http://www.unification.com.au/articles/read/3935/> (дата обращения: 15.06.2018).

мощи в инокультурной и не всегда доброжелательной среде. Ностальгия по утраченной родине была искренней, а попытка сохранить свою веру и культуру вполне понятной. Именно созданные российскими беженцами общины и помогли им выстоять.

Стоит отметить, что, начиная с 1930-х гг., параллельно с центрами общественной жизни белой эмиграции и как своего рода противовес им по инициативе извне, а точнее, из Москвы – стали появляться и организации совсем иного порядка: Австралийская ассоциация экономической помощи Советскому Союзу, Общество содействия СССР и другие [Рудницкий 1991: 144-148]. Как правило, их активистами чаще всего являлись члены КПА и представители прогрессивной общественности АС: Джесси Стрит, Катарина Сусанна Причард и другие. Задачей этих объединений стала реклама советского образа жизни, и в глазах многих австралийцев они были и проводниками просоветской линии во внешней политике. Этим объяснялись и приглашения почти на государственном уровне нужных лиц для поездок в СССР, и щедрая помощь финансами и пропагандистскими материалами. Особенно активизировалась их деятельность после нападения Германии на СССР в период Второй мировой войны. Эти события стали благодатной почвой для появления в 1943-1944 гг. огромного для малонаселенной Австралии числа комитетов помощи СССР: Лиги дружбы с Россией, Друзей Советского Союза, Комитета медицинской помощи русским и многих других. Вместе с австралийцами свою лепту в поддержку СССР вносили и представители русской общины. В годы совместной борьбы с фашизмом менялось и отношение к СССР среди представителей диаспоры, которые в массе своей с энтузиазмом поддерживали борьбу Советского Союза с фашизмом, и антикоммунистические настроения в эти годы были «не в моде» [Скоробогатых 2014: 139-141]. Министр иностранных дел РФ С.В. Лавров отдал дань этому периоду в одном из недавних своих вы-

ступлений: «Мы помним о поддержке, оказанной австралийцами нашей стране в суровые годы войны с фашизмом. В Австралии была проведена широкая кампания «Овчина для России», в рамках которой наши солдаты получили с «зеленого континента» около четырехсот тысяч полушубков, а в госпитали было отправлено порядка сотера контейнеров с медикаментами и медицинским оборудованием. Важную роль в разгроме нацизма сыграли союзные конвои, в которых участвовали австралийские летчики и моряки. Их заслуги были отмечены медалями Ушакова, а также юбилейными медалями, приуроченными к разным годовщинам Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»¹⁷⁵. Несколько снизилась активность этих организаций в годы холодной войны, но они существовали вплоть до начала 1990-х гг., пока не исчез СССР и не иссяк на время поток денег из Москвы.

Мультикультурализм, принятый властями АС в начале 1970-х гг. и направленный на сохранение культурных традиций небританских групп в рамках общего социокультурного пространства, стал для этнических меньшинств, в том числе и российского происхождения, благодатной почвой для деятельности. Во всех штатах были созданы этнические представительства, которые работали в непосредственной связи с местными властями [см.: Скоробогатых 2004: 135-146]. Перестройка в СССР и появление РФ сказались на настроениях российской диаспоры: ушли в прошлое былые обиды, притупилась боль за потерянную родину; формально уничтожены были и идеологические расхождения – все дружно принялись строить капитализм. Наконец, простое человеческое сострадание толкнуло многих австралийских русских на помощь бывшим соотечественникам. Поддерживать обнищавшее в последнее десятилетие XX в. население России стали как раз по-

¹⁷⁵ Россия и Австралия: 75 лет взаимодействия. / Единение. 24.01.2018. URL: <http://www.unification.com.au/articles/read/4027/> (дата обращения: 15.06.2018).

томки бежавших когда-то от революции мигрантов. По словам наблюдавших это явление российских дипломатов, бывшие их соотечественники в Австралии жили с верой в возрождение и процветание России и при первой возможности стремились к налаживанию контактов с исторической Родиной. Представители русской общины приняли участие в трех конгрессах соотечественников (1991, 1993 и 1995 гг.), в других форумах и встречах. Несмотря на свои ограниченные материальные возможности, они активно занимались благотворительностью, в частности, пожертвовали немалую сумму на восстановление храма Христа Спасителя в Москве [см. подробнее: Дипломатический... 1998]. Надо сказать, что и немало крови испортили австралийским благотворителям российские чиновники, которые в 1990-х гг. охотно принимали денежные средства, но чинили массу препятствий для посылок с гуманитарным грузом, придираясь к каждой запятой на сопроводительных бумагах. Об этом неоднократно рассказывал известный священник из Мельбурна о. Михаил Протопопов – да и не он один [История Русских... 2004: 264, 266, 267].

А еще в АС из вконец разоренной России, воспользовавшись всеми появившимися возможностями, хлынул поток новых иммигрантов – уже не политически, а сугубо экономически мотивированных. Австралийские исследователи охарактеризовали их как «новую, шестую волну миграции». Свободный выезд из РФ обусловил основную цель большинства из них – главным образом, это поиск лучших условий проживания. И АС оказался весьма привлекательной страной: высокий уровень жизни, масса льгот и преимуществ для приезжих в рамках политики мультикультурализма. Большую часть этого потока составили лица с высшим образованием, высококвалифицированные специалисты с хорошим знанием английского языка [The Australian People 2001: 641, 642]. Среди них можно встретить даже приехавших сюда миллионеров ти-

па ставшего печально знаменитым владельца кемеровского ТЦ «Зимняя вишня» Д. Штенгелова, чье состояние оценивают в 600 млн долл. и чья «КДВ Групп» в рейтинге Forbes «200 крупнейших частных компаний России 2017» заняла 82-е место¹⁷⁶.

Эта же тенденция преобладала и в начале XXI в. По данным австралийских властей, в 2003-2010 гг. вид на жительство в Австралии получили 3,5 тыс. россиян, или в среднем от 400 до 500 человек ежегодно [Кудрявцева 2013]. В последней переписи населения в 2016 г. более 85 тыс. человек сообщили о своих русских корнях; дома на русском языке разговаривали более 50 тыс. человек. Это, соответственно, на 11 и 10% больше, чем по предыдущей переписи 2011 г.¹⁷⁷ Впрочем, в масштабах полиэтнической Австралии это не очень много – по крайней мере в десятку наиболее крупных диаспор (ее замыкают немцы – 124 тыс. чел) наши бывшие соотечественники не входят [Migration... 2015/16]).

Тем не менее, ряды выходцев из России в АС неуклонно растут. Но здесь необходимо уточнение, прекрасно сформулированное российским ученым из Санкт-Петербурга профессором А.Я. Массовым, который выделил особенности этой иммигрантской группы: «Вторая часть современной русской диаспоры – это «экономическая» эмиграция уже из постсоветской России. Она никак не ностальгирует, ее интересует возможность побыстрее укорениться в англо-австралийском обществе и забыть о том, что они из России. И третья часть тех, кого можно назвать «русской» диаспорой по их культурной ориентации – еврейская эмиграция из постсоветской России. Эти

¹⁷⁶ Совладелец «Зимней вишни» перечислил семьям погибших 192 млн рублей / Андрей Злобин. Forbes. 29.03.2018. URL: http://www.forbes.ru/biznes/359343-sovladelec-zimney-vishni-perechislil-semyam-pogibshih-192-mln-rublei?utm_campaign=barter (дата обращения: 15.06.2018).

¹⁷⁷ Перепись-2016, сколько русских в Австралии? / Владимир Кузьмин. Единение. 03.07.2017. URL: <http://www.unification.com.au/articles/read/3802/> (дата обращения: 15.06.2018).

люди говорят на русском языке, читают русские газеты, но по России тоже не ностальгируют и тоже ориентированы на скорейшую натурализацию»¹⁷⁸.

Обустроившись на новом месте и разобравшись, что к чему, многие из них нашли и новое применение своим навыкам и склонностям, в том числе и в среде своих бывших соотечественников, привнеся в нее неведомые ранее черты. Они же и возглавили новые организации, которые возникли и работают внутри российской диаспоры. Всего в начале 2018 г. насчитывалось более 50 таких общественных организаций. Список посольства РФ более подробный и насчитывает 80 с лишним – включая художественные коллективы, интернет порталы и СМИ, русские этнические представительства в штатах, а также организации первых волн российской иммиграции: Русский Дом-музей в Австралии, Харбинско-Китайское историческое общество, уже упоминавшийся Русский Клуб в Стратфилде, молодежные, спортивные, благотворительные, околоцерковные организации и профессиональные объединения [см.: Организации соотечественников...].

Надо сказать, что за эти годы самым кардинальным образом изменился и подход властей РФ по отношению к русским эмигрантам. Если в период Советской власти их расценивали исключительно как предателей Родины, то теперь в одночасье они превратились в ценный социально-политический ресурс влияния. Закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» 1999 г. (регулярно пересматривавшийся в 2002-2013 гг.), гласил, что «отношения с соотечественниками за рубежом являются важным направлением внешней и внутренней политики Российской Федерации», и «соотечественники, проживающие за рубежом,

¹⁷⁸ Российский эксперт о политике Австралии и русской диаспоре. / Анна Плотникова. Голос Америки. 16.10.2013. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/ai-massov-interview/1750763.html>. (дата обращения: 15.06.2018).

вправе полагаться на поддержку Российской Федерации в осуществлении своих гражданских, политических, социальных, экономических и культурных прав, сохранении самобытности». Тогда же учреждались и координационные советы соотечественников, которые представляют их «интересы ... в органах государственной власти Российской Федерации и органах государственной власти субъектов Российской Федерации»; в частности, «высшим представительным органом, обеспечивающим взаимодействие соотечественников с органами государственной власти РФ и ее субъектов, является Всемирный конгресс соотечественников, который проводится не реже одного раза в три года». В понятие «соотечественника за рубежом» включались как потомки старой эмиграции, так и проживающие за границей граждане РФ с очень широкой трактовкой. «Цели государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников заключаются в оказании государственной поддержки соотечественникам, в том числе в обеспечении правовой защиты их интересов, а также условий, при которых они могли бы в качестве равноправных граждан жить в иностранных государствах или вернуться в Российскую Федерацию». При этом «финансирование деятельности в области отношений с соотечественниками осуществляется за счет средств федерального бюджета и бюджетов субъектов РФ в соответствии с полномочиями, установленными федеральными законами»¹⁷⁹.

Исходя из этих установок строилась и вся последующая стратегия отношений с диаспорами, обеспечивая им поддержку любых инициатив – от экономической до культурно-просветительской деятельности.

¹⁷⁹ Федеральный закон от 24 мая 1999 г. N 99-ФЗ. «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13875/page/2>. (дата обращения: 15.06.2018).

К исполнению федерального закона немедленно приступили многочисленные организации: от центральных в Москве до страновых. В наши дни под эгидой правительства РФ вопросами соотечественников занимаются буквально все: от Государственной Думы, МИД России, Россотрудничества, Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, Московского дома соотечественника, Института русского зарубежья, Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, Института стран СНГ и прочих – до региональных правительств и их отделов. О размахе их деятельности свидетельствует, к примеру, созданный в 2001 г. в Москве Международный совет российских соотечественников (МСРС) – единственное всемирное объединение организаций российских соотечественников, включающее в свои ряды 137 организаций из 52 стран мира [Международный совет...]. Еще одно аналогичное учреждение – Всемирный координационный совет российских соотечественников, проживающих за рубежом (ВКС) – исполнительный орган Всемирного конгресса, был создан МИД РФ в 2010 г. для «дальнейшей консолидации общественных объединений, проживающих за рубежом российских соотечественников»¹⁸⁰.

Огромно число чиновников по их обслуживанию: только в Федеральном агентстве по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) числятся, не считая московского центра, сотрудники в 96 его представительствах в 81 стране мира, 72 российских центрах науки и культуры в 62 странах, 24 представителя в составе посольств РФ в 22 странах [см.: Представительства в мире]. Глав-

¹⁸⁰ МИД России | 04/06/2010 | Положение о Всемирном координационном совете российских соотечественников, проживающих за рубежом. URL: <http://vksrs.com/docs/vsemirnyy-koordinatsionnyy-sovet/polozhenie-o-vsemirnom-koordinatsionnom-sovete-rossiyskikh-sootchestvennikov/> (дата обращения: 15.06.2018).

ная задача этих организаций, помимо официальных положений уставных документов, – продвижение политики РФ среди самых широких слоев населения зарубежных стран.

Самый яркий пример новой формы организации в рядах российской диаспоры Южного континента – Совет российских соотечественников в Австралии (СРСА, или Координационный совет организаций российских соотечественников в Австралии, КСОРС), созданный в 2006-2007 гг. из представителей всех штатов и территорий. Официальный сайт СРСА провозгласил: «Наша цель – дружная и успешная община, поддерживающая теплые и партнерские отношения с Россией, которая проживает в мире и гармонии с окружающим ее австралийским миром. Совет соотечественников работает на сохранение нашего богатого культурного и исторического наследия, обычаев и традиций, русского языка» [Совет российских...]. Согласно Уставу СРСА в редакции 2016 г., «данная ассоциация создана для координации деятельности общественных русскоязычных организаций и объединений соотечественников и является зонтичной структурой, под эгидой которой на добровольной основе объединяются различные общественные и благотворительные организации, русские школы, русскоязычные СМИ, художественные, театральные и танцевальные коллективы, созданные соотечественниками на территории Австралии на принципах самоокупаемости» [Устав...]. В СРСА входят Территориальные координационные советы (ТКС), образованные и действующие на территории всех штатов и территорий Австралии из числа общественных организаций российских соотечественников. Пожалуй, впервые была создана всеавстралийская организация, объединившая все виды деятельности диаспоры. Весьма характерно то, что в качестве «полезных ресурсов» ее сайт указывает Посольство РФ в Австралии, Генконсульство РФ в Сиднее, Всемирный координационный совет российских соотече-

ственников, Портал «Русский век», Фонд «Русский Мир», Центр Русского зарубежья в Москве.

Вполне логично, что цели и задачи СРСА включают также «поддержку усилий объединений соотечественников по продвижению в общественную жизнь Австралии объективного образа России, информационного обеспечения соотечественников на русском языке», «развитие российской культуры в Австралии, укреплению дружественных отношений Австралии с Российской Федерацией». Интересно отметить и еще одно положение: «Во избежание конфликта интересов, в правление ТКС не может быть избрано лицо, занимающее посты руководителя или члена руководящих структур политических партий, общественно-политических движений, депутаты представительных органов власти всех уровней в Австралии» [Устав...]. Таким образом, отсекается какое бы то ни было участие в политике АС, и только «в исключительных случаях может быть рассмотрен вопрос об участии в работе ТКС в рамках партнерства на добровольной основе представителей соотечественников, широкоизвестных физических лиц, владельцев бизнес-структур, оказывающих спонсорскую или благотворительную помощь, либо выступающих в качестве меценатов». Финансовым обеспечением работы СРСА занимаются Правления ТКС: «Прием заявок на гранты по линии МИД и Россотрудничество; Утверждение единой кандидатуры от штата на поездки по линии Россотрудничество и МИД». Кроме того, «фонды ассоциации пополняются из пожертвований и других определенных Правлением источников» [Устав...].

Из этого явствует, что основной официальный источник финансирования – казна РФ, и вопрос о грантах из РФ – частая тема на сайте СРСА. Впрочем, задействованы и австралийские финансы: так, в 2017 г. был «получен правительственный грант за подписью мультикультурно-

го министра на проведение Дня Победы»¹⁸¹, какую-то часть 11 млн долл. от правительства НЮУ на нужды этнических школ штата получили и русские школы¹⁸². И это уже давно установившаяся практика.

В заданных рамках и ведется работа СРСА по основным направлениям деятельности: скаутское движение, театры, спортивные клубы, школы, пропаганда изучения и распространения русского языка и культуры, фестивали с приглашением московских звезд, организованные с помощью и размахом поездки в РФ для участия в ежегодной программе Россотрудничества «Здравствуй, Россия!». Последняя поездка 2017 г. по этой программе особенно впечатлила: экскурсии по Москве, посещение храмов различных традиционных для России конфессий, музеи и мемориалы, и просветительское мероприятие «О возможностях российского высшего образования» в Российской академии народного хозяйства и государственной службы¹⁸³. Для детей из православных семей было организовано участие в международных съездах Содружества православной молодежи, которые проводятся с 2007 г. после подписания Акта о каноническом общении РПЦ и РПЦЗ. Эти поездки

¹⁸¹ Об актуальных вопросах повестки Региональной конференции стран АТР. / Ирина Симоньян. Всемирный координационный совет российских соотечественников, проживающих за рубежом. 25.04.2017. URL: <http://vksrs.com/publications/ob-aktualnykh-voprosakh-povestki-regionalnoy-konferentsii-stran-atr/> (дата обращения: 15.06.2018).

¹⁸² Профессиональный подход к обучению в этнических школах НЮУ. / Владимир Кузьмин. Единение. 10.11.2017. URL: <http://www.unification.com.au/articles/read/3953/>; На конференции этнических школ в Сиднее. / Владимир Кузьмин. Единение. 07.10.2017. URL: <http://www.unification.com.au/articles/read/3907/> (дата обращения: 15.06.2018).

¹⁸³ Ребята из Австралии снова принимают участие в программе “Здравствуй, Россия!” / Время. 23.08.2017. URL: https://vremya.com.au/2017/08/23/rus_au/ (дата обращения: 15.06.2018).

дополнили экскурсии по Золотому Кольцу¹⁸⁴. Столь же насыщенной была и программа приема молодежи в Москве: «Слёт длился пять дней и включал целый ряд лекций, дискуссий, мастер-классов и презентаций с участием преподавателей МГИМО, сотрудников МИД РФ, руководителей различных профильных ведомств и организаций. ...Помимо рабочих сессий, для участников была подготовлена очень интересная программа: квесты от Музея ратной истории Москвы, экскурсия в Кремль, концерт в Лужниках, посвященный Дню народного единства. ... В результате пятидневной работы участники форума выработали целый список рекомендаций для решения проблем, касающихся молодых соотечественников, проживающих за рубежом»¹⁸⁵. Участвовали русские австралийцы и в иных международных мероприятиях: в 2015 г. конкурс чтецов «Живая классика», участие в форуме «Русское зарубежье» в Санкт-Петербурге, Первом Всемирном форуме молодых соотечественников в Софии, поездке молодых активистов и членов казачьего движения в Забайкальский край по программе «Новое поколение» [Симоньян 2015]. Все это очень схоже с 1930-ми годами: нынешними властями РФ используется все та же опробованная и испытанная практика и тактика правительства Советского Союза и Коминтерна!

¹⁸⁴ Съезд «Содружество православной молодежи» - смотр талантов, знакомства и стимул понять свою духовную родословную / Татьяна Морозова. Всемирный координационный совет. 25.09.2017. URL: <http://vksrs.com/publications/sezd-sodruzhestvo-pravoslavnoy-molodezhi-smotr-talantov-znakomstva-i-stimul-ponyat-svoyu-dukhovnyuyu/> (дата обращения: 15.06.2018).

¹⁸⁵ Участник V Слёта молодых соотечественников: это была площадка для реальной работы. / Руслан Шаймиев. Всемирный координационный совет российских соотечественников, проживающих за рубежом. 28.11.2017. URL: <http://vksrs.com/publications/uchastnik-v-slyeta-molodykh-sootchestvennikov-iz-avstralii-eto-ploshchadka-dlya-realnoy-raboty/> (дата обращения: 15.06.2018).

Такие вложения в строительство «русского дома» необходимо отрабатывать, и одним из направлений деятельности СРСА стала попытка перенесения на австралийскую землю российских праздников – День Победы, День России, Бессмертный полк, День народного единства, Масленица. Все они, не исключая последнюю, представляют собой сколки новой российской праздничной традиции. «Масленица и День Победы стали по-настоящему массовыми в Австралии в последние годы. В Мельбурне Масленица успешно проводится Русским этническим представительством. В Сиднее она проходит при поддержке ТКС НЮУ, а число гостей на праздниках исчисляется уже сотнями и уверенно идет к тысяче»¹⁸⁶. В 2017 г. «Большой Русский Пикник» в живописном центре Сиднея по случаю Дня России и празднование Дня Победы привлекли большое количество людей: проводились викторина на знание России с памятными подарками для трех победителей и «небольшая «официальная» церемония, с поздравлениями и благодарностями гостей, в завершении которой все присутствующие хором исполнили гимн России»¹⁸⁷.

Активизировались и ТКС. Только в штате Новый Южный Уэльс под его эгидой в 2017 г. работали около 40 организаций соотечественников: русскоязычные СМИ, Русское благотворительное общество им. Сергея Радонежского, 5 русских школ, 2 общественных клуба и 3 спортивных объединения, Ассоциация русскоязычных адвокатов Австралии, Ассоциация ветеранов ВОВ и их семей, а также творческие и общественные организации. В ТКС на перспективу 2017-2018 гг. были запланированы Круглый стол

¹⁸⁶ СРСА – перемены ради будущего. / Ирина Симоньян. СРСА. 28.09.2017. URL: <http://rarc.com.au/2017/09/28/rarc/> (дата обращения: 29.03.2018).

¹⁸⁷ Молодежь Сиднея дружно отпраздновала День России / СРСА. 19.06.2017. URL: <http://rarc.com.au/2017/06/19/молодежь-сиднея-дружно-отпраздновал/> (дата обращения: 29.03.2018).

по программе добровольного переселения соотечественников в Россию, празднование Дня учителя, проведение Славянской ярмарки, Географического диктанта, а также новогодних праздников¹⁸⁸.

Ведется и работа с молодежью с использованием и неформальных подходов, и местных австралийских традиций проведения отдыха. Это пикники на природе и с 2015 г. трехдневный проект «Русский семейный лагерь» в пригороде Сиднея для тех, кто «неравнодушно относится к здоровому образу жизни, русскому языку и воспитанию детей в духе семейных ценностей»¹⁸⁹. Один из организаторов «Лагеря» – весьма успешного и массового русскоязычного проекта последних лет – член СРСА Руслан Шаймиев активно участвовал и в принятой в РФ в 2006 г. госпрограмме добровольного переселения соотечественников в Россию. На ставших уже традиционными заседаниях Круглого стола СРСА, он призывал молодежь к репатриации. Мотивация переселения самая различная: от «возможности вернуться домой, на родину предков и получить российское гражданство» до попыток найти свою нишу в период экономических и социальных проблем в АС¹⁹⁰.

Р. Шаймиев в качестве поощрения в 2017 г. был отправлен в Москву на V Слет молодых соотечественников, где встречался с представителями целого ряда российских ведомств, поддерживающих наших молодых соотече-

¹⁸⁸ В Сиднее состоялось годовое собрание Территориального координационного совета штата НЮУ / 29.09.2017. URL: http://rarc.com.au/2017/09/29/tks_nsw/ (дата обращения: 29.03.2018).

¹⁸⁹ Руслан Шаймиев: Мы не ожидали такого интереса к нашему русскому семейному лагерю! / Время. 13.09.2017. URL: https://vremya.com.au/2017/09/13/rus_camp/ (дата обращения: 15.06.2018).

¹⁹⁰ Связи с Россией не теряются / Время. 14.10.2017. URL: https://vremya.com.au/2017/10/14/rarc_pereselenie/; Информационный семинар в Мельбурне / Кима Гусева. Единение. 22.12.2017. URL: <http://www.unification.com.au/articles/read/3995/> (дата обращения: 15.06.2018).

ственников по всему миру. Поощрялись активисты и вручением медали СРСА «За усердие» и почётных грамот представителям всех поколений диаспоры¹⁹¹. В 2017 г. по сложившейся традиции ко Дню России награждение проходило в Генконсульстве РФ в Сиднее, где состоялся торжественный прием по случаю праздника, на который были приглашены дипломаты, политики, руководители государственных департаментов Австралии, соотечественники, представители бизнеса и СМИ¹⁹².

Настало время поговорить и о нынешней главе СРСА Ирине Симоньян. Она типичный представитель последней миграционной волны, 1972 г.р. из г. Междуреченск (Кемеровская область, СССР). Согласно ее официальной биографии, за ее плечами учеба в Кубанском филиале МЭГУ (бизнес-юриспруденция), юридический факультет МГУ им. Ломоносова (международное право), Национальный Финансовый Институт в Сиднее (бухучет), Университет НЮУ (миграционное право). В 1999 г. уволилась с должности старшего следователя в звании капитана юстиции главного управления по борьбе с экономическими преступлениями МВД Краснодарского края и переехала в Австралию, где работала в австралийской иммиграционной службе, государственном социальном департаменте, юридической фирме «P.K.Simpson&Co», службе занятости и частных финансовых компаниях. С 2009 г. она главный редактор австралийского русскоязычного издания «Время», с 2011 г. член СРСА и президент благотворительной организации «МОСТ Incorporated», деятельность которой направлена на поддержку русского языка, куль-

¹⁹¹ Вручение наград соотечественникам в Брисбене / Наталья Наумова. Единение. 03.01.2017. URL: <http://www.unification.com.au/articles/read/3584/> (дата обращения: 15.06.2017).

¹⁹² В честь Дня России Совет российских соотечественников Австралии наградил активистов / Всемирный координационный совет. 23.06.2017. URL: <http://vksrs.com/news/v-chest-dnya-rossii-sovet-rossiyskikh-sootchestvennikov-avstralii-nagradil-aktivistov/> (дата обращения: 15.06.2018).

туры и позитивного имиджа России. С 2013 г. председатель ТКС штата НЮУ, с 2014 г. председатель СРСА и с 2015 г. член Всемирного координационного совета соотечественников. [Симоньян 2013]. Не умаляя ни ее энергичности, ни возможностей, которые австралийское общество предоставляет образованным иммигрантам, отмечу, что в последние годы в ее публичной деятельности все чаще явно ощущается, как говорили раньше, направляющая «рука Москвы».

Очень репрезентативна в этой связи поездка Симоньян в 2016 г. на заседание ВКС. Во-первых, она и ее коллеги встречались с министром иностранных дел РФ, председателем Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом (ПКДСР) Сергеем Лавровым. Глава МИД РФ был доволен тем, «как прошли празднования Дня Победы в каждой из наших стран и в особенности акций «Бессмертный полк» и «Георгиевская ленточка». Австралию даже отметили как образцового организатора этих мероприятий». Он заверил Симоньян, что «соотечественники, имеющие постоянное место жительства за границей РФ, не являются налоговыми резидентами и, следовательно, не облагаются российскими налогами. Так что спите спокойно». И встреча с представителями РПЦ для Симоньян была не первой: еще в 2015 г. руководитель СРСА официально передала в русскую православную церковь Московского патриархата пожертвования – более 10 тыс. долл. в помощь жителям юга-востока Украины, собранные в результате благотворительной акции «От сердца к сердцу» [Симоньян 2016].

Во-вторых, интересен спектр решений, принятых в Москве: о работе по широкому информированию граждан РФ за рубежом о предстоящих выборах в Государственную Думу; взаимодействие с Россотрудничеством в интересах реализации концепции «Русская школа за рубежом»; о правах на обучение в российских вузах (включая льготы на бюджетные места) для детей лиц с двойным

гражданством; о дополнительных квотах действующим членам ВКС в качестве делегатов для работы на ежегодных региональных конференциях; о делах молодежи и контактах «с отечественным бизнесом», в том числе по «развитию сотрудничества организаций российских соотечественников и российских НПО для осуществления совместных проектов, формирующих объективный образ России в странах проживания» [Симоньян 2016]. Это – уровень не общественной организации, как позиционирует себя СРСА, а как минимум, публично-правового учреждения.

И здесь вновь приходится вернуться к денежным вопросам. Вся эта обширная деятельность требует немало-го финансового обеспечения. По утверждению Симоньян, «как бы не было удивительно для многих, но финансирования работы СРСА нет. Все что делается соотечественниками в СРСА – волонтерство». Заявление достаточно странное, и оно сопровождается перечислением отдельных мероприятий с указанием их стоимости, где фигурируют суммы в тысячах долларов. По самым скромным, отмеченным Симоньян, подсчетам за 2016-2017 гг. СРСА получил и потратил около 80 тыс. долл. – это, не считая дорожных расходов на поездки делегаций по всему миру и прочих «мелочей»¹⁹³. В этой связи актуально звучал призыв «рекомендовать ТКС штатов активнее искать альтернативные источники финансирования для реализации своих проектов»¹⁹⁴. Деньги выделяются на проведение праздников и полугодовых конференций организации, участие в культурно-образовательных программах, и все равно средств мало. И активисты жалуются: СРСА максимально минимизировал «все свои расходы, где это воз-

¹⁹³ СРСА – перемены ради будущего / Ирина Симоньян. 28.09.2017.

URL: <http://rarc.com.au/2017/09/28/rarc/> (дата обращения: 29.03.2018).

¹⁹⁴ Резолюция XXI годового собрания Совета российских соотечественников Австралии / Всемирный координационный совет. 09.08.2017.

URL: <http://vksrs.com/publications/rezolyutsiya-xxi-godovogo-sobraniya-soveta-rossiyskikh-sootchestvennikov-avstralii/> (дата обращения: 15.06.2018).

можно, чтобы поддерживать больше проектов соотечественников, ... не тратится на аренду дорогостоящих конференц-залов как это было раньше, ... волонтеры пекут пирожки дома, встают в 5 утра, чтобы купить цветы на Флемингтоне подешевле, сами делают костюмы и декорации» и т. д. Симоньян сетует, что «формально, еще есть гранты по линии МИД и Россотрудничества, но суммы там мизерные, заявки подаются за полтора года и одобряются не часто». И никаких миллионов, «как пишут некоторые в соцсетях, нет, а есть только режим жесткой экономии каждого доллара ради поддержки проектов соотечественников»¹⁹⁵. Тем не менее, помимо описанной выше рутинной работы в АС, актив СРСА ездит по всему миру; те же ежегодные визиты в Москву за инструкциями и сопровождение делегаций – дорогое удовольствие. Остается предположить, что или в руководство СРСА негласно входят миллионеры-иммигранты типа Штенгелова, или содержание этой организации осуществляется этими же лицами без официального отчета о реально потраченных средствах.

Руководители СРСА часто и пафосно декларируют свою миссию. Приведу соответствующее высказывание И. Симоньян: «Русский мир не есть политика, это состояние ума и души. Мы, люди русского мира, живя каждый в своих странах, начинаем себя чувствовать частью этой земли, любить ее, восхищаться и дорожить. Но при этом мы не только пользуемся, мы привносим свой вклад во все то громадное богатство, которое накопила, взрастила, выстрадала русская цивилизация. Мы готовы делиться с каждым, ничего ни у кого не отнимая и никого не унижая! Именно следуя этим высоким принципам, я веду свою работу в Совете соотечественников Австралии» [Симоньян 2016].

¹⁹⁵ СРСА – перемены ради будущего / Ирина Симоньян. 28.09.2017.
URL: <http://rarc.com.au/2017/09/28/rarc/> (дата обращения: 29.03.2018).

Но, несмотря на громкие слова о своих «высоких принципах» и любви к добровольно оставленной родине, в сложившейся ситуации Симоньян многое не устраивает. Будучи человеком амбициозным и с большими претензиями на собственную значимость, она не всегда довольна отношением Москвы, не видя «серьезного восприятия со стороны российских профильных ведомств, организаций и бизнеса, и доверительного отношения к Советам». Есть и обида на российскую дипломатию: «Принципиально важно, чтобы у всех было понимание, что Советы соотечественников – это организации, которые стоят на защите интересов России и Русского мира за рубежом, с которыми можно и нужно сотрудничать. Увы, некоторые российские дипмиссии по какой-то причине не могут на местах дать понятный сигнал о том, что Советы должны быть пророссийскими»¹⁹⁶. Настаивает она и на более высоком статусе для СРСА, о чем свидетельствует ее обращение к руководству Росмолодежи: «Хотелось бы, чтобы Росмолодежь воспринимала Советы соотечественников не только как объединения, направленные исключительно на работу с соотечественниками на местах, а шире – как полноценных партнеров для всех своих проектов без исключения»¹⁹⁷.

Впрочем, недоразумения по поводу позиции и действий российских властей возникают не только у нее, причем они могут иметь своеобразный оттенок. После посещения Москвы Р. Шаймиев отмечал: «Отправляясь на фо-

¹⁹⁶ Об актуальных вопросах повестки Региональной конференции стран АТР / Ирина Симоньян. Всемирный координационный совет российских соотечественников, проживающих за рубежом. 25.04.2017. URL: <http://vksrs.com/publications/ob-aktualnykh-voprosakh-povestki-regionalnoy-konferentsii-stran-atr/> (дата обращения: 15.06.2018).

¹⁹⁷ Всемирный совет соотечественников и Росмолодежь: начало диалога / Ирина Симоньян. Всемирный координационный совет российских соотечественников, проживающих за рубежом. 08.06.2017. URL: <http://vksrs.com/publications/vsemirnyy-sovet-sootchestvennikov-i-rosmolodezh-nachalo-dialoga/> (дата обращения: 15.06.2018).

рум, я думал, что основная идея подобных слетов в том, чтобы через семинары и лекции мотивировать наших молодых соотечественников вернуться на историческую родину. Однако ... по словам директора департамента по работе с соотечественниками за рубежом МИД РФ Олега Малыгинова, российская сторона заинтересована в том, чтобы наши соотечественники за границей учились, развивались, занимали заметное положение в странах проживания, а рост их авторитета способствовал большему уважению к нашей культуре, стране и позициям России на международной арене»¹⁹⁸. Оставив в стороне явно утопическую идею репатриации из Австралии, отмечу следующее. Корень подобного взаимонепонимания, состоит в том, если для «полууехавших» из РФ историческая родина – источник дополнительного заработка, зависящего напрямую от статуса и авторитета их объединений, то для МИД организации российской диаспоры – это, прежде всего инструмент влияния, некий аналог китайских хуацяо.

И ухудшение отношений РФ, и АС, наблюдающееся в последние годы, заставляет российские госструктуры чаще обращаться к таким рычагам косвенного воздействия на австралийское общество и правительство. Поэтому российские дипломаты активно участвуют во всех мультикультурных мероприятиях, организованных на государственном уровне, куда приглашают и представителей общин. И давая по случаю памятных дат приемы в посольстве, приглашают туда не только представителей австралийских властей, но и активистов диаспоры¹⁹⁹. По-

¹⁹⁸ Участник V Слёта молодых соотечественников: это была площадка для реальной работы / Руслан Шаймиев. Всемирный координационный совет российских соотечественников, проживающих за рубежом. 28.11.2017. URL: <http://vksrs.com/publications/uchastnik-v-slyeta-molodykh-sootchestvennikov-iz-avstralii-eto-ploshchadka-dlya-realnoy-raboty/> (дата обращения: 15.06.2018).

¹⁹⁹ Премьер НЮУ дал обед в Сиднее в рамках "Мультикультурного марта" / Владимир Кузьмин. Единение. 20.03.2017. URL:

этому российская дипломатия не намерена жертвовать давно налаженными отношениями с представителями «старой гвардии» русской диаспоры. Об этом говорит, к примеру, поздравление с юбилеем главного редактора газеты "Единение" В.А. Кузьмина в ноябре 2017 г. послом Г.С. Логвиновым и директором Дома русского зарубежья (ДРЗ) им. Александра Солженицына в Москве В.А. Москвиным²⁰⁰. К слову, в свете этого логичным выглядит и решение Русского исторического общества Австралии о передаче архивных документов и музейных материалов именно ДРЗ, в столицу России²⁰¹. Поколения послевоенной диаспоры уходят в прошлое, и в попытке сохранить ценнейшие документы о русской иммиграции в АС люди, для которых эти бумаги – важные вехи их жизни, обратились к исторической родине.

В подобном контексте отдельного внимания заслуживает рассмотрение текущей ситуации в многослойной, представляющей разные волны иммиграции русской диаспоре. Амбициозный, автократичный стиль руководства и, как считают многие представители русской диаспоры в АС, избыточно политизированный курс, который проводит Симоньян, далеко не всем по вкусу. Водоразделом стал 2014 г.: «Три года назад, после изменения руководства СРСА, в коллективе организации возникли противоречия, в результате которых многие старые опытные члены организации вышли из совета. Новое поколение руководителей, не особенно обеспокоенное этим, стало

<http://www.unification.com.au/articles/read/3676/>; Прием в посольстве России в Канберре / Владимир Кузьмин. Единение. 27.11.2017. URL: <http://www.unification.com.au/articles/read/3971/> (дата обращения: 15.06.2018).

²⁰⁰ Редактору русской газеты в Австралии «Единение» В.А. Кузьмину. / Единение. 06.11.2017. URL: <http://www.unification.com.au/articles/read/3947/> (дата обращения: 15.06.2018).

²⁰¹ Встреча Русского исторического общества в Австралии / Алексей Ивачёв. Единение. 20.11.2017. URL: <http://www.unification.com.au/articles/read/3958/> (дата обращения: 15.06.2018).

выстраивать работу на свой лад. Те, кто критиковал работу на собраниях – выкриками с мест зашикивались, в круг вопросов Совета включались политические мероприятия, что вызвало отход еще одной группы людей»²⁰². По словам Симоньян, «2014-й год внес новую смуту в жизнь русскоязычной Австралии, которая и ранее была противоречивой. СРСА оказался буквально под перекрестным огнем. Отдельные критики политизировали буквально самые простые вещи. СРСА доставалось “на орехи” даже за факт празднования 9 мая! Когда сыпались угрозы и громили русское кладбище в Руквуде, то было не до смеха – собрания приходилось проводить при охране»²⁰³.

Но и в самом Совете вскоре стало возникать недовольство. Бурно проходило в 2017 г. собрание СРСА в Перте, где представители из Квинсленда высказали свое недоверие руководству. Редакция "Единения" отметила, что составленный недавно Устав СРСА практически уводит председателя от ответственности перед соотечественниками, а выбирает главу Совета не представительный форум, а по три представителя правлений, существующих пяти ТКС штатов – так называемый расширенный совет. В Сиднее, часть людей, не принявших стиль работы Совета, создали новую параллельную организацию – Ассоциацию общественных деятелей и организаций (АОДО). На ее организационном собрании было принято предложение донести руководителям Совета соотечественников свою рекомендацию – отойти от должностей до решения конфликта в Совете²⁰⁴.

²⁰² Собрания прошли, проблемы остались / Владимир Кузьмин. Единение. 03.10.2017. URL: <http://www.unification.com.au/articles/read/3900/> (дата обращения: 15.06.2018).

²⁰³ СРСА – перемены ради будущего / Ирина Симоньян. СРСА. 28.09.2017. URL: <http://rarc.com.au/2017/09/28/rarc/> (дата обращения: 29.03.2018).

²⁰⁴ Собрания прошли, проблемы остались / Владимир Кузьмин. Единение. 03.10.2017. URL: <http://www.unification.com.au/articles/read/3900/> (дата обращения: 15.06.2018).

В декабре 2017 г. в Русском клубе в Стратфилде (Сидней) прошло открытое общее собрание АОДО, где исполняющая обязанности его председателя Галина Бисроева выразила свое несогласие с политикой и ведением дел СРСА: «Так или иначе, сегодня существуют две организации российских соотечественников: Территориальный совет штата Новый Южный Уэльс в составе Совета Российских Соотечественников Австралии и Ассоциация общественных деятелей и организаций. Обе претендуют на поддержку Дипломатических представительств России в Австралии, Россотрудничества и отдела по работе с соотечественниками при министерстве иностранных дел РФ. Отдадут ли они предпочтение какой-либо из общественных групп или будут работать параллельно с двумя – покажет время ... Давайте же находить пути сосуществования, тем самым умножая наши ряды»²⁰⁵.

Эти трения заметили в Российском посольстве. Посол Г.С. Логвинов в ответ на обращение Бисроевой поделился своим видением вопроса: «Совету до сих пор не удалось доказать свою привлекательность и полезность для всех соотечественников без деления на поколения и политические взгляды... Мы хотели бы видеть русскую общину лишенной внутренних распрей, взаимных претензий и обвинений». Впрочем, Симоньян словно не видела никаких проблем в работе своей организации, хотя поводов для беспокойства было достаточно, и собрания не были мирными. Обсуждения «происходили на фоне выкриков с мест, личных обвинений». Когда же присутствовавшей на собрании Бисроевой не дали говорить, «в зале поднялся шум, крики, обвинения, оскорбления – это и стало грустной финальной сценой проходящего собрания, сводившей на нет все положительные моменты. Те,

²⁰⁵ АОДО – Ассоциации общественных деятелей и организаций / Борис Грейс. Русское радио Австралии. URL: <http://www.russkoeradio.com.au/аодо-ассоциации-общественных-деятел/> (дата обращения: 15.06.2018).

кто не часто бывал на последних собраниях Совета, были шокированы происходящим»²⁰⁶. Одним словом, новые руководители диаспоры не искали путей сближения двух групп соотечественников, а вот старания доказать свою правоту и удержать «власть» были на лицо.

Не получилось мирного диалога и в декабре 2017 г. на очередной встрече противоборствующих сторон. На этот раз под шквалом критики со стороны представителей АОДО Г. Бесроевой и И. Савицкого встречу покинули председатель СРСА Симоньян и председатель ТКС НЮУ М. Белкина, а за ними и посол Логвинов с супругой²⁰⁷. Не остался в стороне и Казачий информационно-аналитический центр, который выступил с гневным письмом, обвинил Савицкого ни много ни мало как в корыстном присвоении чужих денег и «разобщении русской общины, провоцировании заговоров и скандалов». Далее и вовсе последовали оскорбления: не поддерживал празднование Дня России – значит, не патриот, а фашист!²⁰⁸

Симоньян, однако, такое положение дел не особо смущает: «Увы, объединить людей, а тем более всех, если они сами того не желают, никому никогда не удастся. Да и сложно это – разные волны иммиграции, поколения, уровни образования и убеждения. Но СРСА удалось другое – создать платформу, где соотечественники могут сотрудничать, а также механизмы поддержки проектов. Что касается критики, то она всегда была, есть и будет.

²⁰⁶ Собрания прошли, проблемы остались / Владимир Кузьмин. Единение. 03.10.2017. URL: <http://www.unification.com.au/articles/read/3900/> (дата обращения: 15.06.2018).

²⁰⁷ 3 декабря в “Русском клубе” в Стратфилде состоялось собрание АОДО / 03.12.2017. URL: <http://rarc.com.au/2017/12/03/aodo/> (дата обращения: 29.03.2018).

²⁰⁸ Недоверие бывшему председателю Совета Соотечественников Австралии И. Савицкому / Казачий информационно-аналитический центр. 03.12.2017. URL: http://kazak-center.ru/news/nedoverie_byvshemu_predsedatelju_soveta_sootechestvennikov_avstralii_i_savickomu/ (дата обращения: 15.06.2018).

Ошибок не бывает только у тех, кто ничего не делает. А вот адекватности многим критикам не хватает». По ее мнению, СРСА удалось главное: Совет стал функционировать «на ином организационном уровне, начал работать действительно со всеми представителями русскоязычной иммиграции по всей стране, мероприятия стали массовыми», и ни много ни мало, «русскоязычная Австралия стала ближе к России и глобальному Русскому миру ... Подобного никогда не было». Иначе говоря, нынешнее руководство Совета мыслит эту организацию как некий материальный аналог сетевой структуры – сообщество/картель независимых организаций, взаимодействие «с которыми выстраивается на принципах поддержки, уважения, корректности и неконфронтационности». Такое сотрудничество возможно и с «другими комьюнити /так в источнике – Н.С./, ведь Австралия – мультикультурная страна»²⁰⁹.

Пример такого взаимодействия уже имеется: последние три года СРСА приглашал на свои мероприятия представителей сербской диаспоры, отношения с которой было решено формализовать и подписать соглашение о дружбе между СРСА и Советом сербских соотечественников Австралии (SARC). Подписание договора о дружбе и сотрудничестве между СРСА и SARC состоялось в рамках Славянского фестиваля в Брисбене. По словам И. Симоньян, «развитие отношений с другими этническими организациями – это очень перспективное и нужное направление работы для СРСА и вообще для всех советов соотечественников по всему миру. Особенно, когда для этого есть исторические и культурные предпосылки, а отношения могут развиваться естественным образом и очень плодотворно»²¹⁰. Что же, в XXI в. народная дипломатия – феномен

²⁰⁹ СРСА – перемены ради будущего / Ирина Симоньян. СРСА. 28.09.2017. URL: <http://rarc.com.au/2017/09/28/rarc/> (дата обращения: 29.03.2018).

²¹⁰ Русская и сербская общины Австралии подписали соглашение о дружбе и сотрудничестве / Всемирный координационный совет.

достаточно распространенный, но ее эффективность проявляется только тогда, когда контакты между странами происходят напрямую, скажем, между жителями Сербии и России. «Международная» же инициатива СРСА очень похожа на уровень фольклорного фестиваля и не более.

Все это лишь подтверждает экспертную оценку А.Я. Массова, что «по большому счету русская диаспора расколота ... Проблема еще и в том, что “харбинцы” и бывшие “перемещенные лица” – вынужденные эмигранты. Нередко они просто не хотят знаться с постсоветскими эмигрантами и “еврейскими русскими”, которые оставили Родину добровольно. Для них это – “ненастоящие” русские». Так что единство в российской диаспоре пока отсутствует²¹¹.

Генконсульство РФ в намерении как-то примирить все поколения россиян в АС стремится повлиять на дела диаспоры. В январе 2018 г. на прием были приглашены представители русских организаций, школ, священнослужители, общественные деятели, журналисты СМИ: ИТАР-ТАСС, газет «Единение» и «Горизонт», Русского радио Австралии, члены Совета соотечественников, русские юристы. Генконсул С.Б. Шипилов отметил необходимость проведения объединяющего форума, включающего представителей всех основных русских организаций. «Я хотел бы, чтобы этот год прошел для всех нас спокойно, мирно. Русские всегда были сильны коллективизмом, и я хочу, чтобы проблемы, которые сложились в русском сообществе, мы вместе преодолели ... Я считаю необходимым в новом году провести объединяющий конгресс, в котором

07.09.2017. URL: <http://vksrs.com/news/russkaya-i-serbskaya-obshchiny-avstralii-podpisali-soglasenie-o-druzhbe-i-sotrudnichestve/> (дата обращения: 15.06.2018).

²¹¹ Российский эксперт о политике Австралии и русской диаспоре / Анна Плотникова. Голос Америки. 16.09.2013. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/ai-massov-interview/1750763.html> (дата обращения: 15.06.2018).

принял бы участие весь спектр наших соотечественников, всех организаций»²¹².

К мнению российских дипломатов прислушались: уже в марте 2018 г. в Сиднее прошел Первый всеавстралийский форум организаций российских соотечественников Австралии. На нем собрались представители более пятидесяти общественных организаций, русских школ, средств массовой информации, молодежного движения, бизнес структур, а также почетные общественные деятели. Присутствовавшие на собрании представители правительства АС подчеркнули «желание Мультикультурного департамента поддерживать организацию российских соотечественников». Вопросы сохранения русского исторического наследия в Австралии, содействия предпринимательству, альтернативного финансирования, дополнительного развития организаций через рекламу в социальных сетях, а также юридической основы деятельности некоммерческих организаций не вызвали разногласий. В согласительном духе были выдержаны и резолюции форума: «Продолжить активную работу по консолидации российских соотечественников в Австралии», а также «стремиться активно развивать сотрудничество с австралийскими мультикультурными ведомствами» и «подтвердить стремление к конструктивному и взаимоуважительному сотрудничеству с российскими дипломатическими ведомствами»; «уточнить потенциальное наличие конфликта интересов при получении грантов с российской и австралийской стороны. Усилить работу по получению грантов от правительства Австралии»²¹³. Станет ли такая повестка

²¹² В Генконсульстве РФ в Сиднее подвели итоги года / Владимир Кузьмин. Единение. 22.01.2018. URL: <http://www.unification.com.au/articles/read/4018/> (дата обращения: 15.06.2018).

²¹³ Первый Всеавстралийский форум организаций российских соотечественников прошел в Сиднее / Всемирный координационный совет. 05.04.2018. URL: <http://vkrsr.com/news/pervyy-vseavstraliyskiy-forum-organizatsiy-rossiyskikh-sootchestvennikov-proshel-v-sidnee/> (дата обращения: 15.06.2018).

основой для согласования интересов различных слоев российской диаспоры и представляющих их организаций – покажет будущее.

Подведу итоги сказанному. Прежде всего, хочу подчеркнуть, что в XXI в. сама по себе концепция Русского мира в своей нынешней интерпретации выглядит весьма архаично. Она как минимум, не замечает современных реалий: свободу перемещения в глобальном масштабе, демократизацию этнокультурной политики в цивилизованных странах, доступности интернета, наличия сетевых связей. Эти трансформации применительно к нашей стране, во-первых, делают эмиграцию сугубо экономической и добровольной, а возвращение в Россию делом доступным. Отъезд за рубеж приобрел рутинный характер. Во-вторых, русский человек, оказавшись на чужбине (например, в АС), не только пользуется всеми благами тамошней социальной политики, но и вправе рассчитывать на господдержку своей этнокультурной идентичности в рамках политики мультикультурализма, проводимой отнюдь не только в Австралии. В-третьих, русский иммигрант в состоянии поддерживать для себя и детей тот уровень этничности, который ему необходим, и контакты с родственниками и друзьями на родине. В результате все диаспоры стран совокупного Запада ныне являют собой не какие-то устойчивые общности, утесняемые в новом окружении, зачастую рассматривавшие свое пребывание в нем как временное явление (как это было в XIX – первой половине XX в.), а лабильные и аморфные структуры, в которых сетевые связи могут преобладать над связями соседскими.

Далее, переходя к АС, нельзя не отметить, что тамошнюю с большой долей условности русскую диаспору отличает выраженная многослойность, обусловленная и временем, и мотивами переезда. Из чего автоматически вытекает очень сильная поляризация интересов и подхо-

дов. Говоря словами известного клирика РПЦЗ и авторитетного богослова о. Александра Шмемана, объединить этих людей могут разве что сказки Пушкина, читаемые на ночь детям. В остальном тяга к «русскости» и понимание ее или отношение к истории многострадального отечества, как мы видим, крайне различно. Иначе говоря, разобщенная и вдобавок малочисленная (28 место среди этнических групп АС) российская общность пока не может выступать как мощный ресурс влияния, наподобие диаспор из стран Азии, особенно КНР.

В этой связи немалые финансовые вложения в организации российских австралийцев – это, используя советский термин, планово-убыточный проект. И все доступные источники о деятельности новых диаспоральных объединений, возникших на базе последних волн эмиграции из РФ, свидетельствуют, что их деятельность де-факто и де-юре осуществляется, как минимум, при серьезной поддержке из Москвы. Взаимоотношения СРСА и государственных органов РФ напоминают опыт и практику многочисленных обществ друзей СССР 1930-1940-х гг.: пропаганда российской политики в обмен на финансовую поддержку и щедрый прием в РФ. И, судя по немалым затратам на проведение многочисленных мероприятий по всей территории АС, деятельность эта субсидируется все из того же источника – российского бюджета. Публичные выступления недавних соотечественников, а ныне – «новейших австралийцев», многие из которых сохранили двойное гражданство, подтверждают это. Их декларативная любовь к России, которую они вполне добровольно оставили в трудные для нее времена, постоянное внимание к получению грантов для дальнейшей демонстрации своего зарубежного патриотизма, сопровождаемое агрессивным навязыванием своих предпочтений, – далеко не всем симпатичны, в том числе и в среде русской диаспоры. Отсюда и стремление максимально закамуфлировать на публичном уровне разногласия со старшими по времени

создания диаспоральными организациями и их членами, многие из которых родились в АС и хорошо помнят историю. Но то поколение естественным образом уходит в прошлое, а их потомки ассимилируются. Так что на первый план в качестве австралийских партнеров МИД РФ все чаще выступают этнические антрепренеры, прикрывающие свои меркантильные интересы новейшей российской культурологической и политологической риторикой. С русской традиционной культурой зачастую их роднит, пожалуй, лишь язык общения. А вот тут обнаруживается и одно, принципиальное отличие от просоветских организаций первой половины прошлого века: те в трудные времена чаще собирали деньги в пользу и на помощь СССР, а эти больше нацелены на получение субсидий от правительств и Австралии, и России...

Глава 13. ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В НОВУЮ ЗЕЛАНДИЮ: ДОМ НАНСЕНА (1963-1984 гг.)²¹⁴

Государство Новая Зеландия к настоящему времени имеет богатый опыт приема не только эмигрантов, но и беженцев со всего мира. Определенное место в этом опыте занимают истории приема и беженцев российского происхождения. Официально, первым потоком беженцев из России (также из СССР), были так называемые «перемещенные лица» из послевоенных европейских лагерей. Далее, и хронологически почти одновременно, Новая Зеландия приняла две небольшие группы бывших россиян – русских старообрядцев из Китая и белоэмигрантов из Китая и Филиппин. В 1970-ые в страну въехали этнические беженцы из СССР – советские евреи. Настоящее исследо-

²¹⁴ Сведения об авторе: Рудникова Елена Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения Российской академии наук, Владивосток. E-mail: elena.rudnikova@mail.ru

вание посвящено только одной такой «истории» – приему престарелых и хронически больных белоэмигрантов, для которых недалеко от столицы страны был специально создан Дом престарелых или приют, получивший название Дома Нансена.

Этот сюжет практически неизвестен российской историографии. Зарубежные исследования исчерпываются единственной работой – дипломным проектом П. Макфарланд, защищенной в университете провинции Отаго (г. Данидин) более двадцати лет назад (1997). Основным источником этого автора были опубликованный отчет организатора приюта Я. Фрэзера и его же коллекция газетных вырезок (репортажи и фотографии) по истории Дома Нансена, хранящаяся в г. Данидине, в архиве Пресвитерианской церкви в Новой Зеландии. Автор работы детально описал вклад новозеландцев в международную задачу расселения подобных беженцев, меньше внимания уделил собственно беженцам и совсем не анализировал их состав и биографии. В настоящей работе использованы фотокопии нескольких фотографий из газет того времени, размещенные в этом исследовании [McFarland 1997].

Все доступные автору настоящего исследования источники являются англоязычными. Их можно распределить по четырем группам. Первая – это мемуары непосредственных свидетелей описываемых событий. Самый важный из них – священник Ян Ватсон Фрэзер, главный организатор приюта. В 1984 г. он опубликовал своеобразный отчет об истории Дома Нансена, подробно рассказав об его организации и его обитателях. Отчет Фрэзера был дан в порядке прибытия беженцев в Дом Нансена. Жизнеописания неравноценны по объему, что вполне объяснимо, если учитывать ситуацию со здоровьем, памятью и возрастом жителей Дома. Тем не менее, вся известная Я. Фрэзеру информация была записана аккуратно и тщательно. При изложении биографий беженцев Фрэзер опирался как на основу на их личные досье, которые при-

были с ними по линии ООН. При неполноте данных он через переводчика обращался к самим беженцам. Отчет писался им во время, когда в приюте остались только шесть человек. Помимо прочего, было очевидно, что не все они хотели вспоминать свое прошлое [Frazer 1984].

Вторая группа источников состоит из газетных репортажей того времени. Столичные газеты «Ивнинг пост» и «Доминион» время от времени публиковали небольшие заметки о событиях в Доме Нансена и фотографировали его обитателей.

Третья группа источников – архивные дела многих жителей Дома, хранящиеся в столичном офисе Национальных архивов Новой Зеландии (в г. Веллингтоне). Часть дел пока еще закрыта для исследователя, так как со дня смерти некоторых беженцев не прошло установленное местными законами время. Но в подобных ситуациях даже просто названия архивных дел помогают установить даты натурализации (принятия иммигрантами новозеландского гражданства), выявить добрачные фамилии у женщин, а также восстановить некоторые биографические детали. Общее количество выявленных архивных дел, относящихся к обитателям Дома Нансена, – примерно около сорока. В настоящей работе используется лишь часть из них [National Archives of New Zealand, Wellington office. Ref. NN: 24624906, 24624907, 24624908, 24626232, 24654377, 24654524, 24655828, 24660766, 15850990, 24660797, 24661445, 24630714, 23539815, 21192567, 23539813, 23620941, 23620942, 23654153].

Четвертая группа источников представлена личными материалами автора, включающими в себя записи воспоминаний членов русских православных приходов и фотографии мест захоронений беженцев на столичном кладбище в районе Карори. Таким образом, имеющиеся источники дают возможность объективного восстановления исследуемого сюжета в истории русского присутствия в Новой Зеландии и введения новых материалов в россий-

скую историографию восточной ветви Русского Зарубежья.

Подготовка к приему беженцев

Инициатором создания приюта для престарелых русских белоэмигрантов был новозеландский священник Пресвитерианской церкви Ян Ватсон Фрэзер/Ian Watson Fraser (1907-1996). В конце 1957 г. в роли судебного священника он отправился из Новой Зеландии в послевоенную Европу, где увидел условия жизни послевоенных беженцев в европейских лагерях и лично убедился в необходимости срочной помощи этим людям – как материальной, так и психологической. В одном из итальянских городов



Фото 1. Доктор Я. Фрэзер²¹⁵

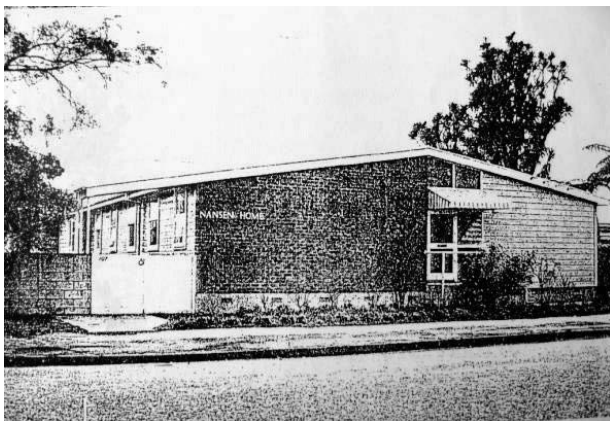
его очень тронула деятельность прихожан местной протестантской церкви, державших на свои средства два приюта для 95-ти русских белоэмигрантов. Резидентами этих приютов были в основном престарелые и больные люди, которые не имели шансов пройти иммиграционный отбор куда-либо, так как уже не являлись работоспособными и «полезными» людьми.

В 1959 г., вернувшись в Новую Зеландию, Фрэзер предложил ежегодному собранию Национального Совета Церквей (НСЦ) создать такой же приют и в собственной стране – для возрастных и хронически больных людей, которых отказывались принимать все другие страны мира.

²¹⁵ Режим доступа. URL: <https://preshist.wordpress.com/2010/11/13/%EF%BB%BF%EF%BB%BFchaplains-on-assisted-immigrant-voyages-to-new-zealand/> (дата обращения: 25.08.2019).

Предложение было поддержано, но его реализация затянулась на три года. Было неясно, кто должен содержать приют. НСЦ ограничился небольшой помощью, а правительство долго не давало ясного ответа. Поэтому Фрэзеру пришлось действовать самостоятельно. Сначала он учредил общественный Совет по делам будущего приюта (New Zealand Refugee Homes Board), а позже (1962) с помощью этого же Совета создал траст, основной целью которого стал сбор необходимых средств. В Состав Совета в разное время входили 26 человек, шесть из которых были в составе траста.

Подходящее помещение для приюта было найдено в небольшом городе-спутнике Веллингтона г. Ловер Хатте на улице Ватерлоо. Зданию было уже около семидесяти лет, и оно требовало серьезного ремонта. Деньги на приобретение и содержание здания были выделены Верховным комиссаром по делам беженцев при ООН и новозеландскими общественными организациями. Жертвовали на приют и частные лица. В восстановительных работах принимали безвозмездное участие местные жители-добровольцы. Пожертвования приходили и из других городов страны [Fraser 1984:4-16].



**Фото 2. Здание будущего приюта до ремонта, 1963 г.
(Источник: McFarland: 36).**

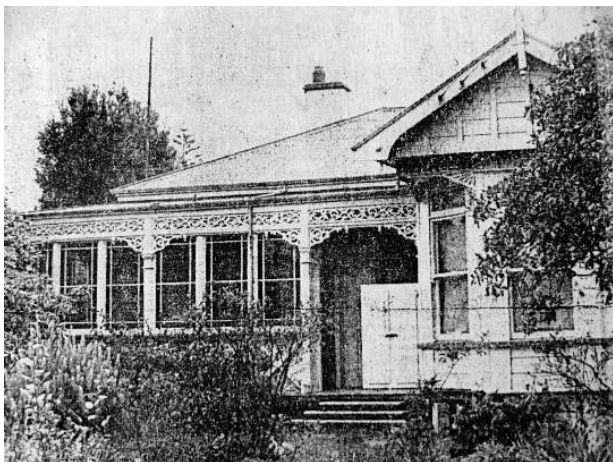


Фото 3. Здание Дома Нансена после ремонта, 1967 г.
(Источник: McFarland: 36).

Открытие приюта и его первые жители

Организатор приюта Я. Фрззер сам лично не занимался поиском беженцев. Их выявляли в странах первого убежища через представителей НСЦ, действующих в рамках полномочий Всемирного Совета церквей (ВСЦ). Были случаи, когда беженцев подбирали нищенствующими на улицах Харбина, но в основном они самостоятельно разными путями выходили на представителей ВСЦ. На Филиппинах, например, российских беженцев обнаружил глава Ассоциации христианских церквей священник Рон О-Грэди, который до этого руководил переселением русских религиозных беженцев-старообрядцев из китайской провинции Синцзянь в Новую Зеландию.

Официальное открытие Дома Нансена состоялось 30 мая 1963 г. Среди приглашенных гостей были сын знаменитого норвежца Од Нансен и Верховный комиссар по делам беженцев Феликс Шнайдер. Организатору приюта удалось не только «мобилизовать» общественное мнение в

стране, но и повлиять на решение правительства о выделении постоянной финансовой помощи престарелым беженцам. Благотворительные акции были регулярными. В них участвовали и отдельные граждане, и целые общества.



**Фото 4. Открытие
Дома Нансена, 1963 г.
Крайний справа: Я. Фрэзер
(Источник: McFarland: 37).**

Первыми обитателями приюта стали три русских женщины, прибывшие еще до официального открытия приюта: Ирина Яковлевна Вантеева (1877-1971), Каролина Васильевна Марковская (1903-1972) и Наталья Ивановна Козутина (1895-1970). Все трое были беженками из китайского г. Харбина. На время прибытия в Новую Зеландию им было 86, 60 и 68 лет соответственно. Из приведенных в отчете Фрэзера сведений нельзя понять,

были ли они знакомы до прибытия в страну. Вантеева работала в Харбине няней и экономкой до 79-ти лет, когда потеряла работу и была вынуждена нищенствовать на городских улицах. В 1962 г. она выехала из Харбина в Гонконг, а оттуда через ВСЦ – в Новую Зеландию. Козутина работала больничной сиделкой и домработницей до 61 года. В эмиграции она потеряла связь с единственным сыном и осталась в полной нужде и одиночестве. Марковская рано потеряла мать и воспитывалась в семье друзей своих родителей, проживавших в Харбине; с 16 лет она уже работала в одной из больниц, в 18 лет вышла замуж. Судьба наносила ей удары один за другим – сначала умер ее первенец; через шесть лет после бракосочетания погиб ее муж, сражавшийся в Белой армии; потом умерла от пнев-

монии ее семилетняя внучка, оставленная ей на попечение дочерью. Дочь не смогла простить матери смерть своего ребенка, а потом сама заболела и умерла от туберкулеза. К своим 60-ти годам Марковская потеряла всех своих близких и осталась одна на чужбине.



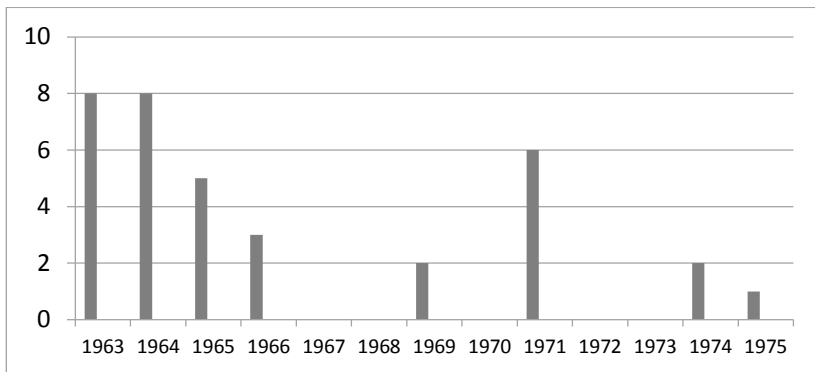
**Фото 5. Первые
обитатели
Дома Нансена.
Справа налево:
И.Я. Вантеева,
Н.И. Козутина,
К.В. Марковская
(Источник: *The Evening
Post newspaper.*
Wellington.
27 May 1963.
Фотокопия из:
McFarland: 39).**

Время прибытия и численность беженцев

Дом Нансена проработал в качестве приюта для престарелых и больных российских беженцев 22 г., с 1963 по 1985 гг. За все время его существования там проживали 35 человек. В 1985 г. Дом Нансена был передан в новозеландскую пенсионную систему и стал одним из рэст-хоумов (от англ. rest-home) для престарелых граждан этой страны. Я. Фрэзер вспоминал, что с самого начала у него не было определенной цели создать приют именно для беженцев из России. Но так сложились обстоятельства, что именно они стали его обитателями. Более того, из 35 жителей Дома тридцать человек являлись этническими русскими. Также были три человека с польским происхождением, одна латышка и один чех. Беженцы прибывали на протяжении всего срока работы приюта. Пик прибытий

пришелся на 1963–1964 гг. – начальные даты работы Дома Нансена и на 1971 год. В первый период прибыли 16 человек, во второй – 6.

Рис. 1. Количество (в чел.) и время прибытий беженцев в Дом Нансена по годам (составлено автором по: Fraser 1984).



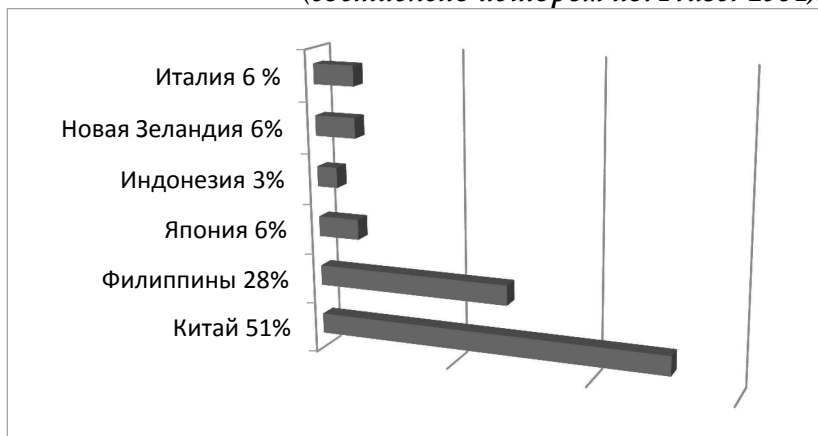
По географии стран «убытия» или первого убежища резиденты Дома представляли собой две группы. Первая и самая многочисленная группа, прибыла в период 1963–1966 гг. из Китая, преимущественно из г. Харбина. В эти годы из 24-х жителей приюта численность бывших харбинцев составляла 18 человек. Вторая группа – десять беженцев из г. Манилы (Филиппины), шесть из которых прибыли за один 1971 г. Большинство из них покинули Россию в 1923 г., уходя из Владивостока на судах белой флотилии адмирала Г.К. Старка. В географии мест «убытия» также были японские города Токио и Иокогама (2 чел.), итальянский послевоенный лагерь для беженцев в г. Капуя (2 чел.) и индонезийская столица г. Джакарта (1 чел.). Две женщины, этнические русские, уже проживали до въезда в приют в Новой Зеландии, а в приют попали при содействии русских православных приходов в городах Окленд и Веллингтон. Последним по времени прибытия

обитателем приюта стала 66-летняя Г. Алинсод, выехавшая из Манилы.



Фото 6.
Группа беженцев из Филиппин, прибывшая в 1971 г.
(Источник: *The Evening Post newspaper*. Wellington. 29 July 1971. Фотокопия из: McFarland 1997: 38).

Рис. 2. Страны «первого убежища» беженцев Дома Нансена в процентах от общего состава (составлено автором по: Fraser 1984).



Половозрастной и социальный состав беженцев

Средний возраст жителей Дома Нансена на момент их въезда в Новую Зеландию был примерно 68 лет. Самой старшей из них, уже упомянутой выше И.Я. Вантеевой, было 86 лет, и еще восемь спокойных лет она провела в приюте. Самой «юной» была Анастасия Рейковская (Вилсинская), которой на время прибытия исполнилось 46 лет. Законодательно, «престарелым» гражданином в Новой Зеландии считались люди в возрасте от 60 лет. Но Рейковская прибыла в приют из лагеря для беженцев в итальянском г. Капуя вместе с мужем, который был ее старше на 13 или 14 лет. Она прожила в Доме всего один год до своей смерти; жизненные силы этой женщины были фатально подорваны тяжелыми испытаниями, выпавшими на ее долю.

«В начале 1963 г.», – вспоминал Я. Фрэзер, – «мы послали запрос по Рейковским в комитет по делам беженцев при ООН. Они были в лагере для беженцев восемнадцать лет – вы попробуйте только представить, что это значит!». Анастасии отказывали в приеме на жительство все страны, куда она обращалась. Она была слепая, страдала от астмы и язвы желудка. Беженцев в тот период приглашали индивидуально, не принимая во внимание их семейное положение. Фрэзеру и его помощникам удалось убедить чиновников своей собственной страны в необходимости милосердия, и Рейковские смогли въехать в Новую Зеландию вместе.

Это была очень необычная семья. Оба они покинули Россию после революции 1917 г. Леонид был неграмотным крестьянином, а Анастасия имела незаконченное университетское образование и знала несколько иностранных языков. До начала войны оба жили в Югославии. В конце войны Леонид бежал из концлагеря в Австрии, куда попал в 1943 г., а Анастасия за отказ работать на фабрике, где шили форму для немецкой армии, попала в заключение, где подвергалась пыткам и потеряла зрение. Разными путями они попали в один лагерь для беженцев, где в 1950 г. они поженились. В лагере слепая Анастасия сумела



**Фото 7. Леонид и Анастасия
Рейковские, 1964 г.
(Фотокопия из: McFarland: 37).**

научить Леонида чтению и письму. Он же, получая разрешения на выезд, отказывался уезжать без жены. По прибытию в Дом Нансена Анастасия была крайне истощена, ее вес был чуть более 35 кг, в дороге она заболела еще и пневмонией. Фрэзер писал, что его поразили многочисленные темные пятна на ее теле, которые были следами долгого недоедания и болезней. В то же время он подчеркивал: «Она была замечательной личностью. Она была яркой и полной веселья; была просто «юмористом» среди наших резидентов и поддерживала у них хорошее настроение ...» [Fraser: 35-36]. Леонид переехал свою жену на восемь лет.



**Фото 8. Надгробная
плита на захоронении
Л. и А. Рейковских,
русская секция на кладбище
в Карори (г. Веллингтон).
Фото автора, 2011 г.**

Большинство беженцев были женщинами: двадцать пять из тридцати пяти человек. Обращает на себя внимание тот факт, что у двадцати пяти человек не было детей, а некоторые никогда прежде не состояли в браке. Детали их биографий, записанные Я. Фрэзером, свидетельствуют

о том, что причиной этого стали невзгоды послереволюционного времени, разрушившие судьбы бывших россиян.

Социальный состав жителей Дома был неоднородным. Данные отчета Фрэзера не дают полных сведений о социальном происхождении всех беженцев. Среди них были выходцы из семей государственных служащих, из военных и из рабочих. Не менее двенадцати человек были крестьянского происхождения, причем четверо из них не умели ни читать, ни писать. Уровень образования беженцев варьируется от незаконченного начального в пределах 1-2 классов до законченного высшего.

Перечень занятий, которыми большинство беженцев до въезда в Новую Зеландию зарабатывало себе на жизнь, был прост: больничная няня, сиделка, домработница, уборщица, разнорабочий и т.п. Очевидно, что многие из них в эмиграции были заняты в основном неквалифицированным трудом и на условиях временного найма. Но, вместе с тем, были среди них владелец магазина радиодеталей с инженерным образованием, служащая офиса, военный переводчик, владелица агрофермы, мастер по пошиву одежды, машинистка и инженер с КВЖД. Были даже участница партизанского движения на Филиппинах и бывшая российская прима-балерина.

Время проживания беженцев в Доме Нансена варьируется от нескольких недель до десятилетия и более. К 1984 г. двадцать четыре человека умерли естественной смертью. Всего три недели после прибытия в Новую Зеландию прожил бывший рядовой Белой армии Василий Степанов 1898 г.р., въехавший сюда из г. Манилы, куда он попал вместе с эскадрой Старка. Четырнадцать спокойных и сытых лет прожили в приюте машинистка КВЖД Елизавета Михаловна Потанина 1896 г. р. и военный инженер Николай Чигвинцев 1893 г. р. Некоторые еще продолжали жить в приюте, уже менявшем свой статус. Несколько человек в разное время покинули Дом Нансена, так как

нашли в себе силы устроить свою жизнь в новой стране самостоятельно – с помощью детей или через каких-то знакомых.



Фото 9. Три женщины из Дома Нансена, устроившиеся на постоянную работу на кондитерскую фабрику.

(Источник: *Three Russian refugees working at Griffins factory, Lower Hutt. Dominion post (Newspaper): Photographic negatives and prints of the Evening Post and Dominion newspapers. Ref: EP/1973/2603/23. Alexander Turnbull Library, Wellington, New Zealand./records/23149213).*

Культурно-языковая адаптация беженцев

Все обитатели приюта были очень рады своему приезду в Новую Зеландию, хотя некоторые из них первоначально были твердо убеждены в том, что им придется и здесь работать за право проживать в таком комфортабельном здании. Это неудивительно, если знать их нелегкие судьбы, полные скитаний и лишений на чужбине. Трудный жизненный опыт «нет работы – нет еды» научил их всех быть настороже, а многие несколько лет не могли психологически принять этот дар новозеландцев.

У многих беженцев были серьезные проблемы со здоровьем. Большинство из них на момент прибытия имело признаки физического истощения и хронического недоедания. Многие долго отказывались выбрасывать недоеденную пищу. Позже выявились другие заболевания, на которые ранее из-за постоянного стресса беженцы просто не обращали внимания. Другой проблемой было пьянство. Законченных алкоголиков в Доме не было, но в первые годы было несколько инцидентов со спиртным, когда нарушалось спокойствие остальных обитателей

приюта. Проблемы решались разговорами, убеждениями и медицинской помощью. Позже обострились ментальные расстройства.

По прибытии в приют всем беженцам, независимо от их прошлого происхождения и образования, пришлось делить друг с другом повседневность и праздники, находясь под одной крышей и за одним столом. Трудность взаимной «притирки» была очевидна даже для Фрэзера и его помощников, совершенно не знавших русский язык. Он сдержанно описывал частые шумные и мелочные ссоры между ними, объясняя их отсутствием культуры и «крестьянским» происхождением некоторых беженцев. После первых пяти лет подобные конфликты стали реже, в том числе и благодаря появлению новых жителей, благотворно повлиявших на общий настрой. Одним из них был поляк по происхождению Федор Александрович Антошевский, который привез с собой полный чемодан книг с произведениями русской литературы и много читал.

«Федор родился от польских родителей в 1890 г. в г. Белая Церковь, что в 50-ти км от г. Киева», - писал о нем Я. Фрэзер, - «... в 1918 г. он был демобилизован и отправился во Владивосток, где стал совладельцем маленького радиомagasина до своего выезда в г. Харбин. ... (он) прибыл в Дом Нансена 5 сентября 1964 г. Это был высокий, хорошо выглядевший человек среднего телосложения. И он был очень вежлив и предупредителен с остальными. Через некоторое время мы вдруг обнаружили, что и другие резиденты стали гораздо менее грубыми в своей манере общаться друг с другом. ... И не то, чтобы Федор что-то им говорил специально, нет. Просто он был в такой степени «джентльмен» и был так вежлив со всеми, что и они изменились ..., вся атмосфера общения изменилась ... Мы были поражены, как много мог сделать всего лишь один человек без всяких слов!» [Fraser 1984: 39-40].

Организаторами и попечителями Дома неоднократно делались попытки познакомить обитателей Дома Нансена с жизнью новой страны. Большой проблемой были трудности перевода. Из всех жителей Дома только де-

вять в разной степени могли объясниться на языке страны, предоставившей им возможность достойной старости. Поэтому первым шагом были уроки начального английского языка. Первые годы в приют дважды в неделю приходил учитель английского. Однако новый язык оказался не под силу большинству престарелых беженцев. Они запоминали только простые фразы типа «доброе утро» и «спасибо», не более того. Поэтому уроки пришлось остановить.

На протяжении всего времени существования Дома беженцев посещали местные жители – члены церковных приходов, ученики школ и различных обществ. Ученики и студенты приходили с «образовательными» целями; другие гости приглашали их покататься по окрестностям на машинах, поиграть в шахматы и т.п. Время от времени для жителей приюта организовывались прогулки в ближайшие городки, где их радушно принимали и угощали в местных церквях. Беженцев вывозили на экскурсии и в саму новозеландскую столицу [Fraser: 20-24].

В первые годы беженцев-православных верующих возили по воскресеньям в Веллингтон, где в одном из домов на ул. Пири русскими эмигрантами из числа «перемещенных лиц» из послевоенной Европы был оборудован и действовал с 1955 г. православный храм Христа Спасителя. Периодически службы вел о. Алексей (Алексей Годяев, 1900-1989), первый русский православный священник, прибывший сюда в 1950 г. по направлению РПЦЗ из Австралии. После утренней службы прихожане иногда разбিরали жителей Дома по своим домам до вечера. Но со временем полуторачасовая дорога с пересадками (сначала на поезде, потом на автобусе) из пригорода в столицу для многих верующих беженцев стала непосильной. Тогда организаторы приняли решение сделать в конце общей гостиной комнаты приюта что-то вроде домашней церкви. В восточном углу на стене была размещена икона, сохраненная Иваном Павловичем Шистеровым – одним из жителей Дома, в своих скитаниях. Некоторое время в приют

приезжал для проведения служб о. Алексей. Следствием этих перемен стало заметное ослабление связей с русскими иммигрантами, проживавшими в столице.

Долгое время в Доме следовали русскому православному календарю, отмечая такие праздники, как например, Рождество и Пасху на 12 дней позже, чем в Новой Зеландии. Праздники сопровождалась традиционными совместными обедами, для которых беженцы сами готовили блюда из русской кухни. В то же время, эти же праздники отмечались ими и по западному календарю. Фрэзер отмечал, что со временем они больше склонялись к новозеландскому календарю, полагая, что они наконец «почувствовали себя частью нашего общества». Одно из доказательств этому он видел и в том, что ни один из обитателей приюта, прожив в Новой Зеландии необходимые пять лет, не отказался от принятия новозеландского гражданства [Fraser: 25-26].



*Фото 10. Жители Дома Нансена, общая фотография. 1967 г.
(Фотокопия из: McFarland: 42).*

Выводы

Возраст и здоровье жителей Дома серьезно ограничивали возможности их социализации в новом обществе.

Со временем они все больше и больше стремились к тишине, покою и уединению; подолгу не выходили из своих комнат. Поэтому, вхождение беженцев в новую культурно-языковую среду, за единичными исключениями, так и не произошло. В итоге, большинство жителей Дома, этнических русских, так и остались в пределах своей исходной культурно-языковой идентичности. Их круг общения ограничивался внутренними контактами и редким нерегулярным общением с представителями небольшой русской колонии в г. Веллингтоне. Вместе с тем, надо подчеркнуть, что адаптация беженцев к новой культуре не была главной задачей организаторов приюта. Они достигли своей цели – дали престарелым и больным российским беженцам достойно провести последние годы своей жизни в атмосфере заботы и внимания. Этот опыт новозеландцев по приему специфических беженцев вообще, и русских в частности, оказался не только первым, но и единственным в их практике. По общему мнению, как самих жителей приюта, так и внешних наблюдателей, Дом Нансена не являлся банальным приютом для одиноких стариков, а стал настоящим Домом для людей, потерявших Родину и близких после событий 1917 г.

National Archives of New Zealand, Wellington office:

Vanteeva, Irina Takovlevna (Russian) - died 1 September 1971.
R24624906;

Kozutina, Natalia Ivanovna (Russian) - died 12 October 1970.
R24624907;

Bolshishapok, Stepanida Grigorievna (Russian) - died 8 October 1966. 1963-1966. R24624908;

Nesterov, Alexander Fedorovich (Russian) - died 30 December 1965. 1963-1965. R24626232;

Antoshevsky, Theodor Alexandrovich (Russian) - died 29 March 1967. 1964-1967. R24654377;

Sato (nee Osmulska), Maria (Polish) - died 23 March 1970. 1965-1970. R24654524;

Shisterov, Ivan Pavlovitch (Russian). 1965. R24655828;
 Lazarev, Semen Alexeevich (Russian). 1965. R24660766;
 Mejova, Evgenia Ivanovna; Avdikeev, Evgenia Ivanovna.
 1965-1966. R15850990;
 Cifka, Joseph (Czech) - died 23 December 1969. 1965-1969.
 R24660797;
 Velikorodova, Anastasia Konstantinovna (Russian).
 1966. R24661445.

Naturalisation-Registration as New Zealand Citizen:

Morics, Helena. 1960-1961. R24630714;
 Shaouy, Alexandra (Russian) - died 3 February 1976. 1971-
 1976. R23539815;
 Haight, Zinoma Petrovna. 1971-1976. R21192567;
 Ragozin, Boris (Russian). 1971-1971. R23539813;
 Ramido, Vera (Russian). 1974. R23620941;
 Silvanuk, Nikolai P (Russian). 1974. R23620942;
 Alinsod, Gelia (Stateless). 1975-1976. R23654153.

**Список беженцев, проживавших в Доме Нансена
 в 1963-1984 гг.***

** Список составлен автором статьи по материалам книги: Fraser I.W. The Story of Nansen Home: Elderly Refugees in New Zealand. Lower Hutt, 1984. 65 p. Дополнен и уточнен им же по архивным данным National Archives of New Zealand, Wellington office.*

(ФИО/добрачная фамилия у женщин, годы жизни, место рождения, последнее место проживания до прибытия в Новую Зеландию)

1. Алинсод Галина (Федосеева), 1909-1976? г. Чита, г. Манила (Филиппины), имела дочь Жанетт.
2. Антошевский Теодор (Федор) Александрович, 1890-1967, г. Белая Церковь (Украина), г. Харбин (Китай).
3. Бутенес Марта Франковна, 1897-1968, г. Грицкале (Латвия), г. Иокогама (Япония)

4. Большишапок Степанида Григорьевна, 1904-1966, г. Нерчинск (Читинская обл.), г. Харбин (Китай).
5. Вантеева Ирина Яковлевна (Попонина), 1877-1971, дер. Налисово (Урал), г. Харбин (Китай).
6. Великородова Анастасия Константиновна, 1901-1979, дер. Грибское (?) (Дальний Восток), г. Харбин (Китай).
7. Елисеева Фекла Филипповна, 1897-1970, дер. Коржавино (?) (возле г. Свердловска), дер. Имиенпо (в 100 км от г. Харбина (Китай)).
8. Ермолович Александра Дмитриевна (Ушакова), 1900-1979, г. Тюмень, г. Харбин (Китай).
9. Казанцева Юлия Георгиевна (Чернышова), 1892-1971, г. Иркутск, г. Харбин (Китай).
10. Кифка (Сифка?) Жозеф, 1892-1969, г. Лизовец (Чехословакия), г. Манила (Филиппины).
11. Козутина Наталья Ивановна (Пустынникова), 1895-1970, дер. Ильинка (Камчатка?), г. Харбин (Китай).
12. Кривчун-Стензик Евгения, 1903-1966, г. Варшава, г. Джакарта (Индонезия).
13. Лазарев Семен Алексеевич, 1889-1978, г. Саратов, г. Харбин (Китай).
14. Марковская Каролина Васильевна (Дозенко), 1903-1972, г. Саратов, г. Харбин (Китай).
15. Маталаева Анна Петровна (Комарова), 1901- ?, г. Кемерово, г. Харбин (в 1984 г. уехала вместе с сыном в Австралию).
16. Межова (по мужу – Авдикеева) Евгения Ивановна, 1906-1969, г. Красноярск, г. Харбин (Китай).
17. Мориц Елена, 1889-1973, Россия, г. Окленд (Новая Зеландия)
18. Насибиянц Татьяна Гавриловна/Гавел (Рощина), 1898-1970, г. Москва, г. Харбин (Китай).
19. Нестеров Александр Федорович, 1901-1965, дер. Нарасум (?) (р-он оз. Байкал), г. Харбин (Китай).

20. Потанина Елизавета Михайловна, 1896-1978,
г. Иркутск, г. Харбин (Китай).
21. Рагозин Борис, 1904-1979, г. Уральск, г. Манила (Филиппины).
22. Рамидо Вера (Вибо), 1914-1974?, г. Чита, г. Манила (Филиппины).
23. Рейковская Анастасия (Вилсинская), 1927-1964,
г. Кишинев, лагерь для беженцев в г. Капуя (Италия).
24. Рейковский Леонид, 1894-1972, г. Ростов, лагерь для
беженцев в г. Капуя (Италия).
25. Сато Мария (Осмультска), 1888-1970, г. Варшава (Польша), г. Харбин (Китай).
26. Сильванук Николай П., 1901-1974?, г. Владивосток,
г. Манила (Филиппины).
27. Степанов Василий, 1898-1971, г. Казань, г. Манила (Филиппины).
28. Уоррен Мария (Дипская), 1896-1981, г. Варшава,
г. Манила (Филиппины).
29. Хайт Феноида (Зена, Зинаида) Петровна (Куснисова),
1910-?, г. Минск, (Филиппины).
30. Чигвинцев Николай Львович, 1893-1978, г. Ветлянский
(Урал?), г. Харбин (Китай).
31. Чигвинцева Неонила, 1892-1964, дер. Парабел (?) (возле
г. Томска), г. Харбин (Китай).
32. Шаю Александр А. (Сандра), 1912-1971,
г. Томск, г. Манила (Филиппины).
33. Шистеров Иван Павлович, 1888-1984, дер. Уркауж (?)
(Урал), г. Харбин (Китай).
34. Щотовская Валентина (Мазурова), 1895-1969, г. Псков,
г. Окленд (Новая Зеландия).
35. Шплиевски (Шпилевски) Екатерина Андреевна (Ситилина), 1905-1976?, г. Ростов, г. Манила (Филиппины).

* Список составлен автором по материалам книги: Fraser I.W. *The Story of Nansen Home: Elderly Refugees in New Zealand. Lower Hutt*, 1984. 65 p. Дополнен и уточнен им же по архивным данным *National Archives of New Zealand, Wellington office*.

Российская диаспора в зеркале литературы

Глава 14. «СООТЕЧЕСТВЕННИК». ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ОДНОГО РАССКАЗА И.А. БУНИНА²¹⁶

«Он сидит в своей конторе, в старинном доме голландской постройки. За окнами – жаркий белый город, голые черные рикши, магазины драгоценных камней, отели, полные туристов со всех концов земли, в теплой зеленой воде гавани – американские и японские пароходы, за гаванью, на низменных побережьях, – кокосовые леса... Одетый во все белое, рослый, узловатый, огненно-рыжий, с голубой, веснушчатой кожей, бледный и энергично-возбужденный, даже просто шальной, – от зноя, нервно-сти, постоянного хмеля и деловитости, – с виду он не то швед, не то англичанин. Письменный стол его весь завален бумагами, счетами. Кругом стоит сухой треск ремингтонов. Старик-индус, босой, в халате и тюрбане, бесшумно и быстро меняет своими темными, изящными руками в серебряных кольцах бутылочки холодной содовой воды и поминутно, с таинственной миной, докладывает о посетителях, к каждому слову прибавляя: сэр. А сэр весь поглощен, – или притворяется, что поглощен, – беседой с гостем из России, перед которым он играет роль радушного хозяина этого тропического острова. На столе несколько раскрытых коробок с дорогими сигарами, с турецкими, египетскими, английскими и гаванскими папиросами. Он знаток в табаках, – как и во всем, впрочем, – он угощает то

²¹⁶ Сведения об авторе: Загородникова Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра индийских исследований ИВ РАН, Москва. Email: TNZAG@mail.ru.

тем то другим... Мельком взглянув на поданную бумагу, он, среди разговора, твердо и коротко расчеркивается на ней; увидев входящего посетителя, меняет выражение лица, двумя, тремя фразами кончает дело и снова подхватывает прерванную беседу; принимая депешу, разрывает ее как-то особенно небрежно, на мгновение нахмуривается, пробегая: "А, идиоты!" – крепко выговаривает он с досадой и, отбросив в сторону, тотчас забывает или притворяется, что забывает о ней... У него все идиоты. Он уже успел удивить гостя своей самоуверенностью, решительным и скептическим умом, деловитостью, огромным житейским опытом и несчетными знакомствами с людьми самых разнообразных классов и положений. Кого ни назови из московских знаменитостей, – купцов, администраторов, врачей, журналистов, – он всех знает, да хорошо знает и цену каждому из них. А какая у него осведомленность по части всяких закулисных тайн, редких карьер и темных историй!» [Бунин 1966: 398-99] – так описал И.А Бунин в своем небольшом (14,5 тысяч слов) рассказе «Соотечественник» 1916 г. человека, которого он встретил во время своих путешествий на Цейлоне.

Иван Алексеевич пробыл на острове около месяца весной 1911 г.: побывал в Коломбо, Канди, ботаническом саду в Перадени, Анурадхапуре, Нуvara Элия и др. Цейлон ему очень понравился: «Переход по океану был чудесный, нервы пришли в порядок – и все-таки Цейлон так поразил и меня, и Веру²¹⁷, что были мы там положительно как в горячем сне. Ни на что не похоже – и хорошо, одурачивающее хорошо так, что начинаешь верить, что здесь был Рай, и всем существом чувствуешь, что перенесен в древность, на землю первобытных богатств и роскоши. Ты знаешь, меня первое время ничто не поражает, но тут я ошалел. Буйство растительности райское и сказочное – могучее, все, все в цвету, зной такой, что дышишь теплом,

²¹⁷ И.А. Бунин путешествовал с женой, Верой Николаевной Муромцевой (1881-1961).

как от жаровни, но это горячее дыхание нежно, теплочно, благовонно...» [Бунин 2007: 172]. Свое настроение он выразил в шуточном стихотворении, адресованном своему другу писателю Николаю Дмитриевичу Телешову (1867-1957):

*«Я живу у Сандунова на полке
С ананасами, бананами в руке.
Сверху жарит, снизу парит... Я совсем,
Извините, стал бесстыжим: только шлем.
Змеи, тигры, сингалезы и слоны!*

Возвратите мне, мерзавцы, хоть штаны!» [Русские 2010: 224]

И.А. Бунин привез с Цейлона столько впечатлений, что возвращался к ним еще очень долгое время, вплоть до 1944 г. Первым вышел в свет рассказ «В стране пращуров» (1911 г.), далее – «Братья» (1914 г.), «Соотечественник» (1916 г.), а через несколько лет последовали: «Третий класс» (1921 г.), «Ночь отречения» (1921 г.), «Город Царя Царей» (1924 г.), «Воды многие» (1925-26 гг.), «100 рупий» (1944 г.) в знаменитом сборнике «Темные аллеи»; а также стихотворения «Цейлон» («Гора Алагалла» 1915 г.), «Цейлон» («Окраина земли» 1916 г.).

Бунин написал рассказ «Соотечественник», вернее его черновой вариант, хранящийся в Российском государственном архиве литературы и искусства, на Капри зимой 1913-1914 г. Этот первый вариант носил название «Трифон Чуев» и существенно отличался от напечатанного. Позднее редактируя рукопись, писатель изменил название на «Зотов», затем на «Изотов» и несколько сократил текст. В сборнике «Слово» (М., 1919) этот рассказ появился уже под совершенно нейтральным заголовком «Соотечественник», хотя в тексте мелькает фамилия героя рассказа – Зотов [Бунин 1966: 494-5]. Не хотел ли Иван Алексеевич тем самым скрыть, кто был прототипом его героя? А этим прототипом был Трифон Кириллович Чокков, которого писатель встретил в Коломбо.

Т.К. Чоков появился на Цейлоне в 1898 г., именно с этого года русские чаеоторговые компании начали на острове прямые закупки чая, до этого времени чай закупался на Mincing-lane (другое название – Чайная улица) в Лондоне. Российский вице-консул фон Фриш писал в своем донесении от 30 апреля 1898 г.: «Из русских купцов здесь поселились и открыли торговые дома: поверенные фирмы Молчанова, Печатнова и К^о из Москвы для закупки здесь на месте цейлонского чая и других продуктов острова Цейлон для своей фирмы в Москве; другая фирма русских здесь Щербачев, Чоков и К^о²¹⁸, она в связи с фирмою братьев Зинзиновых в Москве и агенты для закупки цейлонских чаев для дома К.С. Попова в Москве. Щербачев, Чоков и К^о также получают субсидию от Добровольного флота по £500 в год за три года для того, чтобы способствовать развитию прямых торговых отношений Цейлона и России и этим доставлять более грузов пароходам Добровольного флота. Обе эти фирмы также намереваются заниматься импортом сюда из России таких товаров, которые могут конкурировать с импортом сюда других стран, и я предполагаю, что наш сахар должен найти хороший рынок здесь и в Индии. Кроме этих двух здесь упомянутых фирм, которые теперь уже в полном действии, Токмаков, Молотков и К^о, также московская фирма, предполагает в скором будущем открыть здесь свою контору и один из их служащих уже находится здесь» [Русские 2010: 148]. Трифон Кириллович Чоков вскоре стал агентом Добро-

²¹⁸ Вот, как описал в 1909 г. деятельность своей фирмы сам Т.К. Чоков: «Из русских фирм первой в феврале 1898 г. основалась наша здесь фирма, причем я получил Агентство Добровольного флота и Агентство Русско-Китайского банка. Вначале мы занялись кроме агентского дела покупкой для московских фирм только чая. Дело наше постепенно расширялось и в данное время приняло крупные размеры как по покупке черных и зеленых чаев, так и разных других товаров, как: кофе, какао, ратана, копры, графита, разных масел и прочих товаров, причем у нас уже кроме Коломбо три отделения: в Москве, Калькутте и Сингапуре» [Русские 2010: 195].

вольного флота и Русско-Китайского банка – должности ответственные и очень хлопотные, потому что в порту Коломбо останавливались все корабли Доброфлота, направлявшиеся в Китай и на Дальний Восток и обратно, для пополнения запасов угля и продовольствия. Стоянка продолжалась не менее суток, и пассажиры сходили на берег, чтобы почувствовать под ногами твердую почву. Всеми закупками для кораблей, их команд, сопровождением грузов, улаживанием многочисленных и самых разнообразных нужд и потребностей команды и пассажиров занимался вице-консул и агент Доброфлота. Отсюда и его знакомство со многими «московскими знаменитостями»: кто-то, как журналист и путешественник П.И. Пашино, побывали на Цейлоне проездом 1-2 дня, а кто-то, как сам И.А. Бунин, К.Д. Бальмонт, художники В.В. Верещагин, В.А. Ватагин, ботаники и географы В.И. Липский, Токлинов и многие другие, задерживались здесь на более продолжительное время.

Русская колония на Цейлоне обычно состояла из вице-консула ²¹⁹, трех-четырех представителей чаоторговых фирм с семьями; всего в начале XX в. она насчитывала чуть более 10 человек. По тем временам это было значительное количество, это была самая большая колония русских в Британской империи, если не считать метрополию; а с учетом временно проживавших и пассажиров кораблей Доброфлота, делавших остановки в Коломбо, численность русских значительно возрастала. Это была довольно сплоченная общность, выступавшая иногда с разного рода инициативами. Так, в августе 1908 г. на общем собрании члены русской колонии в Коломбо решили поздравить Л.Н.Толстого с восьмидесятилетним юбилеем, послав ему телеграмму, некоторую сумму денег на благотворительные нужды и иллюстрированную книгу о Цейлоне «*Picturesque Ceylon*» («Живописный Цейлон»). Лев

²¹⁹ В штат вице-консульства входил еще консульский агент или секретарь, но на самом деле всегда был кто-то один.

Николаевич ответил им 5 марта 1909 г. из Ясной Поляны: «Вчера получил вашу великолепную книгу о Цейлоне и благодарю вас за нее, за благотворительные деньги 176 рублей, которые думаю, что распределил сообразно вашему желанию между бедными вдовами нашего околотка. Благодарю еще за добрые слова, сказанные в день моего рождения, и, главное, за те добрые чувства, которые выражены мне так далеко живущими соотечественниками. Лев Толстой» [Толстой 1955: 102-103]. Вообще русская колония часто собирала деньги на разные общественные нужды: на книги для библиотеки, на содержание священника и пр.

Главой колонии, так сказать *ex officio*, то есть по должности, считался вице-консул, но чиновники приходили и уходили, а Т.К. Чокков оставался: к 1909 г., по его собственным словам, он переживал уже пятого [Русские 2010: 198]. Он был старожилом, заметной фигурой и проводителем этой маленькой группы русских людей, часто выступал от их имени. Так, в 1901 г. он от своего и их имени обратился в Священный Синод с прошением об открытии на Цейлоне православной церкви. Свою просьбу он подкрепил реальными действиями: заявил, что жертвует 450 рупий в год и предоставляет часть своего помещения для временной домово́й церкви. Кроме того, его фирма заключила договор с другими чае́оторговцами на острове об ассигновании 1 800 рупий в год на содержание священника. Прощение русских цейлонцев было подкреплено письмом графа Николая Федоровича Гейдена и Ивана Васильевича Лопухилова, который был готов стать священником-миссионером на Цейлоне. К сожалению, эта инициатива не получила одобрения обер-прокурора «за неимением у Священного Синода сведений ни о количестве православных, проживающих на означенном острове, ни об условиях, благоприятствующих распространению православной веры среди туземного населения» [Русские 2010: 168]. О своем окончательном решении обер-

прокурор Святейшего синода К.П. Победоносцев сообщил министру иностранных дел В.Н. Ламздорфу в письме от 5 сентября 1902 г. и просил «не отказать в распоряжении к уведомлению о вышеизложенном купца Трифона Чокова и православных русских, живущих в городе Коломбо» [Русские 2010: 168].

Надо отметить, что вице-консул В.К. Шнейдер придал этому благому делу некую политическую или даже военно-политическую окраску. На Цейлоне была значительная группа прихожан из секты «Независимых католиков», которая не признавалась римско-католической церковью и в догматическом отношении имела большое сходство с верованиями восточно-христианских церквей. Эти независимые католики, по мнению вице-консула, были готовы перейти в православие. Он считал, что именно тогда, в начале 1902 г., когда Великобритания вела англо-бурскую войну и меньше внимания уделяла своим азиатским владениям, настал благоприятный момент для открытия в Коломбо православной миссии, начала православной пропаганды, что открыло бы новые возможности для приобретения политического влияния на Цейлоне. Более того, вот этих новообращенных православных вице-консул предполагал использовать, не более и не менее, как осведомителей или даже тайных агентов, а также как «возбудителей недовольных элементов» [Русские 2010: 169-170]. Цейлон никогда не рассматривался ни российским МИДом, ни военным министерством в качестве объекта разведки или каких-либо демонстраций военно-политического характера; приобретение политического веса в этой отдаленной от Российской империи британской колонии не интересовало правительство России. Сама постановка этого вопроса, увязывание открытия православной миссии и приобретения там тайных агентов, могло только отрицательно повлиять на решение Священного синода.

Цейлон был отдаленным островом, не игравшим заметной роли в англо-русских отношениях, и, может быть, поэтому российский МИД не спешил посылать своего нового дипломатического представителя, когда старый отбывал на родину. Эту должность исполнял один из чае-торговцев, например в 1901 г. это был Щербачев, но чаще всего это был все тот же Т.К. Чоков. Так, после экстренного отъезда вице консула Булаха в 1910 г. (он сошел с ума, был депортирован в сопровождении санитаров на родину и затем уволен со службы по болезни), в этом качестве Трифон Кириллович встречал и сопровождал посетившего по дороге на коронацию короля Сиам Рамы VI Вачиравууда Великого князя Бориса Владимировича, двоюродного брата императора Николая II в ноябре 1911 г.²²⁰ [Русские 2010: 120-121].

Исполняя должность консульского агента, Т.К. Чокову пришлось однажды разрешить конфликт между капитаном и командой парохода «Граф Муравьев». Положение было критическим: пароход имел в своих трюмах полный груз рыбы из Охотского моря и дичи из Китая, а рефрижераторы работали слабо. Увидев измученных усталых матросов, Трифон Кириллович удостоверился, что команды как палубной, так и машинной совершенно недостаточно, а кочегары изнемогают от непосильной работы, притом, что пища команды была очень плохая, припасы недоброкачественные. Капитан на все требования отвечал тумакami, а порой дрался без всякого повода. «Для меня не представлялось сомнения, что команда имеет основание требовать защиты, и я с легкостью доказал капитану и представителю судовладельцы, что при всем стремлении плавать дешево, настоящий порядок должен быть изменен здесь к их же выгоде, иначе они рискуют все не дойти до места назначения», – писал Т.К. Чоков в

²²⁰ Это донесение Т.К. Чокова в Первый Департамент МИД было настолько важно, что на нем была поставлена резолюция: «Спешно. Выписку для Государя».

донесении от 17 декабря 1909 г. в МИД. Представитель судовладельцы согласился со всеми требованиями команды и тут же выполнил свои обещания, а капитан дал подписку не распускать руки, и в тот же вечер пароход «Граф Муравьев» благополучно оставил порт Коломбо [Русские 2010: 200-201].

С февраля 1910 по февраль 1911 г. Т.К. Чоков составил и отправил в МИД донесения о торговле Цейлона с Россией в целом и по отдельным товарам: резине, чаю, копре, а также о торговых перевозках на судах Добровольного флота [Русские 2010: 201-211]. Это обстоятельные, со статистикой по закупкам и ценам на соответствующий товар отчеты человека, который отслеживал все изменения в конъюнктуре, прекрасно разбирался в положении дел на цейлонском рынке и на этом основании строил прогнозы. Трифон Кириллович старался привлечь внимание русских купцов к этому малоосвоенному рынку, сам привозил на продажу пробные партии товаров, например древесину.

Знание рынка и всех тонкостей работы вице-консула на Цейлоне толкнуло Т.К. Чокова на беспрецедентный шаг: 1 февраля 1909 г. он написал письмо чиновнику особых поручений при министре иностранных дел В.О. фон Клемму о «положении российского дела в Коломбо на Цейлоне и в Калькутте в Индии» [Русские 2010: 195]. Адресат был выбран не случайно: В.О. фон Клемм был первым российским Генеральным консулом в Бомбее в 1900-1906 гг., побывал на Цейлоне и как никто другой разбирался в «положении российского дела» как в Индии, так и на этом острове. Он лично знал и высоко ценил Трифона Кирилловича. Еще осенью 1903 г. он писал Н.Г. Гартвигу, в то время директору Первого департамента МИД: «Недавно выехал на короткое время в Россию наш консульский агент в Коломбо, крупный чаеоторговец и плантатор Т.К. Чоков. В середине ноября он будет в Петербурге, где представится Вашему Превосходительству...

Я не переставал следить...за деятельностью нашего вице-консульства в этом городе и потому действия г. Чокова, управлявшего вице-консульством в отсутствие покойного В.К. Шнейдера²²¹ мне довольно хорошо известны. Беру на себя смелость свидетельствовать перед Вашим Превосходительством, что в лице г. Чокова мы имеем весьма дельного, усердного и полезного агента, который при полном знании местных условий и прекрасных отношениях к колониальным властям в Коломбо неоднократно оказывал весьма ценные услуги, как отдельным судам, так и целым эскадрам нашим, заходившим в этот порт. Позвольте мне ввиду этого надеяться, что Ваше Превосходительство удостоите г. Чокова благосклонного приема и не откажете несколькими словами одобрения поощрить его усердие»²²².

Т.К. Чоков и В.О. фон Клемм были близко знакомы, отсюда и сам факт написания послания от 1909 г., и стоящее в начале «пользуясь Вашим расположением...», и достаточно откровенный тон письма. Большая часть письма посвящена характеристике развития торговых отношений между Россией и Коломбо, и Россией, и Калькуттой, притом значение последнего города, по мнению автора, будет непременно возрастать со временем и именно здесь следует находиться Генеральному консулу. Кроме того, положение в Индии таково, что судить о нем только по газетам было бы неправильно, европейские корреспонденты слишком сдержанны, а «в Индии в самом непродолжительном времени произойдут события, которых англичане не ожидают». Цейлон же не имел никакого политического значения: «Все европейские страны имеют в Калькутте и Бомбее Генеральных Консулов, у нас же в Калькутте никого нет, даже Вице-Консула. Переведите чиновника Мини-

²²¹ Шнейдер Василий Карлович был русским вице-консулом в Коломбо в 1900-1903 гг., скончался на следующий год по возвращении в Россию.

²²² АВПРИ: Ф. 147. Оп. 485. Д. 639. Л. 64 и об.

стерства в Калькутту²²³, и используйте Вашего Консульского Агента в Коломбо. Вы его знаете, а одиннадцатилетнее пребывание на острове, знание всех и каждого, всех обстоятельств и событий, полнейшее и искреннее желание умело служить Министерству, мне кажется, должны давать этому агенту в Ваших глазах много шансов». Этим Консульским агентом, прожившим одиннадцать лет на Цейлоне, был, конечно, сам Трифон Кириллович Чоков. Напоследок для подкрепления своих доводов он привел сведения о консулах других стран на острове: Австро-Венгрия и Италия, Бельгия, Дания, Франция, Германия, Япония, Мексика, Голландия, Норвегия, Персия, Америка имели своими консулами местных, английских или немецких, купцов и ни одна страна – чиновника Министерства иностранных дел. Это письмо созвучно характеристике, которую дал Т.К. Чокову вице-консул А.Ю. Булах в письме от 22 ноября 1908 г. к К.Э. Аргиропуло, старшему советнику МИД: «Я в начале крайне недоверчиво относился к бурным отзывам о г. Чокове, но дальнейшее мое знакомство с ним убедило меня, что это человек в высшей степени несправедливый, грубый и не в меру самолюбивый. Он всеми средствами добивался и продолжает добиваться своей заветной мечты – быть назначенным навсегда нештатным русским консулом в Коломбо» [Русские 2010: 200]. Сам тон письма и характеристики, данные им купцам («Купцы и фабриканты наши слишком сыты, и приспособляться к местным вкусам и требованиям не в их духе») и консульским агентам («...Вы, не придавая малейшего значения Коломбо, назначаете сюда тех, кто Вам дома даром не нужен») полны раздражения и желчи.

Неизвестно, была ли какая-нибудь реакция со стороны В.О. фон Клемма на это послание, был ли ответ, но

²²³ Решение перевести наше Генеральное консульство в Калькутту к этому времени было уже принято; более того, в ноябре 1908 г. английское правительство изъявило согласие на это, хотя реально оно начало свою работу в столице Индии только 22 февраля 1910 г.

ясно одно – вице-консулом Т.К. Чокова так и не назначили, и это не могло не задеть его самолюбия.

* * *

Но вернемся к рассказу И.А. Бунина. Его Зотов «прошел огонь, воду и медные трубы», но он какой-то импульсивный, издерганный, порой непоследовательный, много пьёт и непрерывно курит. Иван Алексеевич закончил повествование словами главного героя: «И вообще, я человек обреченный... Если бы вы знали, как страшно запутаны мои дела! Еще больше, кажется, чем душа и мысли! Ну, да из всего есть выход. Дернул собачку револьвера, поглубже всунув его в рот, – все эти дела, мысли и чувства разлетятся к чертовой матери!» [Бунин 1966: 405].

Трифон Кириллович Чоков, покончил жизнь самоубийством 13 февраля 1912 г. в своем номере в отеле Нью Ориентал города Галле. В предсмертной записке он написал: «Не могу больше терпеть эту боль, знаю, что меня не вылечить, лучше покончить с этим. Я хочу, чтобы меня кремировали, а прах отправили в Россию. Оставляю примерно 300 рупий, чтобы оплатить расходы»²²⁴. Газета «The Ceylon Independent» писала, что у него было предубеждение против цифры 13, и он скончался на 13-м году жизни на Цейлоне, 13 февраля в номере 13 отеля. По официальному заключению полиции он скончался от приступа стенокардии. На похоронах присутствовало много народа: вся русская колония, консулы зарубежных стран, официальные лица Цейлона [Ceylon 1912: 15 февраля 1912 г.]. По иронии судьбы Управляющим вице-консульством после его смерти сначала стал Милешин, служащий фирмы «Щербачев, Чоков и К°», но фирма закрылась, и он покинул остров. Уже 28 июля того же года было принято решение, что следующим вице-консулом станет представитель Доброфлота в Сингапуре Борис Петрович Кадомцев²²⁵, не

²²⁴ АВПРИ: Д. 1128, Л. 14.

²²⁵ АВПРИ: Д. 1128, Л. 23.

дипломат по профессии. Он окончил курс наук по экономическому отделению Политехнического института.²²⁶

Глава 15. ЕЖЕГОДНИК «РОССИЯНЕ В АЗИИ» О ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ²²⁷

Рассматриваемая тема связана с послереволюционной волной русской эмиграции. Хотя большинство россиян, бежавших от революции и Гражданской войны, поселились в Европе, немало их оказалось и в странах Азии, среди которых Китай, принявший наибольшее их число, занимает особое место. Десятки тысяч эмигрантов поселились в Маньчжурии, где еще с конца XIX века проживали русские – строители и старожилы КВЖД и Харбина. После оккупации Маньчжурии Японией многие русские эмигранты переехали в Шанхай. Именно Харбин и Шанхай стали главными культурными центрами дальневосточной ветви русской эмиграции. После окончания Второй мировой войны начался постепенный исход русских из Поднебесной, завершившийся к концу 1960-х годов.

За весь период своего существования дальневосточная русская эмиграция оставила значительное культурно-историческое наследие, в том числе и литературное, оказавшееся развезенным по разным городам и странам.

Цель розыска, сохранения и опубликования всевозможных материалов, связанных с пребыванием росси-

²²⁶ Автор благодарит Ранджану Сенасингхе за то, что он указал мне на сходство судеб К.Т. Чокова и героя рассказа И.А. Бунина.

²²⁷ **Сведения об авторе:** Каневская Галина Ивановна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Научной лаборатории международных институтов и многостороннего сотрудничества АТР. Восточный институт – Школа региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета. E-mail: gkanevskaya@mail.primorye.ru.

ян в Азии, была поставлена в ежегоднике «Россияне в Азии». Выходил ежегодник в 1994-2000 гг. при Центре по изучению России и Восточной Европы Торонтского университета (Канада) [Россияне в Азии 1994-2000 № 1-7]. Инициатором его издания и неизменным редактором была профессор университета О.М. Бакич²²⁸. В консультативный совет ежегодника входили профессора Торонтского университета: директор выше названного Центра Роберт Джонсон, заведующий Кафедрой славянских языков и литературы Кеннет Ланц, профессор той же кафедры Борис Томсон (выпуски 1-5), профессор Кафедры Восточной Азии Уайн Шлепп (первые два выпуска), библиограф по России Гамильтонской библиотеки Гавайского университета Патриция Полански и, с четвертого выпуска, – президент Музея русской культуры Сан-Франциско Дмитрий Георгиевич Браунс и вице-председатель и заведующий архивом музея Юрий Андреевич Тарала.

В редакционной статье, опубликованной в первом выпуске ежегодника, задача его сформулирована следующим образом: «Целью этого литературно-исторического ежегодника является публикация материалов по истории выходцев из России, которые по своей воле или по воле судьбы жили в разных странах Азии – главным образом в Китае, Японии, Корее и Монголии – в конце 19-го и первой половине 20-го века» [Россияне в Азии 1994: 1].

Всего вышло семь выпусков ежегодника общим объемом 2160 стр. Каждый из них претворял раздел «От редактора», в котором О.М. Бакич кратко знакомила с содержанием очередного выпуска, отвечала на вопросы читателей, благодарила их за присланные материалы и фи-

²²⁸ Бакич Ольга Михайловна (1938, Харбин) – дочь инженера-строителя, архитектора и художника М.А. Бакича. С 1959 г. семья Бакич жила в Австралии, где Ольга Михайловна в 1964 г. окончила Сиднейский университет и в 1971 г. получила ученую степень магистра по востоковедению. С 1971 г. ее научная деятельность оказалась связанной с университетом в Торонто, где в 1975 г. она получила профессию по русскому языку.

нансовую поддержку, за сообщения о замеченных в опубликованных текстах неточностях.

В соответствии с указанной направленностью издания – литературно-исторический ежегодник – каждый выпуск его открывался стихами поэтов русского дальневосточного зарубежья. Первый посвящен памяти поэтов Валерия Францевича Перелешина (Салатко-Петрище; 1913, Иркутск – 1992, Рио-де-Жанейро) и Марии Генриховне Визи (1904, Нью-Йорк – 1994, Сан-Франциско). В нем помещены 13 ранее не публиковавшихся стихотворений В. Перелешина [Россияне в Азии 1994: 7-16], любимого поэта О.М. Бакич, которая позднее стала автором единственной его биографии: «Валерий Перелешин: жизнь шелковичного червя», вышедшей в Торонто в 2015 г. [Bakich 2015].

В 1995 г. во втором выпуске ежегодника напечатана, своего рода, мини-антология «Русские поэты Китая о Китае и Японии» [Россияне в Азии 1995: 3-47], включившая стихотворения 17 авторов, как широкоизвестных: Алексей Ачаир (А.А. Грызов), Александр Вертинский, Всеволод Иванов, Арсений Несмелов, Валерий Перелешин и др., так и малознакомых: Василий Логинов, Николай Шилов, Евгений Яшнов и др. с краткими биобиблиографическими сведениями о них и с указанием источников публикаций²²⁹. В последующих номерах ежегодника даны более подробные характеристики жизни и творчества ряда малоизвестных поэтов русского Китая, а также подборки их стихов.

Редактору удалось собрать на страницах издания стихотворения и рассказы многообещающего молодого поэта Георгия Гранина (Сопрыкин Георгий Иванович; 1913, Станция Пограничная КВЖД – 1934, Харбин), траги-

²²⁹ В 2001 г. вышло отдельное издание: Русская поэзия Китая. Антология / Сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич. – М.: Время, 2001. 720 с. В антологию вошли стихи 58 поэтов с обширным справочно-библиографическим аппаратом.

чески ушедшего из жизни в 21 год, одного из участников на шумевшего в Харбине двойного самоубийства²³⁰. Кроме стихов, опубликовано и несколько рассказов Г. Гранина. [Россияне в Азии 1996: 3-45].

Безвременно в 33 года ушел из жизни и талантливый художник слова и многообещающий филолог Леонид Евсеевич Ещин (1897, Нижний Новгород – 1930, Харбин). Белый офицер, участник Ледяного похода, он уже в 1921 г. во Владивостоке издал сборник своих первых стихотворений «Стихи таежного похода» о событиях «тех страшных лет». Цикл этих стихов полностью опубликован в четвертом выпуске «Россияне в Азии» вместе со стихами поэта харбинского периода [Россияне в Азии 1997: 3-29]²³¹.

Впервые увидели свет на страницах ежегодника десять стихотворений Людмилы Николаевны Энгельгард (1911, Смоленск – 1988, Ташкент), в которых отражен сложный жизненный путь поэтессы, пролегли из России, через Китай и Австралию в Среднюю Азию [Россияне в Азии 1996: 46-55]. Стихотворения и заметки о поэтессе были представлены ежегоднику историком культуры русской эмиграции в Китае Е.П. Таскиной (1927, Харбин).

Необычны судьба и творчество поэта Константина Михайловича Трущева (1928, Кобэ), живущего в Японии и пишущего на японском языке. Его мать Екатерина Аркадьевна Обрицкая-Донар приехала в Японию в 1918 г. и стала первой иностранной киноактрисой (под псевдонимом Кити Славина) на японском экране. Стихи Константина Трущева, помещены в ежегоднике в переводе на рус-

²³⁰ Г. Гранин и его друг поэт Сергей Федорович Петров, пишущий под псевдонимом Сергей Сергин, в ночь на 6 декабря 1934 г. застрелились в харбинской гостинице «Нанкин».

²³¹ Позднее все выявленные стихотворения поэта вошли в книгу: Ещин Л.Е. Собрание стихотворений. М.: Водолей Publishers, 2005. – 80 с. Поэту посвящена и отдельная глава в монографии: Забияко А.А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения Российской академии наук, 2016. С. 195-213.

ский язык А.В. Хамана и со вступительной статьей профессора Кадзухико Савада (университет Сайтама, Япония). По лаконизму формы, емкости и глубине поэтических образов они сродни традиционным японским хайку. [Россияне в Азии 2000: 3-12].

В общей сложности на страницах ежегодника опубликованы стихотворения (некоторые впервые) 22 авторов, представляющих поэзию дальневосточной ветви русской эмиграции. Большинство из представленных поэтов были участниками кружка «Молодая Чураевка» и других литературных объединений, появившихся позднее в Шанхае. По мнению редактора ежегодника, увлечение поэзией среди эмигрантов подтверждает слова Ф.М. Достоевского, что для того, чтобы писать, надо страдать [Россияне в Азии 1996: 4]. А в эмигрантской среде не было ни одной семьи, которая так или иначе не пострадала бы в вихре революции и Гражданской войны. Скорбные ноты тех лет отчетливо слышны в поэтическом творчестве российских эмигрантов, а также в их письмах.

Речь идет о помещенной под рубрикой «История литературы» переписке 1936-1937 годов Арсения Несмелого (Митропольский Арсений Иванович; 1889, Москва – 6 декабря 1945, Гродековская пересылка близ Владивостока) (8 писем) с прозаиком, историком и журналистом Петром Петровичем Балакшиным (1898, Барабаш Южно-Уссурийского края – 1990, Беркли, Калифорния) (3 письма) из архива последнего, хранящегося в библиотеке Банкрофт Калифорнийского университета в Беркли [Из переписки ... 1995: 65-84].

Переписка, начавшаяся с приглашения А. Несмелого принять участие в издаваемом П. Балакшиным в Сан-Франциско альманахе «Земля Колумба», проливает свет на многие неизвестные ранее подробности из жизни одного из самых талантливых харбинских поэтов. Письма А. Несмелого также свидетельствуют о тяжелых материальных условиях, в которых приходилось существовать

русским эмигрантам. Так, в первом же письме от 1 марта 1936 г. он пишет: «Я живу так паршиво, скудно и скучно, что писать мне не о чем». А в конце письма, отпечатанного на машинке, сделана приписка от руки: «Прошу простить, что некоторые буквы в стихах – обведены от руки – лента отработалась на машинке, новую же купить не на что. Ницц, как поэт! Арс. Н.» [Из переписки ... 1995: 67-68]. Опубликована также в ежегоднике неоконченная поэма А. Несмелого «Нина Гранина. Повесть о старом Харбине», которая в 1944-1945 гг. вышла впервые в журнале «Рубеж» [Несмелов 1998: 4-24].

Напечатаны в ежегоднике и прозаические произведения русских эмигрантов. Это отрывки из книги Татьяны Ивановны Золотаревой (1913, Благовещенск – 2006, Сидней) «Маньчжурские были» [Золотарева 1995: 48-59], которая целиком была опубликована в 2000 г. в Сиднее [Золотарева 2000]. В книге правдиво и ярко воссоздана жизнь русских, китайцев и японцев в пристанционных поселках восточной линии КВЖД в 1930-1940-х гг.

В седьмом выпуске ежегодника внимание привлекает неопубликованный роман Якова Ловича (Яков Львович Дейч; 1896, Усть-Кара, Забайкалье – 1956, Сан-Франциско) «Шанхайцы» [Лович 2000: 15-92]. Возможность опубликовать последний роман писателя редакция ежегодника получила благодаря Музею русской культуры, сохранившему рукопись. В авторском предисловии Я. Лович писал: «Не мудрствуя лукаво, ничуть не поэтизируя родную мне эмиграцию, я пытаюсь изобразить жизнь русских людей, заброшенных нашей «великой, бескровной» в далекий и чуждый Шанхай. Я изображаю то, что видел в период 1937-1949 гг., т.е. до «великого исхода» эмиграции из города» [Лович 2000: 15]. К сожалению, в ежегоднике была опубликована только первая часть романа, хотя текст ее оканчивался обещанием: «Продолжение следует». Но неизменный редактор и душа ежегодни-

ка О.М. Бакич вышла на пенсию, и издание «Россияне в Азии» прекратило свое существование.

Из исследований о литературе, помещенных в ежегоднике, наиболее значительной является статья китайского профессора-слависта Дяо Шаохуа «Художественная литература русского зарубежья в городе Харбине за первые 20 лет (1905-1925 гг.). По найденным материалам» [Дяо Шаохуа 1996: 57-109]. Профессор опровергает расхожее мнение о том, что в дореволюционный период Харбин в литературном отношении представлял собой пустыню. Например, Ю.В. Крузенштерн-Петерец писала по этому поводу: «Судьба нас обделила...больших писателей у нас не было. Они уехали на Запад. Контакта с ними не было, молодежи нашей учиться было не у кого» [Крузенштерн-Петерец 1998: 65].

Дяо Шаохуа объясняет подобную точку зрения тем, что то время давно миновало, «исторических архивов осталось мало, и теперь найти их трудно. Людей, живших в то время, давно уже нет на свете» [Дяо Шаохуа 1996: 58]. Самому ему удалось найти немало ценных материалов, свидетельствующих о весьма активной литературной жизни русского Харбина первых десятилетий его существования. Об этом свидетельствует и приложенная к статье обширная библиография (10 страниц), включающая публикации выявленных литературных произведений 62 русских авторов и список 26 использованных периодических изданий, вышедших в Харбине в 1905-1925 гг. [Дяо Шаохуа 1996: 90-109].

Статья отечественного исследователя А.А. Хисамутдинова посвящена жизни и деятельности экономиста-востоковеда и одного из наименее известных российскому читателю дальневосточных поэтов русского зарубежья Евгения Евгеньевича Яшнова (1881, Норская мануфактура под Ярославлем – 1943, Шанхай) [Хисамутдинов 1999: 219-234]. Статья написана на основе архивных материалов и коллекции документов и писем Е.Е. Яшнова, собранных

автором. Стихи Е. Яшнов начал писать еще в юности и с конца 1890-х годов жил литературным трудом: занимался журналистской деятельностью, печатал стихотворения и небольшие рассказы, в том числе, и в столичных периодических изданиях.

Е.Е. Яшнов принимал участие в революционных организациях, неоднократно подвергался аресту и был сослан в Вологду, где стал работать земским статистом, что, видимо, и определило его дальнейшую профессиональную деятельность. В 1921 г. он эмигрировал в Харбин и поступил на службу в Экономическое бюро КВЖД, издавал книги по экономике и статистике Китая. Так, приложение к статье содержит перечень 58 работ Е.Е. Яшнова по экономике. Продолжал заниматься Евгений Евгеньевич и поэтическим творчеством. Сборник стихотворений Е.Е. Яшнова был издан его вдовой после его смерти в 1947 г. Но в него вошла лишь малая часть из написанного поэтом, к сожалению, большинство его стихотворений утрачены.

Особое внимание в ежегоднике уделено мемуаристике русских с китайским прошлым, воспоминания которых помещены во всех семи его выпусках и в совокупности создают всеобъемлющую картину жизни русской дальневосточной эмиграции за весь период ее существования и во всех главных центрах русского рассеяния в Китае: Маньчжурии, Шанхае, Синьцзяне и др.

Наибольший интерес для нас представляют воспоминания журналистки, прозаика и поэта Юстины Владимировны Крузенштерн-Петерец (19.06.1903, Владивосток – 8.07.1983, Сан-Матео, Калифорния)²³², напечатанные в пяти номерах ежегодника [Крузенштерн-Петерец 1994, 1997-

²³² Даты жизни, место рождения и смерти Ю.В. Крузенштерн-Петерец указаны по: Ренэ Герра. Репатрианты. Странная судьба «возвращенки» Наталии Ильиной. URL: <http://almanax.russculture.ru/archives/1331> (дата обращения: 20.05.2018).

2000] ²³³. Неоконченные воспоминания, писать которые Ю.В. Крузенштерн-Петерец начала в 1978 г., охватывают период с 1906 г. и до окончания Второй мировой войны.

Детство и молодость Юстины Владимировны прошли в Харбине, а в начале 1931 г. она уехала в Шанхай, где вышла замуж за Николая Владимировича Петерец (1907, Рим – 1944, Шанхай) одаренного поэта и публициста. В Шанхае она целиком посвятила себя журналистской деятельности, сотрудничая как с русской, так и с английской прессой, обычно под псевдонимом Meggy Devil (Веселый Бесенок). По мнению Ренэ Гера, доктора филологических наук, заведующего кафедрой русского языка и литературы в государственном университете города Ницца: «Юстина Владимировна была, безусловно, одним из лучших знатоков литературы русского Китая» [Ренэ Гера 2010].

С юности Ю.В. Крузенштерн-Петерец вращалась в литературных кругах, общалась и дружила с поэтами, писателями и журналистами. Ее воспоминания содержат портретные зарисовки многих из них, оценку их творчества, характеристику литературных объединений Харбина и Шанхая, описание взаимоотношений и быта русской литературной среды в эмиграции. Вся эта информация представляет огромную ценность как свидетельство очевидца и участника событий.

В целом материалы ежегодника «Россияне в Азии» по теме литература восточной ветви русской эмиграции позволяют сделать вывод, что издание внесло весомый вклад в изучение культурной жизни российского зарубежья.

²³³ Первая часть воспоминаний Ю.В. Крузенштерн-Петерец была передана ежегоднику из архива поэта М. Визи, остальные из Музея русской культуры в Сан-Франциско.

Abstract

From Migrants to Specialists: The Range of Russian Diaspora in the East

Chapter 1. PROGRESSORS OF THE STEPPES OR SOVIET EXPERTS IN MONGOLIA: HISTORICAL MEMORY ABOUT ONE POLITICAL PROJECT

About the author: Mikhalev Aleksey Viktorovich, PhD in Political Science, Head of the Department for Political Transformations Studies, Buryatsky State University, Ulaan-Ude. E-mail: mihalew80@mail.ru

This part of the collective monograph is devoted to an analysis of the main political concepts which appear in the historic memory of those Soviet citizens who worked in Mongolia in the second half of the XX-th century. Thousands of them were influenced by their experience in Mongolia – this country was the most visited by Soviet specialists. For a long time, the Mongolian People's Republic was the most available foreign country for Soviet citizens – the so-called 16-th republic of the USSR. Both everyday practices and attitude to Mongolia in the present time are a result of this perception. We focus on the concept of “progress” as the main ideological idiom of that time. It was “progress” that was seen as the foundation of Mongolia's transition from feudalism to capitalism. Some elements of this ideology can be found in contemporary historic and political literature devoted to Mongolia. Besides, an analysis of the concept of Soviet presence in this part of Asia is important for introspection of “Soviet colonialism”. The author supposes that the Soviet idea of “progress” is in direct opposition to colonialism practices.

Key words: progress, soviet presence, Mongolia, historical memory.

Chapter 2. RUSSIAN FELLOW CITIZENS IN ISRAEL

About the author: Semenchenko Nina Abramovna, PhD in History, Senior Research Fellow at the Department of Israel and Jewish Communities, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. E-mail: semnina2008@yandex.ru

The author sums up a research on the main ethnic communities that bring together various Russian and former Soviet fellow citizens in Israel. Based on theoretical definitions of «Russian diaspora» and «fellow citizens» the article provides characteristics of the ins and outs of «Jewish emigration» from the Russian Federation and post-Soviet republics. It attends to evolution of relationship between Israeli communities and corresponding republics. Author considers fellow citizens to be representatives of certain Caucasian ethnic groups, for instance the Circassians, who historically settled down in Israel. This research paper provides analysis of some aspects of the Circassia lifestyle which helped them preserve their ethnic identity.

Keywords: Russian diasporas, fellow citizens in Israel, Jewish emigration, communities in Israel, Circassia in Israel.

Chapter 3. THE EVOLUTION OF THE MENTAL ATMOSPHERE ON BOARD THE SHIPS OF THE RUSSIAN SQUADRON AND IN REFUGEES' CAMPS IN TUNIS IN THE EARLY 1920s (based on the materials of the "Morskoy sbornik")

About the author: Antoshin Aleksey Valerievich, Doctor in History, Professor at the Sub-department of Oriental Studies in the Ural Federal University, Ekaterinburg. E-mail: alex_antoshin@mail.ru

The paper examines the moods of military officers and sailors on the ships of Russian squadron in Bizerta at the beginning of the 1920s. It is based on the materials of journal "Morskoy sbornik" published by Monastyrev. Studying materials of this journal we can note three main periods of the history of Russian diaspora in Tunisia. During the first period (summer – early autumn 1921) the most popular idea was that life abroad would be temporary, Russian military officers and

sailors would have opportunity to continue their anti-Bolshevik struggle on the Russian territory. Therefore, they paid main attention to maintaining material-technical base of the squadron and to preserving high military spirit among officers and sailors. But all these hopes were illusory. During the second period (autumn 1921 – spring 1922) the main part of military officers and sailors turned into refugees and tried to organize their life in Tunisia. The majority of articles in “Morskoy sbornik” was devoted to social and cultural life of Russian refugees in Tunisia. During the final period (since spring 1922) the majority of refugees tried to leave Tunisia for European countries. Some of them used so called “Russian auction” organized by Czechoslovak government and resettled to this state as students. As a result, by the middle of 1920s Tunisia stopped being an important center of Russian diaspora. “Morskoy sbornik” is a significant historical source on the moral-psychological atmosphere in Russian diaspora in Tunisia.

Keywords: Russian squadron, Bizerta, “Morskoy sbornik”, N.A. Monastirev, Russian diaspora in Tunisia.

Chapter 4. RUSSIAN EMMIGRATION IN EGYPT

About the author: Belyakov Vladimir Vladimirovich, Doctor in History, Leading Fellow in the Centre for Oriental Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: belyakov2007@yandex.ru.

The paper is devoted to the book by Vladimir Belyakov “Russian emigrants in Egypt. 1920s–1980s. History. Documents. Necropolis”. It was published at the beginning of year 2018. The paper describes the structure of the book which consists of the Russian emigrants’ history and its most known representatives. The book includes also documents on Russian emigrants in Egypt and description of the Russian Orthodox necropolis in Egypt.

Keywords: Russians, emigration, documents, necropolis, Egypt.

**Chapter 5. EMIGRATION OF THE RUSSIAN COSSACKS
AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY:
SOCIO-ECONOMIC BACKGROUND**

About the authors: Aristova Ludmila Borisovna, PhD in Economy, Senior Fellow in the Centre for Economic Studies, the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: semenovanelli-2011@mail.ru.

Semenova Nelli Kimovna, PhD in Political Science, Senior Researcher in the Center for Economic Research, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: semenovanelli-2011@mail.ru.

The article is devoted to the analysis of the historical transformation of the Cossack estate associated with the well-known tragic events in Russia in the early 20th century. In the beginning, the authors consider the origins of the Cossacks phenomenon and a historical retrospective of the formation of a unique estate. Next, the authors examine the complex and tragic fate of the Cossacks after the 1917 revolution and the Civil War, as well as the socio-economic stratification in the ranks of the Cossacks: some of the Cossacks joined the White Guard army, some could not decide on the Soviets and waited, some supported the "Red". The struggle of the Cossacks for their rights and way of life with the Soviet power and the influence on the life of the Cossacks of the White movement are described. The policy of the Soviet state led to the death of a large part of the Cossacks and a large outflow of Cossacks abroad.

Keywords: Cossacks, revolution, civil war, repression, emigration.

*Russia and China
as a Merged Diasporal Field*

**Chapter 6. RUSSIANS IN CHINA AND THE CHINESE IN RUSSIA:
ETHNOPOLITICAL INTERACTION**

About the author: Semenova Nelli Kimovna, PhD in Political Science, senior researcher in the Center for Economic Research, In-

stitute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow.
E-mail: semenovanelli-2011@mail.ru.

The article is devoted to the origin and development of Russian-Chinese ethnopolitical relations in the period from the XVII cen. till the beginning of the new time. The author examines historical and political causes and consequences of the emergence and extinction of the Russian diaspora in China, the peculiarities of its social composition, analyzes the numerical composition in correlation with historical events. The second part of the article focuses on the presence of the Chinese diaspora in Russia, the features of interaction with local administrations and the population, the analysis of iconic historical events in the history of Russia and the active participation of Chinese citizens in them.

Keywords: Russia, China, migration, interethnic relations, political interaction.

Chapter 7. THE PROBLEM OF THE NUMBER OF RUSSIAN POST-REVOLUTIONARY EMIGRATION IN CHINA IN MODERN DOMESTIC HISTORIOGRAPHY

About the author: Nazemtseva Elena Nikolaevna, PhD in History, Research Associate in Military History Research Institute, Military Academy of General Staff, Russian Armed Forces, Moscow.
E-mail: elenanazz@mail.ru.

The article considers the problem of the number of Russian post-revolutionary emigration in China in the studies of modern Russian researchers. The author analyzes the data on the number of Russians in China from the studies of both Soviet and modern authors. The main problems of determining the number of Russian refugees are identified: lack of necessary sources, permanent migration processes on the Soviet-Chinese border, caused by political and economic reasons, fragmented and unreliable documentary data, researchers' mistakes. In addition, the author gives previously unknown archival sources about the number of Russian emigrants in various centers of resettlement in China. However, the prob-

lem of determining the number of Russian emigrants in China remains topical.

Keywords: historiography, the Russian emigration, refugees, China, the USSR, foreign relations, diplomacy, Civil war.

**Chapter 8. LANGUAGE BARRIER OF EAST EMIGRATION IN CHINA
AND ATTEMPTS OF ITS OVERCOMING. ADAPTATION OF
RUSSIANS IN THE OTHER ENVIRONMENT**

About the author: Chernikova Larissa Petrovna, PhD, Senior Researcher in the Department of China, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: larisa-che@mail.ru.

The paper is devoted to the problem of the language barrier, which made communication between the two peoples difficult. However, in our opinion, it was the language barrier that became the factor that helped Russian emigrants get adapted to a foreign language with alternative way of writing (hieroglyphs), because the difference in cultures due to the language barrier was not realized as quickly as it were in any other countries of European culture. It is the uniqueness of China (its dependence on the Europeans) and its culture helped Russian outsiders, through hardships but with ever-increasing success adapt in this eastern country. Moreover, they did it much more successfully than in the process of similar adaptation carried out by Russian emigrants in European countries.

Keywords: language barrier, cultural difference, hieroglyphic writing, differences in economic and technological development, uniqueness of Chinese culture, adaptive environment, translation complexity, language learning by different social groups.

**Chapter 9. FINANCING OF THE POLICY ON RUSSIAN LANGUAGE
PROPAGATION IN QING EMPIRE
(late 19th – early 20th century)**

About the author: Lapin Pavel Andreevich, PhD in History, Head of the Humanitarian cooperation and Mass-media office of the Russian Embassy to China. E-mail: waijiao2000@mail.ru.

In late 19th – early 20th century Russian Empire maintained active relations with China promoting its military and political, trade and economic interests. While deepening the bilateral ties the Chinese authorities established in the various cities schools to train specialists with Russian language knowledge to secure interstate relations.

Despite good conditions that had been created in the Qing Empire to promote Russian language and knowledge about Russia our authorities were not able to avail it – build additional education infrastructure, invite Russian teachers, design and adapt new school books for local students. The main reason was inadequate financing of humanitarian policy of Russia in the Chinese direction that limited our opportunity to control new staff training for modern factories and involve Chinese intelligentsia forming at that time into Russia's sphere of influence.

Keywords: Qing Empire, Russian Language in China, financing of education, humanitarian ties, Russian teachers.

Russian Diaspora in the Very Furthest: New Zealand-Australia Case

Chapter 10. THE INFLUENCE OF THE OCTOBER REVOLUTION AND THE RUSSIAN CIVIL WAR ON THE FATE OF RUSSIAN AUSTRALIANS

About the author: Kapran Inessa Konstantinovna, PhD in History, Teacher of History and Social Studies in the Industrial College of Energy and Communications, Vladivostok. E-mail: ikkapran@mail.ru.

The article studies the fate of Russian emigrants, who due to the October revolution and the Russian civil war found themselves in China and then arrived in Australia in 1950-60-ies. Basing on the life stories the author traces the importance and role the Russian immigrants' activities of the period played in conservation of national identity among their offsprings and in nurturing their love for their historical motherland-Russia while living in the Russian community of Sydney.

Keywords: revolution, civil war, immigration, national identity.

**Chapter 11. RUSSIANS IN PUBLIC-POLITICAL REALITY
OF THE AUSTRALIAN UNION IN THE 20th CENTURY**

About the author: Skorobogatykh Natalia Sergeevna, PhD in History, Senior Fellow in the Centre for Studying South-East Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: arhip2212@yandex.ru

The author analyzes the problems of the participation of the Russian diaspora representatives in Australia's political life during the period from the beginning of Russians mass migrations to the present days. The information about the most prominent figures who have reached high positions in the state apparatus of the country is given.

Keywords: The Commonwealth of Australia, Russian diaspora, multiculturalism, Mikhail Protopopov, Dmitry Feklistov, Tania Mihailuk, Alex Chernov.

**Chapter 12. SPECIAL ASPECTS OF SELF-MANAGEMENT AMONG
THE RUSSIANS IN AUSTRALIAN UNION
IN THE 20th – EARLY OF THE 21st CENTURY**

About the author: Skorobogatykh Natalia Sergeevna, PhD in History, Senior Fellow in the Centre for Studying South-East Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: arhip222@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of trends in the development of Russian immigration to Australia and the specifics of the Russian diaspora organizations. Special attention is paid to the activities of the Russian Australian Representative Council (RARC) and its relations with the Russian Federation state institutions.

Keywords: The Commonwealth of Australia, Russian diaspora, multiculturalism, S.V. Lavrov, Rossotrudnichestvo, Russian Australian Representative Council (RARC), Irina Simonyan.

**Chapter 13. TO THE HISTORY OF RUSSIANS IN
NEW ZEALAND: NANSEN HOME (1963-1984)**

About the author: Rudnikova Elena Viktorovna, PhD in History, Senior Fellow in the History, Archeology and Ethnical Studies Institute of the Far East Department of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok. E-mail: elena.rudnikova@mail.ru

The article tells a little-known story in the history of Russian community in New Zealand. The main sources of the research are various Anglophone published and archival materials. On this base the author creates an objective picture of life a specific group of Russian immigrants had in New Zealand. The majority were brought there from China and the Philippines during the years 1963-1975 as humanitarian refugees. All of them were elderly, ill and very poor people who left Russia after the October Revolution (1917) and the Civil War. New Zealand rest home for Russian elderly refugees was named after Dr. F. Nansen. The author describes the activities of Nansen Home sponsors, quantity of the refugees and socio-professional structure of the residents. Also, there are analyses of the immigrants' real-life stories and the results of their adaptation in a new country.

Keywords: Russians in New Zealand, Nansen Home, Russian refugees.

***Russian Diaspora
as Reflected in Literature***

**Chapter 14. "COMPATRIOT". THE HISTORY OF CREATION
OF ONE OF THE SHORT-STORIES BY A.I. BUNIN**

About the author: Zagorodnikova Tatiana Nikolaevna, PhD in History, Leading Fellow in the Centre of Indian Studies, the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow. Email: TNZAG@mail.ru

Ivan Alekseyevich Bunin visited Ceylon in 1911. It seemed to him a real Paradise on Earth. Scenery, landscapes and people, whom he met there, impressions he gained inspired him and gave ideas for his stories up till 1944. One of his stories "Compatriot" (published in 1916) was based on his meetings and talks with Russian tea-dealer and merchant Tri-

fon Kirillovitch Chokov, who was the head of our community in Colombo. Being a very active person, he did his best to promote Russian-Ceylon trade, to be appointed Russian vice-consul in Colombo but all his initiatives ended in failure. In "Compatriot" Ivan Alekseyevich Bunin depicted his controversial character and even predicted his tragic fate.

Keywords: I.A. Bunin, tea trade, Ceylon, Russian-Ceylon trade, Russian community in Ceylon.

Chapter 15. ANNUAL "RUSSIANS IN ASIA" ON THE LITERATURE OF THE RUSSIAN FAR EASTERN EMIGRATION

About the author: Kanevskaya Galina Ivanovna, PhD in History, Senior Fellow in the Scientific Laboratory of International Institutions and Multilateral Cooperation of the APR. Eastern Institute – School of Regional and International Studies of the Far Eastern Federal University. E-mail: gkanevskaya@mail.primorye.ru

In recent decades, the cultural life of the Russian emigrants has always been the focus of domestic historiography. But the main interest of researchers was focused on Russian post-revolutionary emigration in European countries, where the cream of Russian literary and scientific thought turned out to be. The culture of the Far Eastern branch of the Russian emigration for a long time remained a poorly examined issue of Russian emigrant studies. An annual "Russians in Asia" was one of the first issues that introduced the readers to the literary creativity of the representatives of the Far East abroad. The annual was published in 1994-2000 at the Center of Russian and East European Studies University of Toronto, edited by Professor Olga Bakich and collected on its pages not only the works of Russian poets and writers, but also researches about their life and work. The publication has returned to the treasury of Russian literature many names that remained unknown at home.

Keywords: literature of the Russian Far Eastern emigration community, Russian emigration in China, culture of the eastern branch of the Russian emigration, the annual "Russians in Asia".

Библиография

- Аблажей Н.Н.* С Востока на восток: российская эмиграция в Китае / отв. ред. В.А. Ламин; РАН, Сибирское отделение, Институт истории. Новосибирск: СО РАН, 2007. 300 с.
- Аблова Н.Е.* Дальневосточная ветвь Русского зарубежья. Минск: «РИВШ», 2007. 220 с.
- Аблова Н.Е.* История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Минск: Изд-во БГУ, 1999. 316 с.
- Аболтин В.Я.* «Независимая» Маньчжурия / *Аварин В.* Изд. 2-е, доп. [М.], [Ленинград]: Партиздат, 1934. 152 с.
- Аварин В.Я.* «Независимая» Маньчжурия. Л. 1934. 152 с.
- АВПРИ – Архив внешней политики Российской Империи. Ф. 143 («Китайский стол»). Оп. 491. Д. 153.
- АВПРИ – Архив внешней политики Российской Империи. Ф. 143 («Китайский стол»). Оп. 491. Д. 2042.
- АВПРИ – Архив внешней политики Российской Империи. Ф. 161 (Санкт-Петербургский Главный архив). II-12. Оп. 52. Д. 1.
- АВПРИ – Архив внешней политики Российской Империи. Ф. 147. Оп. 485. Д. 639. Л. 64 и об.
- АВПРФ – Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 100. Оп. 8. П. 4. Д. 110. Л. 520.
- Австралиада. Русская летопись. № 74. Сидней, 2013.
- Австралиада. Русская летопись. История русских в Австралии / Под ред. Н.А. Мельниковой. Том 1. Сидней, 2004. 297 с. и 40 с. илл.
- Аристова Л.Б.* Уральские казаки в Австралии // *Азия и Африка сегодня.* 2015. С. 67-70.
- Арсеньев В.К.* Китайцы в Уссурийском крае. Хабаровск, 1914. 203 с., табл. 22 л., ил., 5 л. карт.
- Артемов Юрий.* Русская революция в Австралии и «сети шпионажа». СПб.: Изд-во «Алетейя», 2017. 380 с., 18 ил.
- Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение. 2014. 328 с.
- Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае. 1920-1950-е гг. Хабаровск: Частная коллекция, 2008. 268 с.

- Балакишин П.П. Финал в Китае: Возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. Том 1. Сан-Франциско: Изд-во «Сириус», 1958. 434 с.
- Балашов Ю.А., Камраков А.А., Рыжов И.В. Роль этнических меньшинств, этноконфессий, диаспор и разделенных народов в политическом процессе государств Ближнего и Среднего Востока. Нижний Новгород. 2007. 128 с.
- Балмасов С.С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. М.: Центрполиграф, 2007. 559 с.
- Балясникова О.В. «Свой-чужой»: психолингвистические аспекты исследования (на материале русского языка). Федеральное гос. бюджетное учреждение науки, Ин-т языкознания РАН. Москва: Канцлер, 2016. 202 с.
- Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань: Тип. Императорского Университета, 1882. 582 с.
- Баранчук Н. Православный крест среди финиковых пальм // Эхо планеты. 1998. № 6. С. 34-35.
- Бармин В.А. Советский Союз и Синыцзян, 1918-1941 гг. (региональный фактор во внешней политике Советского Союза). Барнаул: Изд-во БГПУ, 1998. 214 с.
- Белоглазов Г.П. Из истории русской гражданской земледельческой колонизации в Маньчжурии в начале XX в. // Россия и АТР. Владивосток, 1998. №4.
- Белоглазов Г.П. Сельские поселения русских военных колонистов в Маньчжурии (конец XIX – начало XX в.) // Россия и АТР. Владивосток, 1997. №4. С. 35-40.
- Благочинный Австралийско-Новозеландской епархии протоиерей Михаил Протопопов. «Да возвеличится Россия, да гибнут наши имена...» // Экономические стратегии, 05.06.2007. С. 6-11. Режим доступа: http://www.inesnet.ru/magazine/mag_archive/free/2007_05_06/mihail.htm.
- Бойко В.Г. Китайские общины Западной Сибири в 1920-е – 1930-е годы // Актуальные вопросы российско-китайских отношений: история и современность. Материалы региональной научно-практической конференции (13 октября 1999 г.). Барнаул, 2000. С. 24-33.
- Борисенко О.А. Восточный акцент в диалоге культур // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализа-

- ции и глобализации: материалы V Международной научно-практической конференции. Чита: ЗабГУ, 2013. С. 15-19.
- Борисов, старший лейтенант.* Обзор деятельности и жизни Русской эскадры в Бизерте // Морской сборник. 1922. № 1. С. 12-14.
- Бугаев С.Л., лейтенант* // Морской сборник. 1921. № 2. С. 19-20.
- Бунин А.И.* Письма 1905-1919. М.: ИМЛИ РАН. 2007. 832 с.
- Бунин А.И.* Собрание соч. в 9 т. М.: Художественная литература. Т. 4. 1966. 499 с., 1 л. портр.
- Ван Чжичен.* История русской эмиграции в Шанхае. Шанхай. 1993.
- Ван Чжичэн.* История русской эмиграции в Шанхае. Пер. с кит. Пань Чэнлонга, Сяо Хуэйчжуна, Лю Юйцинь, Бэй Вэньли, Л. П. Черниковой. М.: Русский путь, 2008. 576 с.
- Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А.* Этномиграционные процессы в Приморье в XX в. Владивосток: ДВО РАН, 2002. 228 с.
- Великая отечественная война Советского Союза 1941-1945. Краткая история. М. ОТКЗ ВИМО СССР. 1970.
- Вирен фон Р., старший лейтенант.* Потопление русского броненосного крейсера «Паллада» 11/24 октября 1914 г. в Финском заливе // Морской сборник. 1922. № 6. С. 71-89.
- ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т.1: 1920-1925 / Рук Го Хэньюй, М.Л. Титаренко. М., 1994. 769 с.
- На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев. 1925-1945. М.: Наука, 1977. 443 с.
- Восток и восточники / Изучение Востока в России // Вестник Азии. Китаеведение / Сост. В.А. Одинец. Т. 1, [19--]. С. 169-174/об.
- Врубель С.А.* Русско-китайские языковые скрещения // Культура и письменность Востока. № 7-8. М., 1931. С. 131-140.
- Галлямова Л.И.* Социально-экономическое развитие Дальнего Востока (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Проблемы истории, социально-экономического и культурного развития. Благовещенск, 2000. Вып. 3. С. 209-218.
- Ганжуров В.Ц.* Россия-Монголия (на трудном пути реформ). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 1997.

- Гао Шилань. Чжунго цзяохуэй сюэсяо ши (История миссионерских школ в Китае). Чанша: Хунань цзяоюй чубаньшэ, 1994.
- Гартунг И.И. Моя семья: Гартунги – Вальдены. Австралиада. 2014. № 79. С. 2-6.
- Гатаулина Л.М. Проблемы некапиталистического развития. Монгольская Народная Республика. М.: Наука. 1978. 301 с.
- Глебов Н.Д. Дипломатические функции Пекинской Православной Духовной миссии (К 250-летию юбилею) // Китаеведение / Сост. В.А. Одинец. Т. 1, [19--]. 470 с.
- Говердовская Л.Ф. Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917–1931 гг. М.: Изд-во МАДИ, 2004. 176 с.
- Готлиб О.М. Этносемантика и китайский язык / Ред. В.Д. Подберезская. Китайское языкознание. IX Международная конференция. Материалы. Москва, Институт языкознания РАН, 1998. С. 62-63.
- Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1912. 80 с.
- Грибовский С. Уведомление о начале бытия россиян в Пейдзине и о существовании в оном греко-римской веры // Материалы для истории российской духовной миссии в Пекине. / Под ред. проф. Н.И. Веселовского. СПб. 1905.
- Далекий Схід (Дальний Восток) // Эмигрантика. Собрание изданий, под ред. О. Бакич. URL: <http://www.emigrantica.ru/item/dalekii-skhid-kharbin-1938>. (на укр. яз.).
- Даниленко Ф. Богиня милосердия // Китаеведение / Сост. В.А. Одинец. Т. 1, [19--] 470 с.
- Даниленко Ф. Конфуций и Його-наука. // Китаеведение / Сост. В.А. Одинец. Т. 1, [19--] 470 с.
- Дацышен В.Г. Изучение китайского языка в России (XVIII – начало XX в). Новосибирск: НГУ, 2011. 196 с.
- Дацышен В.Г. Формирование китайской общины в Российской империи (вторая половина 19 – начало 20 вв. // Диаспоры. М.: Наука, 2001. №2-3.
- Дацышен В.Д. Русские в Ханькоу: из истории российско-китайских отношений второй половины XIX – первой половины XX в. (по архивным и книжным фондам Москвы, Сибири, Дальнего Востока и Китая) // Россия и

- Китай. Научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов). Сб. ст. Вып. 2. / отв. ред. Н.В. Колпакова. СПб.: БАН; Альфарет, 2012. С. 79-80.
- Дипломатический вестник. 1998, №3 (март).
- Дубровин Д.Ю. Уральское казачество в гражданской войне. Воспоминания участников. М.: 2012. С. 368.
- Духович, старший лейтенант. Наблюдения над течениями в Югорском шаре и их обработка // Морской сборник. 1921. № 4.
- Дьяченко Н.В. Советские войска в Монголии во второй половине 1960-х-80-е гг. // Олон улсын Монголч Эрдэмтлийн Х их хурлын илтгэлүүд. Түүхийн Өмнөх үе болон түүхэн үеийн монгол ба гадаад ертөнц. Улаанбаатар: IAMS. 2012. I боть. С. 217-222.
- Дэмбэрэл К. Влияние международной среды на развитие Монголии: сравнительный анализ в историческом контексте XX в. Иркутск: Оттиск. 2002. 122 с.
- Дяо Шаохуа. Художественная литература русского зарубежья в городе Харбине за первые 20 лет (1905-1925 гг.). По найденным материалам // Россияне в Азии. Литературно-исторический ежегодник. Торонто. Торонтский университет. Центр по изучению России и Восточной Европы. 1996. № 3. С. 57-109.
- Дятлов В.И. Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России // Диаспоры / Diasporas. 2004. № 3. С. 126-138.
- Евсюков Е.Н., Евсюкова Ю.Е. Время выбирает сильных. Кн. 2. Старый Оскол: Изд-во Ямская степь, 2010. 256 с.
- Ежова Ф.А. Мусульмане против ислама. Кто такие «Татары за Израиль»? // Народ. №36. 31.05.06 -06.06.06.
- Ерофеева Е.Д., Якимова С.И. Духовно-нравственные основы российского казачества в прессе русского зарубежья Дальнего Востока // Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». 2016. Том 7. № 2. С. 212-217. URL: http://ejournal.pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2016/TGU_7_85.pdf.
- Ерошенко Василий: слепой Ломоносов XX века. 13.11.2016. URL: <https://eksmo.ru/interview/vasiliy-eroshenko-slepoy-lomonosov-xx-veka-ID3793345/>

- Ефименко И.Н.* Диалог культур в современном мире (социокультурная адаптация иностранцев, языковая интерференция, лингвострановедческий аспект) // Русско-китайские языковые связи и проблемы межкультурной коммуникации в современном мире: материалы Международной науч.-практ. конф. Омск, 18–19 ноября 2009 г. / отв. ред. Л.Б. Никитина. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2009. С. 38–41.
- Ещин Л.Е.* Собрание стихотворений. М.: Водолей, 2005. 80 с.
- Жао Ланлунь.* Общие сведения о проживающих в Харбине русских эмигрантах в период 1917–1931 гг. // Бэйфан венью. 2000.
- Журнал "Oriente" (Восток).* / Отдельный оттиск из журнала «Вестник Азии» ОРО, № 53.
- Журнал «Родина».* 1990. № 10. С. 41–44.
- Журнал «Русский Американец.* 2000. Обзорный выпуск 22.
- Забияко А.А.* Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. Новосибирск. Издательство Сибирского отделения Российской академии наук. 2016. С. 195–213.
- Завалишин А.Ю.* Национальные отношения на Дальнем Востоке: история и современность // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Выпуск четвертый. Этнические контакты. АмГУ. Благовещенск: АмГУ, 2001.
- Залеская О.В.* Российско-китайские приграничные отношения на Дальнем Востоке (1917–1924 гг.). / Под ред. Н.А. Шиндялова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2002. 156 с.
- Западное образование среди китайцев* // Китаеведение / Сост. В.А. Одинец. Т. 1, [19–] С. 105–105/об.
- Зарипова, Закира.* Место и роль татарской диаспоры в развитии отношений между Татарстаном и Израилем. Доклад на круглом столе «Израиль, Татарстан и Палестина: история отношений и перспективы сотрудничества» в рамках работы международного научно-практического симпозиума «Арабо-израильский конфликт и роль России в его урегулировании» (Казань, 14–15 мая 2010 г.).
- Зернин, старший лейтенант.* Первый поход подводной лодки «Волк» // Морской сборник. 1922. № 6. С. 1–22.
- Зефиров Н.С.* Шанхай и его возможности // Вестник Маньчжурии. 1928. №9. С. 61–77.

- Золотарева Т.И.* Маньчжурские были (отрывки) // Россияне в Азии. 1995. № 2. С. 48-59.
- Золотарева Т.И.* Маньчжурские были. Сидней. Харбинское и Маньчжурское ист. о-во. 2000. 267 с.
- И.Н.А.* Настоящее положение и современная деятельность Православной духовной миссии в Китае // Православный собеседник. 1884. Август. С. 373-390.
- Иванова Н.А., Желтова В.П.* Казачество в составе населения России (конец XIX – начало XX вв.) // Тезисы докладов межд. научн. конф. «Казачество в истории России». Краснодар, 1993.
- Из жизни эскадры и лагерей // Морской сборник. 1921. № 6. С. 71-72.
- Из жизни эскадры и лагерей // Морской сборник. 1921. № 7. С. 68-69.
- Из жизни эскадры и лагерей // Морской сборник. 1922. № 3. С. 98.
- Из переписки П. Балакшина с А. Несмеловым // Россияне в Азии. 1995. № 2. С. 65-84.
- Инструкция миссионерам // Известия Братства Православной Церкви в Китае. 1905. Вып. 1.
- Ирина Симоньян.* «Шаг за шагом, год за годом, и мы построим наш общий Русский дом». Всемирный координационный совет. 29 Декабря, 2015. URL: <http://vksrs.com/publications/irina-simonyan-shag-za-shagom-god-god-godom-i-my-postroim-nash-obshchiy-russkiy-dom/>
- Ирина Симоньян.* Биография. URL: <http://vksrs.com/persons/irina-simonyan/>
- Ирина Симоньян.* Из Москвы с идеями. Всемирный координационный совет. 27 Июня, 2016. URL: <http://vksrs.com/publications/irina-simonyan-iz-moskvy-s-ideyami/>
- Исаия.* Материальное состояние православных христиан в Пекине // Иркутские епархиальные ведомости. 1866. № 48. С. 529-537.
- История казачества азиатской России. Т.3. XX век. Екатеринбург: УрО РАН. 1995. 268 с.
- История русских в Австралии. Сидней. 2004-2013. Т.1-4.
- История Русских в Австралии. Том I. Сидней. 2004.
- Кабузан В.М.* Дальневосточный край в XVII – начале XX в. (1640-1917): Ист.-демогр. очерк. М.: Наука, 1995. 260 с.

- Камский. Русские белогвардейцы в Китае. М.: Красная новь, 1923. 66 с.
- Каневская Г.И. «Мы еще мечтаем о России...». История русской диаспоры в Австралии (конец XIX в. – вторая половина 80-х гг. XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. – 372 с.
- Каневская Г.И. История русской иммиграции в Австралии. 2008. URL: <http://www.dissercat.com/content/istoriya-russkoi-immigratsii-v-avstralii>.
- Каретина Г.С. Китайский милитаризм и иностранная интервенция на Дальнем Востоке (1917-1931 гг.) // Исторические контакты России и Советского Союза с Китаем на Дальнем Востоке во второй половине XIX – первой половине XX в. Владивосток, 1986.
- Киржниц А.Д. У порога Китая. М.: Красная новь, 1924.
- Книжные новинки // Рубеж. 1933. № 15 (8 апр.).
- Комиссарова Е.Н. Белогвардейская эмиграция в Синьцзяне в 1920-1935 гг.: Дис. канд. ист. наук. Барнаул, 2004. 226 с.
- Корвяковский П.П. Китайцы – жертвы сталинских репрессий // Проблемы Дальнего Востока. 1991. №2.
- Коростовец И. Русская духовная миссия в Пекине // Русский архив. Книга III. 1893. № 9. С. 57-86.
- Коротенко В. Любовь у ханьцев // Китаеведение / Сост. В.А. Одинец. Т. 1, [19--] 470 с.
- Косинова О.А. Педагогические традиции российского Зарубежья в Китае в конце XIX – первой половине XX веков (1898-1945 гг.). М. [без изд.], 2008. 200 с.
- Краснов П.И. История Войска Донского. Картины былого Тихого Дона. М.: Вече, 2011. 448 с.: илл.
- Краткая история Русской православной миссии в Китае. Пекин. 1916. 226 с., 3 л. ил.
- Кротова М.В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920-1930-е гг.). СПб.: Астерион, 2014. 336 с.
- Крузенитерн-Петерец Ю.В. Воспоминания // Россияне в Азии. 1997. № 4. С. 124-209; 1998. № 5. С. 25-83; 1999. № 6. С. 29-104; 2000. № 7. С. 93-149.
- Крузенитерн-Петерец Ю.В. У каждого человека есть своя родина. Воспоминания // Россияне в Азии. 1994. № 1. С. 17-132.
- Кудрявцева Н.А. Иммиграция в Австралию в конце XX – начале XXI вв. и особенности роста русской диаспоры на «Зеле-

- ном континенте». 2013 // История и политические науки. Вестник МГОУ №4/2013. URL: <https://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/4552>
- Кудяков О.А. Некоторые особенности государственной политики освоения русскими Приамурья на рубеже XIX-XX вв. // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Благовещенск, 2000. Вып. 3. С. 89-94.
- Кук, Эндрю. Сидней Рейли. На тайной службе Его Величества. М.: Эксмо, 2004. 448 с. Лаборатория лингвистики жестового языка. Проект «О мире глухих». URL: <https://signlang.ru/>. Дата обращения: 20.06.2018.
- Лазарева С.И. Российская эмиграция в Китае между двумя мировыми войнами // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Сотрудничество на рубеже веков. Матер. междунар. науч.-практ. конф. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. Кн. 2. С.18-25.
- Ларин А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. М.: Муравей, 2003. 223 с.
- Ларин А.Г. Китайцы в России. М.: ИДВ РАН, 2000. 124 с.
- Ларин В.Л. Посланцы Поднебесной на Дальнем Востоке: ответ алармистам. // Диаспоры. М. 2001. №2-3.
- Левин З.И. Менталитет диаспоры. Системный и социокультурный анализ. Издательство: «Крафт+», «Институт Востоковедения РАН» 2001. 176 с.
- Левицкий Н.А. Русско-японская война. М.: Изд-во Эксмо, Изографус; СПб.: Terra Fantastica 2003. 672 с., илл.
- Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 томах. М.: Издательство политической литературы. 1973. Т. 30. 561 с.
- Ли Дэбин, Ши Фан. Хэйлунцзян иминь гайяо (Краткий очерк об иммигрантах в провинции Хэйлунцзян). Харбин, 1987. С. 137.
- Ли Синпэй. Китаец Ли Фуцин – боец личной охраны Ленина // Дружба, скрепленная кровью. / Ред. Лю Юнань. М., 1959.
- Ли Юнчан. Китайские рабочие в России и Октябрьская революция. Шицзячжуан, 1988. 366 с.
- Ли, Инна. Русская диаспора в Пекине: проблемы и размышления // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. №5. Благовещенск: АМГУ, 2003. С.286-295.
- Ли, Мэн. Харбин – продукт колониализма // Проблемы Дальнего Востока. № 1/99. М., ИДВ РАН, 1999. С. 96-103

- Лиштованный Е.И.* От Великой империи к демократии: очерки политической истории Монголии. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та. 2007. 195 с.
- Лович Я.* Шанхайцы // Россияне в Азии. 2000. № 7. С. 15-92.
- Лузянин С.Г.* Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004-2008 гг.). М.: Восток-Запад АСТ. 2007. 448 с.
- Луконин Ю.В., Новиков С.С.* Россияне в Тунисе // Российская диаспора в Африке. 20-50-е гг. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2001. С. 70-90.
- Любимов Л.И.* Китайская эмиграция. Харбин. 1932.
- Малышенко Г.И.* Общественно-политическая жизнь российского казачества в дальневосточной эмиграции (1920-1945 гг.). Омск: Изд-во ФГОУ ВПО ОмГАУ, 2006. 436 с.
- Маракуев А.В.* Шанхай – торговая столица Китая // Вестник Маньчжурии. 1927. № 3. С. 50-57.
- Международный совет российских соотечественников (МСРС). О нас. URL: <http://www.msrs.ru/>.
- Мелихов Г.В.* Маньчжурия далекая и близкая. М. 1991. 318 с.
- Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в Китае (1917-1924 гг.) М. ИРИ РАН, 1997. 245 с.
- Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке. 1925–1932. М.: Русский путь; Викмо-М, 2007. 318 с., 14 л. фот.
- Менакер Т.* Грех разведчика – Дмитрий Быков о русской эмиграции. / Кстати. 28.09.2016. URL: <http://kstati.net/greh-razvedchika-dmitrij-bykov-o-russkoj-emigratsii/>.
- Мендикулова Г.М.* Исторические судьбы казахской диаспоры: происхождение и развитие. Алматы: Ғылым, 1997. - 261, [1] с.: ил., портр.
- Мировицкая Р.А.* Советский Союз и КПК (конец 20-х – начало 30-х годов) // Опыт и уроки истории КПК (К 60-летию образования партии). М., 1981.
- Монастырев Н.А.* Наши подводные лодки во время войны // Морской сборник. 1921. № 1. С. 2-18.
- Монастырев Н.А.* О тактических свойствах и маневрировании подводных миноносцев и заградителей // Морской сборник. 1921. № 2. С. 5-17.
- Монголия и Россия: Вечные соседи. Улаанбаатар: МОНЦАМЭ. 2009. 213 с.

- Мухачев Ю.В.* Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М.: Мысль, 1982. 269 с.
- На китайской земле: Воспоминания советских добровольцев. 1925-1945. М., 1977. 445 с.: илл.
- Национальный состав населения СССР / Госкомстат СССР. М., 1991.
- Несмелов А.* Нина Гранина. Повесть о старом Харбине // Россияне в Азии. 1998. № 5. С. 4-24.
- Нестерова Е.И.* Китайцы в Приморье: некоторые аспекты социальной адаптации (конец 19-нач.20 вв.) // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в 20 в.: Сборник научных статей. Владивосток, 2000. С. 69-82.
- Нисбет Р.* Прогресс: история идеи. М.: ИРИСЭН. 2007. 556 с.
- Носенко-Штейн Е.Э.* Евреи в современном мире: диаспора, профессиональное меньшинство, этническая группа? // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 3: Культура и политика: проблемы взаимосвязи / отв. Ред. Ю.В. Любимов. М.: ИВ РАН, 2017. С. 230-243.
- Нэш Г.* Потерявшие Родину: Семейная сага Тарасовых. СПб.: Лики России, 2011.
- Оглезнева Е.А.* Жанр воспоминания в речи представителей харбинской диаспоры: мотивы и настроения // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. №2. Благовещенск: АмГУ, 2001. С. 196-201.
- Оглезнева Е.А.* Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Дисс. докт. филол. н. Благовещенск, 2009. 505 с.
- Оглезнева Е.А.* Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания. Благовещенск: АмГУ, 2007. 264 с.
- Оглезнева Е.А.* Русско-китайский пиджин: особенности функционирования и языковая специфика // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2007. Т. 66, № 4. С. 35-52.
- Оглезнева Е.А.* Языки в условиях многонационального Харбина: к проблеме языкового взаимодействия // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. №3. Благовещенск: АмГУ, 2002. С. 445-451.
- Одинец В.А.* Ван-Дао // Китаеведение / Сост. В.А. Одинец. Т. 1, [19--] 470 с.

- Одинец В.А. Піонери українського сходознавства / Доклад, прочитанный в Обществе Украинских Ориенталистов // Китаеведение / Сост. В.А. Одинец. Т. 1
- Олейников И.В. Антикризисная деятельность администрации КВЖД в революционное время (1917–1920 гг.). Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2012. 106 с.
- Организации соотечественников в Австралии. URL: <https://australia.mid.ru/ob-organizaciiah-rossijskih-sootecestvennikov>.
- Осипов Ю.Н. Крестьянство Дальнего Востока в период капитализма // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Благовещенск, 2000. Вып. 3. С. 80–88.
- Особый район Восточных провинций Китайской Республики: Справочные сведения об административном и судебном устройстве района. Харбин: "Товарищество Печать", 1927. 323 с.
- От редакции // Морской сборник. 1921. № 1. С. 1–2.
- От редакции // Морской сборник. 1921. № 3. С. 148.
- От редакции // Морской сборник. 1921. № 6. С. 73.
- Отчет о состоянии Пекинской духовной миссии за 1905 год // Известия братства православной церкви в Китае. 1906. Вып. 38–39. С. 30–36.
- Отчет о состоянии Пекинской духовной миссии за 1914 год // Китайский благовестник. 1915. Вып. 1–2. С. 27–30.
- Панарин С.А. Курица не птица? Воспоминания о социалистической Монголии // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. №6. С. 66–76.
- Панов А.А. Желтый вопрос в Приамурье (Историко-статистический очерк) / Вопросы колонизации. СПб, 1910. №7. С. 53–116.
- Патлань Ю. Жизнь и судьба Василия Ерошенко (к 50-летию со дня смерти) // Окно в Японию. Интернет-бюллетень Общества «Россия-Япония», №№ 03–06, 2003. URL: <http://ru-jp.org/patlan01.htm>.
- Пеньковский Д.Д. Предпосылки эмиграции казачества из России (1920–1925 гг.). М.: МГУ, 2006. URL: <https://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Penkovskiy/>

- Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом: документы, август 1923 г. – 1926 г. М.: Наталис, 2008. 704 с.
- Персиц М.А.* Дальневосточная республика и Китай. Роль ДВР в борьбе советской власти за дружбу с Китаем в 1920-1922 гг. М., 1962. 304 с.
- Петриковская А.С.* Культура Австралии XIX–XX вв. М.: Восточная литература, 2007. 254 с.
- Петров А.И.* История китайцев в России. 1856-1917 г. СПб.: ООО «Береста», 2003. 960 с., ил.
- Петров В.И.* Мятежное «сердце» Азии: краткая история народных движений и воспоминания. М. 2003.
- Петров В.П.* Город на Сунгари. Вашингтон, 1984
- Петухова Н.В.* «Как живут китайцы»: одно название, два разных подхода. (По материалам изданий конца XIX – начала XX вв.). // Азия и Африка в меняющемся мире. XXVIII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 22-24 апреля 2015 г.: Тезисы докладов / Отв. Ред.: Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. СПб.: ВФ СРБГУ, 2015. С. 463-464.
- Печерица В.Ф.* Освоение русскими людьми северо-востока Китая в первой трети XX в. // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып. четвертый. Этнические контакты. Благовещенск. АмГУ, 2001.
- Пикуль В.С.* Желтухинская республика // Исторические миниатюры. М.: АСТ, Вече, 2001.
- По дорогам Китая, 1937-1945: Воспоминания советских военных советников и специалистов. М.: 1989.
- Подборка документов и материалов о расказачивании. Ч.1. 25.01.2010. URL: <https://d-v-sokolov.livejournal.com/93492.html>
- Попов А.В.* Русская диаспора в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. М.: Институт российской истории России РАН. 2001.
- Попов А.Ф.* Путевые заметки о Хань-Коу и русских чайных фабриках // Зап. ИРГО по отделению статистики. Т. II. СПб., 1871.

- Попов Н.А. Они с нами сражались за власть Советов. Китайские добровольцы на фронтах гражданской войны в России (1918-1922). Л.1959.
- Праздник всех святых мучеников и юбилей миссии // Китайский благовестник. 1912. Вып. 4 (от 10 июня). С. 1-14.
- Представительства в мире. URL: <http://rs.gov.ru/ru/contacts/inworld>.
- Пронин А.А. Российская эмиграция в современной историографии / "Образование и Православие". URL: http://www.orthedu.ru/ch_hist/hist/history-ru-/286mizh-rossijskaja-eh-.htm.
- Путь эмигранта (Сидней, 1935-1941). = Emigrant's way: [журнал] / Коллект. автор, ред.-изд. Серышев, И.Н. Сидней: Ориенто, 1935-1941.
- Пэн Мин. Краткая история дружбы народов Китая и Советского Союза. Л., 1957.
- Раев М.И. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919-1939 / Пер. с англ. М.: Прогресс-Академия, 1994.
- Райан Н.В. Россия-Харбин-Австралия: Сохранение и утрата языка на примере русской диаспоры, прожившей XX век вне России. М.: Русский путь, 2005. 208 с.
- Ренз Герра. Репатрианты. Странная судьба «возвращенки» Наталии Ильиной // Альманах «РУССКИЙ МИРЪ. Пространство и время русской культуры». 2010. № 3. С. 127-135. URL: <http://almanax.russculture.ru/archives/1331>.
- Решетилов Д. Алексей Чернов – губернатор Виктории // Русский век. № 12, 2011. URL: <http://www.ruvek.info/?module=articles&action=view&id=6560&issue=1>.
- Решетов А.М. Китайцы // Народы России: Большая Российская энциклопедия. М., 1994. С. 193-196.
- Романова Г.Н. Экономическая деятельность китайцев на российском Дальнем Востоке: торговля, предпринимательство, занятость (конец XIX – начало XX вв.) // Адаптация этнических мигрантов в Приморье. Владивосток, 2000. С. 83-101.
- Росов В.А. Иннокентий Серышев и проект «Новая Россия» // Arya Vest. URL: <http://www.aryavest.com/work.php?workid=14>.

- Российская диаспора за рубежом: политика России и проблемы сотрудничества / Calgary Russian Community. 10.11.2013. URL: <http://zarubegom.com/rossijskaya-diaspora-zarubezhom-politika-rossii-i-problemy-sotrudnichestva/?singlepage=1>.
- Российская национальная библиотека (СПб). Отдел рукописей. Ф. 1457 (Митрополит Виктор (Святин)). Оп. 1. Д. 31.
- Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920-1945) // Сборник документов. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Южно-Сахалинск. ДВО РАН, 1994. 152 с.
- Россияне в Азии. Литературно-исторический ежегодник. Торонто. Торонтский университет. Центр по изучению России и Восточной Европы. 1994-2000. No. 1-7.
- Рудницкий А.Ю.* Другая жизнь и берег дальний... Русские в австралийской истории. М.: Наука, 1991. 191 с.
- Русская колония в Тунисе. 1920-2000. Сборник. Составитель К.В. Махров. М.: Русский путь, 2008. 496 с.
- Русская поэзия Китая. Антология / Сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич. М.: Время. 2001. 720 с.
- Русская эмиграция и фашизм: статьи и воспоминания. Санкт-Петербург, 2011. СПб: СПбГАСУ. 2011. с.159-160.
- Русские на Цейлоне в XIX – начале XX в. Сборник архивных документов и материалов. М.: ИВ РАН. 2010. 283 с.
- Русско-китайские отношения в XVIII веке: Материалы и документы. Т.1. 1700-1725. М. 1978. Документ №5.
- Русско-китайские отношения: Официальные документы. 1689-1916. М.: Восточная литература, 1958. 142 с.
- Рыбаковский Л.Л.* Население Дальнего Востока за 150 лет. М. 1990. 168 с.
- Рыбин, старший лейтенант.* Новый вертикально-базисный дальномер и определитель курса // Морской сборник. 1921. № 3.
- Рябова В.И.* Российская эмиграция в Африке в 1920-1945 гг. М.: Макс Пресс, 2005. 190 с.
- Рябова В.И.* Студенты-эмигранты в Северной Африке в 20-е гг. XX в. М.: Издательство МГОУ, 2004. 53 с.

- Салтыков Н.Н. Территории и население Приморской губернии. Прил.1. // Экономическая жизнь Приморья. Владивосток, 1924. № 6-7
- Самойлов Н.А. Россия и Китай // История России: Россия и Восток. СПб., 2002.
- Самойлов Н.А. Россия и Китай // Россия и Восток / под ред. С.М. Иванова, Б.Н. Мельниченко. СПб., Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2000. С. 217-290.
- Сапелкин А.А. Из истории польской колонии Харбина (1896-1932) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. №3. Благовещенск: АмГУ, 2002. С.464-469.
- Сафонов Д.А. Казачество в революции и гражданской войне 1917-1922 гг. // «Мир истории» 2001. №6.
- Северная Маньчжурия. Гириная провинция. Т.1. Харбин, 1916.
- Семенченко Н.А. Черкесы в Израиле: религиозно-этническая община // Исламский фактор в истории и современности. ИВ РАН, М. 2011. С. 456-464. URL: <https://book.ivran.ru/f/islamskij-faktor-v-istorii-i-sovremennosti.pdf>
- Сергеев О.И. Роль российской эмиграции в хозяйственном освоении Барги (район северо-восточного Китая) // Исторический опыт освоения восточных районов России. Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. Ки. 2. Владивосток, 1993. С. 201-204.
- Серышев И. Азия и журнал «Азия» / Изд.-ред. Священник И. Серышев. // Азия, № 2, Непериодический журнал. Харбин-Сидней, 1935. С. 1а.
- Серышев И.Н. Народное образование в Японии. Харбин, 1919. С. 167-244.
- Серышев И.Н. Основы японской системы образования. Харбин, 1923. С. 117-178.
- Серышев И.Н. Копии некоторых статей священника Иннокентия Серышева по вопросу об эсперанто: напечат. и не напечат. в рус. газетах Америки. Харбин, 1925.
- Серышев И.Н. Содружество Востока и Запада. Речь, произнесенная на юбилее Заменгофа (автора Эсперанто) в Пекине 15 декабря 1924 г. / Изд.-ред. Священник И. Серышев // Азия, № 2, Непериодический журнал. Харбин-Сидней, 1935. С. 18-22.
- Серышев И.Н. Страна самураев. Харбин, 1926.

- Серышев И.Н.* Страна самураев. Ч.3: Женский вопрос в Японии. Положение трудящейся женщины до 1922 г. / К. Ямакава. 1926.
- Серышев И.Н.* Стыдно [не знать Esperanto]. Харбин, 1925. // Путь эмигранта [перепечатка], № 44. // Серышев, И.Н. Копии некоторых статей священника Иннокентия Серышева по вопросу об эсперанто: напечат. и не напечат. в рус. газетах Америки. – Харбин, 1925.
- Сидоров А.* Эсперанто: 120 лет развития. Ч. 1. 03.05.2007. URL: <http://www.lernolibro.info/artikoloj/legi/esperanto-120-let-razvitiya-chast-1>
- Скоробогатых Н.С.* Австралийский мультикультурализм: путь к гражданскому согласию или к расколу общества // Общественные науки и современность. №1. 2004. С. 135-148.
- Скоробогатых Н.С.* Австралия – СССР в 1940-е годы: динамика отношений. Часть 1. Военные угрозы и дипломатия // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Выпуск XXIV, М., ИВ РАН, 2014. URL: <https://sea.ivran.ru/f/22842258.pdf>.
- Скоробогатых Н.С.* Динамика политических воззрений российской диаспоры в Австралийском Союзе в 1940-х гг. // Пятая международная межинститутская научная конференция. «Российская диаспора в странах Востока». 17-18 апреля 2014 г. Тезисы и доклады. Москва, ИВ РАН, 2014. URL: <http://l.120-bal.ru/literatura/11715/index.html>.
- Скоробогатых Н.С.* Отец Михаил Протопопов – один из лидеров русского православия в Австралии // Российская диаспора в странах Востока: история и современность. М., 2013. С. 32-33.
- Скоробогатых Н.С.* Российские предприниматели в Австралии. Тезисы и доклады 8-й научной межинститутской конференции «Российская диаспора в странах Востока». // Отв. ред. и сост. Панарина Д.С. М.: ИВ РАН, 18 мая 2017. С. 128-162. URL: <https://book.ivran.ru/f/tezisy-i-doklady-vosmoj-konferencii-rossijskaya-diaspora-v-stranah-vostoka-1.pdf>.
- Сладковский М.И.* Знакомство с Китаем и китайцами. М.: Мысль, 1984. 384 с.
- Слово. Сидней. 2012. Спец. выпуск к Всемирному конгрессу казаков, Новочеркасск, 28-30 сентября 2012 г.

- Слюсарев С.В. В воздушных боях над Китаем // На китайской земле: Воспоминания советских добровольцев. 1925-1945. М., 1977. С. 189-248.
- Смирнов А. Казнен по приговору Брестского мира // Звезда. 1996. №6.
- Солнцева В.М., Солнцева Н.В. Куда идет китайский язык? / Ред. В.Д. Подберезская. // Китайское языкознание. IX Международная конференция. Материалы. Москва, Институт языкознания РАН, 1998. С. 15-22.
- Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861-1917 гг.) М.: Наука, 1989. 124,[3] с.
- Сообщения польских ориенталистов / Зарубежное востоковедение. Вып. 2. / Отв. Ред. А.С. Тверитинова. Институт народов Азии АН СССР. Б.м., б.и., 1961. 120 с.
- Сорокина Т.Н. Отношение к китайской прислуге на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XX вв.) // Востоковедное образование в университетах России. М., 2000. С.143-146.
- Спешнев Н.А. Жизнь русской эмиграции в Пекине (20-40-е гг. XX в.) // Восток-Россия-Запад: Ист. и культурол. исслед.: К 70-летию акад. В.С. Мясникова. М., 2001. С. 157-172.
- Спешнев Н.А. Пекин-страна моего детства. Китайская рапсодия. Записки синхронного переводчика. СПб.: «Бельведер», 2004. 320 с.
- Спешнев Н.А. Фонетика китайского языка. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1980. 144 с.
- Список умерших русских, прибывших в Бизерту на Русской эскадре и на госпитальном судне «Цесаревич Георгий» // Морской сборник. 1921. № 3. С. 144-146.
- Справочник по Северной Маньчжурии и КВЖД: Экономическое бюро КВЖД. Харбин: «Полиграф», 1927. 607 с.
- Суворов И.Н. Почему мы решили ехать в Австралию? // История русских в Австралии. Сидней. 2004. Т.1. С. 153-156.
- Сутурин А.С. Дело краевого масштаба. О жертвах сталинского беззакония на Дальнем Востоке. Хабаровское книжное издательство, 1991. 304 с.
- Сыроежкин К.Л. Казахи в КНР: Очерки социально-экономического и культурного развития. Алматы: ИРК, 1994. 118 с.

- Ся Хуаньсинь. Харбинские газеты в первой трети XX в. // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып. четвертый. Этнические контакты. Благовещенск.: АГУ, 2001.
- Тимофеева Н.Н. Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) (1921-1925). Народы Азии и Африки. 1976. №2. С. 47-57.
- Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. М., 2001. С. 9-44.
- Ткачева Г.А. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России в 20-20-е годы XX в. Владивосток: Дальрыбвтуз, 2000. 111 с.
- Толстой Л.Н. ПСС: в 90 т. (Юбилейное издание) М.-Л. 1928-1958. Т. 79. 1955. 303 с.
- Трегубов А.Г. Уральцы в Австралии. Уральск. Изд. «Оптима». 2007.
- Трегубов А.Г. От Гугни до Толстова – Атамана Яицкого казачьего войска. Уральск, 2000. 100 с.
- Трескин Н.С. О жизни и о себе // Россияне в Азии. Литературно-исторический ежегодник. Центр по изучению России и Восточной Европы. Торонтский университет. Toronto, Ontario, Canada, 1998. № 5. С. 127-144.
- Трифонов Н.Н. Порты Северного Китая. Тяньцзинь // Вестник Маньчжурии. 1929. №2. С. 46-53.
- Улымжиев Д.Б. Нерушимая братская дружба советского и монгольского народов. Улан-Удэ: Изд-во БГПИ. 1961. 159 с.
- Усов В.Н. Китайские воспитанники интердомов России // Проблемы Дальнего Востока. 1997. №4. С. 102-117.
- Устав Совета российских соотечественников в Австралии. URL: https://rarc.com.au/?page_id=74
- Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича. 1890-1891. Владивосток: Валентин, 2016. 419 с.
- Федотов А.С. Российская эмиграция и Русское зарубежье (к вопросу о диффинициях) // Тезисы докладов научной конференции: Роль русского зарубежья в сохранении отечественной культуры. М.: Институт российской истории РАН. 1993. С.5-8.
- Филатов Л.В. Экономическая оценка научно-технической помощи Советского Союза Китаю 1949-1966, М.: Главная

- редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. 167 с.
- Фрейкман-Хрусталева Н.С., Новигов А.И. Эмиграция и эмигранты. История и психология. СПб., 1995. С. 16.
- Фролова О.Г. Китайская Восточная железная дорога и проникновение-японцев в Харбин // 100-летие города Харбина и КВЖД: материалы конф. Новосибирск, 1998. С. 69-74.
- Фэн Юйсян. Воды шэнхо (Моя жизнь). Т.2. Б. м., 1944.
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство. 2007. 348 с.
- Хисамутдинов А.А. Иннокентий Серышев – востоковед и эсперантист // Проблемы Дальнего Востока. 2001, № 2. С. 148-155.
- Хисамутдинов А.А. Поэт и ученый Яшнов // Россияне в Азии. 1999. № 6. С. 219-234.
- Хохлов А.Н. Иннокентий Серышев в Австралии (Из истории востоковедения русского зарубежья) // Страны Южных морей: прошлое и современность. М., 1997. С. 48-53.
- Хохлов А.Н. Первый преподаватель русского языка в Пекине А.Ф. Попов // Вопросы истории. 2009, № 11. С. 76-87.
- Хохлов А.Н. Священник – ориенталист Иннокентий Серышев и его просветительская деятельность (Из истории Русского зарубежья) // Вестник церковной истории, № 2. М., 2006. С. 198-213.
- Хохлов А.Н. Священник Иннокентий Серышев в Японии и Китае: от эсперанто к востоковедным штудиям // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 3. СПб., 2001. С. 195-210.
- Хохлов А.Н. Стажеры при Российской дипломатической миссии в Пекине. Судьбы людей и научных трудов // Страны и народы Востока. М., 2002. Вып. XXXI. Кн. 6. С. 159-181.
- Хохлов А.Н. Харбинский ориенталист священник Иннокентий Серышев и его просветительная деятельность в Австралии (Из истории востоковедения русского зарубежья) // Миссионерское обозрение. Белгород, 1999. № 1. С. 19-23.
- Хохлова В.П. Журнал «Жили-Были» (Тунис, 1921-1922) // Африканцы и россияне на перекрестках истории. М.: Институт Африки РАН. 2010. С. 143-155.
- Хренков А. Тунис: русская диаспора // Азия и Африка сегодня. 1997. № 11. С. 29-30.
- Цветко А.С. Советско-китайские культурные связи. М., 1974.

- Чем свидетельствует Китай свою культуру // Китаеведение / Сост. В.А. Одинец. Т. 1, [19--] С. 263-264.
- Чемсо Г.К. Некоторые этнокультурные особенности адыгов, проживающих в Израиле / Культурная диаспора народов Кавказа: генезис. проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Черкесск, 14–19 октября 1991 г. С. 280-292.
- Черепанов С.Н. Кяхтинское китайское наречие русского языка // Изв. АН. Отд-ние рус. яз. и словесности. 1853. Т. 2. С. 370-377.
- Черникова Л.П. Языковой фактор как граница культур: сохранение русскоязычного сообщества в Китае в первой половине XX века // Сб. материалов междисциплинарной науч. конференции «Этническое и социальное: форма взаимодействия и конфликты». Ин-т истории СПГУ. СПб., 24-26 февраля 2017 г.
- Чесноков Н.Г. Расправа. Голод. Уральск. Изд. «Оптима». 2005.
- Шаронова В.Г. История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2015. 576 с/
- Ширендыб Б. Минуя Капитализм. Улан-Батор: Гос. изд-во МНР. 1967. 180 с/
- Ширинская А.А. Бизерта. Последняя стоянка. М.: Воениздат, 1999. 244, [2] с., [12] л. ил., портр.
- Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. Изд. 3-е, М.: Мысль, 1987. 240 с/
- Шкуркин П. Образование и школы в Китае // Китаеведение / Сост. В.А. Одинец. [Б. м.]: [б. и.], [19--]. Т. 2. [19--]. С. 37/об. 41.
- Шкуркин П. Переводчик или ориенталист? // Китаеведение / Сост. В.А. Одинец. Т. 1, [19--] С. 164/об.
- Шпринцин А.Г. О русско-китайском диалекте на Дальнем Востоке // Страны и народы Востока. 1968. Вып. VI. С. 86-100.
- Шпринцин А.Г. Проблема китайско-русского диалекта в освещении С.А. Врубеля // Революция и письменность. Изд-во «Власть Советов», 1932. № 1-2. С. 103- 13.
- Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток. (Три года в Уссурийском крае). СПб.: Изд-во А.Ф. Девриена, 1897. 469 с.
- Штендель У. Черкесы в Израиле. Нальчик, 2000. С.17.

- Шубина С.А.* Миссионерский вопрос на страницах российской печати: к оценке деятельности Русской православной церкви в Китае (вторая половина XIX-начало XX вв.) // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып. четвертый. Этнические контакты. Благовещенск.: АГУ, 2001.
- Шубина С.А.* Российская духовная миссия в Китае: правовые основы и организационные принципы деятельности (XVIII-начало XX вв.) // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып. четвертый. Этнические контакты. Благовещенск: АГУ, 2001.
- Этнокультурная и межрелигиозная коммуникация в образовательной среде. Тенденции развития и управление рисками // Материалы регион. науч.-практ. конф. с междунар. участием / отв. ред., сост. Е.В. Мельникова. Екатеринбург, 2017. 516 с.
- Якупов П.В., Чижикова Н.С.* Практические рекомендации по преодолению этнокультурных барьеров в коммуникации между представителями русского и китайского этноса // Вестник университета, № 7-8. 2017. С. 199-204. URL: <https://vestnik.guu.ru/jour/article/view/797/220#>
- Яхимович С.Ю.* Советские граждане в Северной Маньчжурии (1924-1935 гг.). Хабаровск: РИОДВЮИМВД России, 2015.
- Baabar B.* From World Power to Soviet Satellite. History of Mongolia. London: Cambridge-Nepko. 1999. 448 p.
- Baillie J.* The Belief in Progress. London: Oxford University Press. 1950. 240 p.
- Bakich O.* Valerii Pereleshin: Life of a Silkworm. University of Toronto Press. 2015. 391 p.
- Bulag U.* Nationalism and Hybridity in Mongolia. London: Oxford University Press. 1998. 320 p.
- Burgess Y.* The Myth of Progress. Glasgow: Wild Goose Publications. 1994.
- Cossacks in WWII. URL: <http://www.cossackweb.narod.ru/cossacks/kazww2.htm>
- Fraser I.W.* The Story of Nansen Home: Elderly Refugees in New Zealand. Lower Hutt, 1984. 65 p.
- Kaplonski C.* Truth, history and politics in Mongolia. The memory of heroes. London and New York: Routledge Curzon. 2004. 233 p.

- Knutsen J.N.* Outer Mongolian Study in Soviet colonialism. Hong Kong: Union Research Institute. 1959. 174 p.
- McFarland P.R.* A Promised Land? Russian Refugees in New Zealand after 1945. Dunedin (New Zealand): University of Otago, 1997. 93 p. Manuscript.
- Migration, Australia, 2015-2016. URL: <http://www.abs.gov.au/AUSSTATS/abs@.nsf/mf/3412.0>. Дата обращения: 16.06.2018.
- Oriento Monata ilustrita revuo en Esperanto. Esperanto Eldona Kompanio "Oriento". La redaktoro Inocento Serisev (Ежемесячный иллюстрированный журнал на Эсперанто). Эсперанто Издательская компания «Ориенто» / Редактор Инокенто Серышев. Ист.: Труды Общества изучения маньчжурского края. Харбин, Отд. Тип. КВЖД, 1927.
- The Australian People. An Encyclopedia of the Nation, Its People and Their Origins. Ed. by J. Jupp. Cambridge, 2001. 940 p.
- The Black Book of Communism. / By Stephen Courtois et al. Cambridge, Mass: Harvardi Univesity Press, 1999.
- «The Ceylon Independent», 15 февраля 1912 г.

Научное издание

**ВОСТОЧНЫЕ ВЕТВИ
РОССИЙСКОЙ ДИАСПОРЫ
В ПРОШЛОМ
И НАСТОЯЩЕМ
коллективная монография**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Редактор *Д.С. Панарина*
Корректор *Е.М. Астафьева*
Верстка *Е.М. Астафьева*

Подписано 23.09.2019
Формат 60х90/16 Бумага офсетная
Усл. печ. л. 19,5 Уч.-изд. л. 13,55
Тираж 500 экз. Зак.№ 393

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И.В. Федулов
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5